

Маркус Даркевиц

НОЧНОЕ
ДЕЖУРСТВО
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

2019 г.

Печатается в авторской редакции

С удовольствием представляем вашему вниманию сборник известных в определённых кругах и удивительных новелл Маркуса Даркевица. Тот факт, что вы сейчас держите эту книгу в руках, подразумевает, что замечательный автор и написанные им истории не нуждаются в дополнительном представлении. «И вообще, предварительные игры кончились».

Приятного чтения!

Все события и персонажи, упомянутые в книге, вымышлены. Все художественные образы персонажей находятся в возрасте 21 года и старше.

© Маркус Даркевиц, текст
Корректор А.В.П.
Дизайнер С.Е.Х.

ИНДЕЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Дикое улюлюканье индейцев не стихало. Со стороны ранчо слышались редкие выстрелы и отдельные вопли. Луиза тихо лежала в канаве, в десяти футах от дороги, надеясь, что кусты чапарала и юкки надёжно скрывают её от любого, кто проскачет поблизости. Молодая женщина лежала на спине, стараясь не двигаться. Она смотрела в небо, быстро темнеющее и отливающее с запада зловещим красным цветом – на ранчо наверняка уже занялся пожар. Луиза старалась не шевелиться не столько потому, что боялась привлечь к себе внимание, сколько потому, что малейшее движение причиняло сильнейшую боль в животе, куда четверть часа назад угодила индейская стрела.

Она попала примерно двумя дюймами правее и одним дюймом ниже пупка. Стрела была шальная, уже на излёте. Но зазубренный наконечник вошёл всё равно достаточно глубоко. Даже подумать нельзя было о том, чтобы избавиться от этого «подарка» команчей, учинивших неожиданный налёт на ранчо и хлопковую плантацию. Луиза, дочь одного из местных плантаторов, как раз возвращалась с вечерней прогулки,

когда мимо неё, словно стая демонов, промчалась конница индейских воинов. Они даже не обратили особого внимания на одинокую всадницу на белой лошадке. Только кто-то из команчей, обернувшись, пустил стрелу назад. Не стараясь даже специально попасть, так, на всякий случай. И надо же было такому случиться, что в этот миг лошадь прынула в сторону, подставив бок Луизы летящей в полумраке стреле.

Толчок в живот был сильным, но сначала почти безболезненным. Луиза оторопело смотрела на тонкую прямую палочку почти в два фута длиной, оканчивающуюся тремя аккуратно приделанными перьями кондора. Ей не хотелось верить, что это случилось именно с ней сейчас, но глаза не лгали: стрела неглубоко, но плотно вошла в тело, надёжно приколов ткани платья и нижней юбки к нежной коже. Лошадь тревожно танцевала на дороге; Луиза натянула поводья, чтобы остановить её движения, и совсем легко коснулась указательным пальцем стрелы. Острая боль мгновенно пронзила тело. Женщина застонала, бросила поводья. Лошадь тотчас переступила передними ногами, вызвав у всадницы очередную вспышку боли. Находиться в седле было долее невозможно; Луиза снова остановила лошадь и спешила, стараясь не делать резких движений. Но всё равно, малейшее напряжение мышц живота исторгало из лёгких мучительный стон... Ступив ногами на плотно утопанную землю, женщина осторожно обхватила ладонями живот в надежде успокоить боль; стрела торчала у неё между средним и безымянным пальцем правой руки.

Боль не стихала. Напротив, с каждым вдохом становилось всё хуже. Кровь уже напитала и окрасила в красный цвет кружок ткани вокруг места удара. Стрела превратилась в раскалённый стальной стержень. О том, чтобы прикоснуться к ней, было страшно подумать, не говоря уже о том, чтобы извлечь её, как про то болтали налившиеся виски ковбои и мустангеры.

Луиза прислушалась. С востока доносился лёгкий, постоянно усиливающийся рокот. Очевидно, это мчался второй отряд почему-то припозднившихся индейцев. Рядом с дорогой была

заросшая густыми кустами канава – туда, согнувшись, держась за живот и постанывая, направилась Луиза в надежде переждать опасность.

И эта опасность миновала. Сейчас команчи уже наверняка захватили ранчо и устроили там резню – а насколько жестоко расправляются индейцы с белыми, Луиза знала не понаслышке. Те, кого зарубили при налёте томагавком, могли считать себя счастливыми по сравнению с теми, кто потом умер у ритуального столба. Насколько «повезло» самой Луизе, женщина даже не могла сейчас оценить, потому что ей было очень больно и очень страшно. Рана в животе горела адским огнем. Боль иногда судорожно дёргала мышцы, заставляя непроизвольно сжимать ноги. Луиза со стоном перевернулась на левый бок, скорчилась. От этого движения острый наконечник в животе сместился, что-то проткнув, и женщина закричала – громко и протяжно, уже не беспокоясь о том, что кто-то может услышать...

Но в этот же миг её словно бы разбудил собственный крик. Да как она, собственно говоря, смеет так себя вести? Она, внучка переселенцев, дочь плантатора, настоящая южанка, не имеет ни малейшего права сдаваться! Зажмурившись и приготовившись к ужасному ощущению, Луиза схватилась обеими руками за стрелу и резким движением рванула её от себя.

Прерии ещё с полминуты оглашал дикий вопль – так в этих краях могла кричать только раненая пума. Луиза долго не могла прийти в себя – коварные зазубрины при обратном движении серьёзно повредили что-то внутри, и кровь текла ручьём. Всхлипывая, Луиза задрала платье, разорвала нижнюю юбку и, как могла, плотно обвязала раненый живот. Убедившись, что кровотечение прекратилось, дочь плантатора, хрипло дыша, откинулась навзничь. Ей по-прежнему было очень больно, но судороги прекратились, стрела уже не мешала движениям, а значит, надо было вставать и что-то делать... Что?

На ранчо не вернуться – там только смерть и разрушение. Если лошадь рядом, есть шанс добраться до армейского форта... Двадцать миль на север. Пустяк, если с тобой всё в порядке.

И почти невозможная авантюра, если у тебя рваная дыра в животе.

...Лошадь никуда не убежала, индейцев она сейчас не интересовала. Как большинство молодых женщин, Луиза не умела свистеть, но два хлопка в ладоши были для лошади понятным сигналом. Умное животное сразу же подошло к хозяйке.

Хорошо, но как на неё забраться? Любое требующее усилий движение вызывало только приступ боли и стон. Поднять ногу и вставить ногу в стремя – взрыв пламени. Схватиться за седло и перебросить вторую ногу – удар молнии. А когда лошадь двинулась, Луиза готова была поклясться, что её живот просто лопнул. Но, вскрикивая, дочь плантатора нашла силы направить лошадь к северу. Она даже не думала, сможет ли добраться, и даже если и доберётся, удастся ли выжить. Луиза помнила, как умирали люди и от более лёгких ран, но сейчас ей было не до воспоминаний. Глядя в сторону зарева, она увидела шестёрку скачущих по прерии силуэтов. Команчи!

Превозмогая боль, Луиза пришпорила лошадь. Нет, скакать невозможно – она просто упадёт с лошади... Храбрая южанка остановилась, вынула из седельной сумки «кольт» тридцать второго калибра и приготовилась к встрече.

Первый выстрел ушёл в сторону, но вторым она удачно сняла размахивающего томагавком раскрашенного дикаря. Третья и четвёртая пуля тоже нашли свои цели – ещё два индейца выпали из сёдел. Остальные трое команчей поняли, что жертва вовсе не беззащитна, и принялись быстро кружить вокруг белой лошади и белой всадницы. Ещё два выстрела прошли впустую, и пока Луиза плохо слушающимися руками пыталась перезарядить револьвер, два дикаря с двух сторон буквально под руки сбросили женщину с лошади.

Боль от падения заставила Луизу взвыть нечеловеческим голосом. Она приподнялась, но тут же согнулась, схватившись за живот, и упала в мучительных корчах на землю. Команчи переглянулись, один из индейцев, вооружённый копьём, спешил и нагнулся над катающейся по траве женщиной.

Понять, что с ней происходит, было несложно. Индеец развернул копье и надавил тупым концом оружия Луизе на живот. Вспышка боли была примерно такой же, как при выдёргивании стрелы. С бесстрастным видом спешившиеся команчи наблюдали за извивающейся на земле женщиной. Минуту спустя что-то решили – и два дикаря подхватили стонущую и всхлипывающую Луизу и помчали куда-то бегом. Каждый толчок вызывал всё более беспощадную боль, но вскоре наступило забытие.

...Очнувшись, Луиза удивилась тому, что всё ещё жива. Потом попыталась понять, что с ней. Боль в животе никуда не делась, она лишь притупилась, и сознание было на удивление ясным, только во всём теле была разлита сильная слабость. Во рту ощущалась лёгкая горечь трав, и зная кое-что, женщина поняла, что её напичкали особыми индейскими снадобьями.

Раздался какой-то шум, Луиза увидела, как распахнулся полог вигвама, и её в два счёта выволокли наружу. Она находилась в деревне команчей, которые притащили её сюда и продержали без сознания до утра... Для чего?

Меньше чем через минуту стало понятно. Галдящая толпа раскрашенных дикарей суежилась возле вкопанного в землю столба, к которому тащили Луизу. Когда женщина поняла, что с ней собираются делать, она подумала, что лучше бы осталась валяться в канаве...

Индейцы привязали Луизу к столбу, плотно прижав её спиной к деревянной поверхности и надёжно заведя руки за спину. Никаких особых церемоний и плясок никто не устраивал. Дикари просто корчили рожи, гремели амулетами, и наконец шаман подошёл к привязанной и несколькими движениями разорвал на Луизе одежду, оставив её почти обнажённой. Пропитанную кровью повязку он снимал дольше, помогая ножом, но затем и её клочья повисли безобразными лохмотьями, открыв взорам собравшихся испачканный живот. Под одобрительные возгласы шаман какой-то тупой палкой с бахромой принялся с силой, глубоко и ритмично надавливать на пупок рядом с раной.

В кишках Луизы проснулся дикий зверь. Он подпрыгнул, вцепился во всё, что только можно, своими зубами и когтями, и принялся драть и рвать нутро. Громкий протяжный вопль пронёсся над деревней. Луиза поняла, что вчерашние терзания – это ничто по сравнению с той пыткой, которую учинили для неё индейцы сейчас. Шаман наверняка хорошо знал, куда надо бить и давить, чтобы не особенно беречь вчерашнюю рану, но заставлять жертву страдать и мучиться сильнее, чем могли придумать даже в аду.

...Горечь во рту заставила Луизу вскинуть голову. Почти часовая пытка привела к потере сознания, и теперь кто-то из индейских скво напоил Луизу снадобьем; нельзя, чтобы жертва была в забытьи. Шаман ушёл, теперь в тридцати ярдах от Луизы стоял воин, держащий в руках лук. О нет, только не это!..

Вонзившаяся чуть выше пупка стрела была короче и тоньше вчерашней. Но, дрожа оперением, она вошла глубже, пробив кишки и застряв глубоко внутри. Рванувшись всем телом, Луиза закричала. Она тщетно пыталась освободить руки, чтобы то ли схватиться за живот, то ли хоть как-то защитить его... Вторая стрела ударила тремя дюймами ниже. Новая боль начала туманить сознание, вызывая странное, тянущее ощущение неестественной сладости страдания. Третий выстрел почти точно в пупок сотряс тело Луизы долгой конвульсией и вызвал протяжный стон. Что в этот момент чувствовала женщина, она вряд ли смогла бы выразить словами. Её голова наклонилась, глаза закатились, но скво была начеку и быстро подскочила к жертве с чашкой, заставив выпить новую порцию.

Солнце уже поднималось к зениту. Ровно в полдень казнь должна была закончиться. Луиза ещё дышала, постанывая и всхлипывая, её живот, оцетинившийся стрелами, дрожал и вздрагивал. Один из вождей вынул наваху, встал рядом с корчащейся у столба женщиной и принялся внимательно смотреть на тень от столба, которая должна была вот-вот коснуться круглого камня. Почему-то Луиза тоже догадалась, что эта тень отсчитывает её последние минуты. Испытывая нереальные боли, она жила только ощущениями внутри собственного

живота, но даже сама не отдавала себе отчёт, о чём молится: то ли о том, чтобы тень скорее коснулась камня, то ли о том, чтобы это произошло не так быстро.

Команч не понимал, что там страстно и почти безумно шепчет привязанная к столбу всё ещё красивая женщина с распущенными светлыми волосами. Какая разница? Дождавшись, когда тень столба дошла до камня, он воткнул нож Луизе в самый верх её лобка, погрузив клинок по самую рукоятку вглубь, и одним движением распорол живот снизу доверху. На траву хлынула кровь, тяжело шлёпнулись петли кишок. Крик застрял у Луизы в глотке. Дочь плантатора подняла глаза к небу. Жаркое техасское солнце стояло в самом зените. Это она успела заметить.

ПОДРУЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Визжающую и брыкающуюся Айлин они вдвоём кое-как скрутили и повалили на козетку. Пока Боб прижимал её сверху, уворачиваясь от ударов ногами, Элис защёлкнула на запястьях наручники, пропущенные под основанием козетки. После того, как удалось связать лодыжки, стянув их также внизу, они перевели дыхание.

– Да, ещё немного, и у нас были бы большие проблемы... – заметил Боб. – Но кто ей дал адрес, по которому мы должны обменять «товар», вот это вопрос!

– Теперь ясно, что у нас кто-то работает на Фаричетти, – небрежно бросила Элис. – А то и на ФБР. Вот только бы знать, кто именно...

– Естественно, вот в чём главный вопрос... Эй ты, – обратился Боб к привязанной девушке. – Кто из наших наводит?

Ответом была лишь злобная ругань. Боб только усмехнулся. Обмен наркоты на деньги они успели отменить, но где гарантия, что стукач снова не сольёт информацию конкурентам? Или федералам, что было тоже не очень приятно. Как бы выкачать из этой сучки информацию?

В помещении старой фотолаборатории, где проводили анализы поступающего от оптовиков героина, не было ровным счётом ничего, что помогло бы устроить допрос с утрашением. Ни газовой горелки, ни даже кусачек или ещё какого подобного инструмента... Боб заметил, что Элис тоже

обводит взглядом комнату в поисках чего-то очень нужного в этой ситуации. Хотя нет, Элис внимательно смотрела на кран над раковиной с надетым на него длинным резиновым шлангом. Свободный конец шланга оканчивался толстым штуцером с уплотняющими валиками вокруг отверстия.

– Сними с неё юбку, – сказала Элис. – Сейчас она нам всё расскажет.

– Это всегда с удовольствием, – произнёс Боб. Он подошёл к Айлин и, не обращая внимания на её ругань, рванул юбку девушки по шву, ломая застёжку. Айлин бешено извивалась на козетке.

– Дальше что?

– Как что? – Элис приоткрыла кран, из шланга тонкой струйкой потекла вода. – Снимай дальше, сейчас мы её напоим так, что мало не покажется. Всё скажет!

Боб сообразил, что задумала его сообщница. Идея показалась ему стоящей. Он сдёрнул трусики с Айлин, дотавив их почти до коленей. Айлин продолжала ругаться, но в душу её уже заполз страх – она сама давно была связана с мафией и знала не понаслышке о чудовищной жестокости гангстеров. Длины шланга хватило – Элис смазала штуцер кремом из своей косметички и начала засовывать его Айлин в анус. Та кричала, пыталась зажиматься и придавливать ягодицы как можно плотнее к поверхности козетки.

– Помогай, что ты стоишь?! – сердито крикнула Элис. Боб внял и с силой ударил Айлин кулаком в живот. Девушка непроизвольно приподняла коленки, слегка расслабила своё отверстие, чем тут же воспользовалась Элис. С натугой, преодолевая сопротивление плоти, она всё-таки запихнула штуцер в тело Айлин дюйма на три. Та громко вскрикнула от боли, но продолжала ругаться.

– Теперь ты точно скажешь, кто вам сообщил о месте и времени, – сказала Элис, ещё приоткрывая кран.

Айлин притихла, чувствуя, как прохладная вода начала втекать ей в нутро. Никаких неприятных ощущений не было, но она догадалась, что её хотят заставить говорить... А это

было невозможно. Если она сдаст своего шефа, с ней поступят ещё хуже, если только это возможно.

Элис ещё немного добавила напор. Струя воды стала плотнее, она скопилась где-то внизу неприятным комком. Лёгкая боль в глубине живота слева от пупка заставила Айлин негромко вскрикнуть. Боб задрал на лежащей девушке блузку и положил ладонь на её плоский живот.

– По-моему, там ещё полно места, – сказал он. – Давай добавим.

– Напор очень слабый, – с досадой сказала Элис. – Ничего, пару галлонов минут за пятнадцать нальёт!

«Пару галлонов!» – эти слова ужасом отозвались в ушах Айлин. Да она же лопнет и от одного!

Между тем её кишки продолжили заполняться. Преодолевая сопротивление, вода с долгим хлюпающим звуком прокатилась волной с левой стороны живота к правой и принялась распираť кишечник. Стало ощутимо больно.

– Может, она не знает? – спросил Боб, глядя на постанывающую и корчащуюся Айлин.

– Ну как это «не знает»? Знает! И скажет! Ведь ты же не хочешь, чтобы тебе разорвало живот изнутри?

Айлин с ужасом смотрела на лица Боба и Элис, на которых, кроме всего прочего, она увидела что-то очень напоминающее похоть. Распирание и боль в животе становились невыносимыми. От боли и страха Айлин закричала.

– Вспомнила? – спросила Элис.

– Нет... Я... не знаю...

– Ну, тогда продолжим...

Боб опять положил ладонь на живот.

– О, какой плотный стал! Смотри, как он раздувается!

В кишках что-то долго и болезненно забурлило. Айлин издала не менее болезненный стон. Она с ужасом увидела, что живот её неестественно вздулся. У девушки перехватило дыхание, она снова закричала... Но говорить отказывалась.

– Вот ведь упрямая... – Боб снова положил руку на живот Айлин, явно наслаждаясь надутостью и упругостью. Элис

легко и беззлобно хлопнула приятеля ладонью по ширинке. Айлин уже вскрикивала в голос, она билась и извивалась от страшной распирающей боли в животе. Со стороны могло показаться, что эта женщина – примерно на шестом-седьмом месяце.

Через пять минут боль стала поистине невыносимой. Несимметрично округлившийся живот вздрагивал и колыхался в такт корчам Айлин. Она теперь вопила почти без перерыва. Внутри что-то заскрипело, затрещало... Это терпеть было действительно нельзя. Задышавшись, Айлин крикнула:

– Слушайте! Это был Джек Корриган! Это он работает на Фаричетти...

– Я так и думал, – довольно произнёс Боб. – Ну, выключай.

– А зачем? – с жестокой ухмылкой спросила Элис.

Айлин сквозь пелену увидела, как женщина вместо того, чтобы завернуть кран, напротив, открыла его до отказа. В животе девушки раздался скрипящий звук, словно мокрой рукой жмут детский воздушный шарик. Айлин дико заорала, и в этот момент в комнате прозвучал приглушённый отчётливый хлопок, словно бы этот шарик лопнул, будучи накрыт плотным одеялом. Элис и Боб увидели, как гримаса боли и ужаса на лице Айлин сменилась выражением безмерного удивления.

Потом она уже не кричала. Когда Элис закрыла кран, забрала наручники и развязала ноги Айлин, та лишь с утробным протяжным стоном повернулась на бок, безуспешно пытаясь подтянуть колени к огромному колыхающемуся животу. Элис и Боб не стали долее ничего ждать. Они просто покинули старую лабораторию, чтобы больше сюда не возвращаться.

ОННА-ДЭ. ГОД 1945-Й

В конце лета сорок пятого года расквартированные в Китае части Квантунской армии частью своей откатились к морю, частью были разбиты настолько стремительно, что множество городов и посёлков в Маньчжоу-го остались предоставленными сами себе. Японских военных здесь уже не было. Советские войска ещё не пришли. В домах сидели измученные ужасами оккупации мирные китайцы, а в учреждениях засели местные сотрудники захватчиков и не сумевшие убежать с остатками армии японцы: интенданты, повара, прачки, военные корреспонденты и офицерские проститутки. И не просто засели, а с отчаянием обречённых отбивались от разъярённых партизан, от участников антияпонского Сопротивления и просто от лихих людей, которые под маркой наказания врагов и предателей жестоко казнили коллаборационистов и граждан ещё недавно вражеского государства.

Над Тяньбином – небольшим городом, в котором японские оккупанты устроили себе место отдыха и развлечений, вот уже несколько дней висел дым пожарищ и непрекращающиеся вой и стон: горели здания, превращённые японцами в казино, кафе и бордели; заострённые колья и бочки с негашёной известью сооружались прямо на улицах и не простаивали: те, кто попадал в руки мстителей живыми, завидовали тем, кто был застрелен или даже заживо сгорел в пожаре.

Бао Цинь, одетый в выгоревшую поношенную гимнастёрку, стоял возле догорающей штабной машины японцев и задумчивым взглядом тёмных глаз на каменном лице смотрел на творимые дела в городе. Жалости не было в его сердце; после того, как японцы убили всех его родных и близких, причём большинство умерло после долгих жесточайших пыток, он поклялся мстить оккупантам и всем, кто им так или иначе помогал. А поскольку Тяньбин почти весь сотрудничал с интервентами, работы его бойцам хватало...

– Бао! – послышался вдруг чей-то истошный вопль. – Ты же помнишь меня! Мы ведь с тобой вместе против Чан Кайши сражались!

Бао Цинь посмотрел в сторону вопящего. Действительно, знакомое лицо! То кричал его старый знакомый Чжун Ванхэ, которого сейчас двое бойцов волокли вдоль по улице. Бао сделал знак рукой своим людям, и те подтащили Чжуна поближе. Выслушав стандартный набор жалоб на нищенскую жизнь, лишь исключительно которая толкнула Чжуна работать на японцев, а именно – всего лишь отремонтировать оккупантам одежду и обувь, Цинь уже собрался давать бойцам знак – всё ясно, тащите его дальше, как Чжун вдруг сказал:

– Я знаю, где спрятались руководители жандармерии!

У Бао дрогнуло лицо. Он спросил:

– Разве они не сбежали вместе с военными?

– Они не все успели! Бао, пощади, я тебе покажу, где они!

– Показывай, – сказал Цинь. – Тебя не потащат на позорную казнь, обещаю. Но если ты солгал...

* * *

Услышав выстрелы, Юмико поняла, что дело плохо. Похоже, надсмотрщик, которого она отправила на поиски китайской гражданской одежды, попался. В подвале остались только шеф жандармерии Сигэру Ямамото, ещё один надсмотрщик и она – начальник тюрьмы Юмико Фудзимори. Чрезвычайно редкая должность для женщины в милитари-

стской Японии, но Юмико происходила из древнего самурайского рода, чтит кодекс чести Хага-Курэ и всю свою жизнь положила на то, чтобы доказать, что пусть не на поле сражений, то хотя бы здесь она доблестно может служить императору. А доказывать приходилось нелегко: непосредственное руководство расстрелами, собственноручные допросы... Полученная информация от одного из руководителей партизан помогла в успешной организации карательной экспедиции, и об этом узнали в Токио. В Токио не знали только о том, что суровый китаец почти сорок часов умирал под пытками Юмико, зато об этом хорошо было известно здесь, в Тяньбине, и потому именем молодой красивой женщины пугали не только детей...

Положение сидящих в подвале было отчаянным: без воды здесь долго не протянуть, патроны к оружию остались на верхних этажах и давно уже присвоены этими грязными китайцами... Хорошо хоть никто не знает, как ещё можно попасть в этот подвал... Надсмотрщик наверняка успел застрелиться, это уже хорошо. Чуть позже надо будет второго тюремщика отправить на поиски одежды. Потом одеться, как местные жители (это, конечно, мерзко), и каким-то образом добираться до своих... Ведь не мог же император сдать Японию, как об этом пытаются врать по местному радио!

Юмико, конечно, заблуждалась. Во-первых, император действительно объявил о капитуляции, во-вторых, про этот подвал было известно хозяину лавочки, своеобразного гибрида ателье, обувной мастерской и курильни опиума. Лавочник поставлял зелье господину Ямамото лично, но об этом, что вполне резонно, главный жандарм не докладывал своей первой заместительнице. И надо было видеть её удивление и отчаяние, когда в подвал с двух сторон ворвались несколько разъярённых китайцев. Отстреляться не получилось: солдат-тюремщик погиб на месте, Ямамото упал на бок, получив пулю в ногу, а Юмико, оставшуюся без повреждений, крепко ухватили сразу трое, завернув ей руки за спину.

– Какая неожиданность! – услышала она голос Бао Циня. Партизан неплохо говорил по-японски. – Это же сама «хозяйка подкожных ножей»! Так, вроде, тебя называют в городе?

– Заткнись, обезьяна! – прошипела Юмико.

Бао Цинь смерил её взглядом. Правильные, тонкие черты лица, сама довольно высока для японки, не слишком стройна, но с неплохой фигурой, которую интересно подчёркивает ненавистный чёрный мундир...

– Бао!!! Она расстреляла триста семьдесят человек! – взвизнул кто-то. – Содрать кожу живьём с гадины!

– Вывернуть кости из суставов и бросить крысам! Она так поступила с моим мужем, – раздался женский голос.

– Я слышал, что у неё на допросах умерло больше десяти наших товарищей, – произнёс вооружённый до зубов седой боец. – Её надо поставить в бочку с известью, и пусть она умирает неделю! Нет, лучше две... а голову потом отрубить и выставить на шесте посреди города, так высоко, чтобы все видели, как мы поступаем с врагами...

Бао о чём-то думал.

– Идёмте все отсюда. На бегу такие вещи не решаются.

– А с этим что делать? – спросил кто-то, вытолкнув вперёд Чжуна Ванхэ.

Цинь вынул наган и дважды выстрелил Чжуну в сердце.

* * *

Партизанский вожак не стал рисковать и вести жандармов куда-то по улицам: толпа жадных до японской крови мстителей могла бы легко отбить их, несмотря даже на авторитет Циня. Поэтому он вместе с пятью верными соратниками поднялся на второй этаж ещё уцелевшего здания якобы жилого дома, на деле – конспиративного здания охраны. Туда же провели Юмико с крепко связанными за спиной руками и втащили постанывающего Ямамото, который всё же мог переставлять ноги.

Процессия вошла в одну из комнат, носившую следы поспешного бегства, но с чисто японской обстановкой: токонома

на стене, низенький столик для чая... В углу – большой соломенный мат с торчащими соломинками. На этот мат швырнули Юмико. Ямамото позволили сесть на пол в другом углу.

Бао Цинь думал о том, что же делать с этой женщиной, приводившей в ужас борцов с режимом, да и простых людей, чья вина могла быть только в том, что они являлись друзьями или родственниками участников Сопротивления. То, что она умрёт – было ясно, тут вообще никаких споров быть не могло. И умереть она должна не просто – это тоже не подлежало обсуждению.

Юмико, в свою очередь, это тоже понимала. И, понимая это, молча взывала к верховной богине Аматаэрасу, чтобы та дала ей возможность уйти так, как это делали её предки.

– Бао! – позвала Юмико. – Тебя ведь так зовут? Ты думаешь, как поступить со мной? Я готова умереть в мучениях, но позволь мне это сделать самой.

– Ты говоришь о сэппуку? Я не слышал, чтобы ваши женщины делали это. А умереть от пули я тебе не позволю. Ты слишком много бед и страданий причинила моим соотечественникам...

– Дай мне меч или кинжал, – сказала Юмико. – Я проведу ритуал по всем правилам. Ты и души твоих сограждан будут довольны.

«А почему бы и нет?» – подумал Цинь. И спросил:

– Что-то тебе ещё нужно?

– Перо и лист бумаги. И необходим секундант, который отсечёт мне голову, когда ритуал будет окончен... Ямамото – тоже самурай. Может он это сделать, пока вы его не убили?

– Я думаю, мы можем это сделать... – Цинь перешёл на китайский и сделал необходимые разъяснения своим товарищам. Те вроде согласились, хотя и не без колебаний. Юмико наблюдала за Цинем. Какой-то зловещий блеск играл в его глазах, но выбирать уже было особенно не из чего. Хвала Аматаэрасу за то, что он согласился хотя бы выслушать её!

Юмико развязали руки и подали перо и клочок бумаги. Минуты через две женщина что-то написала на нём и передала Циню:

– Потом сожги это.

Цинь глянул мельком на написанное... Странно пишут эти японцы – вроде бы пользуются нашим письмом, а ничего не понять, ни одного знака... Партизан не знал, что Юмико написала хокку – предсмертное стихотворение – не обычным набором иероглифов, как это обычно делают мужчины, а особым стилем письма – «онна-дэ», что примерно значит «путь женской руки».

Ямамото вручили шашку, позаимствованную у седовласого бойца, но так, чтобы он, чего доброго, не воспользовался ей для чего-то другого сверх договорённости. Нашли и кинжал. Юмико скривилась: это был далеко не ритуальный нож, хотя, конечно, в данной ситуации подошло бы и вообще не оружие. Хуже оказалось другое: клинок был не очень острым. То есть совершенно тупым не назвать, но для сэппуку использовать очень трудно.

– Неужели это всё, что у вас есть? – презрительно спросила Юмико, но голос её дрогнул.

Китайцы молчали. Только женщина прошипела: «Я бы лучше тебе дала деревянный нож».

Всё было готово. Сидя на пятках, Юмико расстегнула чёрный форменный жакет, отбросила его в сторону... Немного поколебавшись, стянула блузку, оставшись обнажённой по пояс. Быстро пробежала по лицам четверых мужчин и одной женщины: только суровое ожидание. Так и должно быть. Приподнявшись на коленях, Юмико приспустила юбку так низко, как это было возможно, чтобы обнажить почти весь живот, довольно подтянутый, но немного округлый от пупка и ниже. Глядя в окно, за которым тянулись шлейфы дыма, японка принялась массировать и гладить живот. Кожа податливо прогибалась под руками. Юмико вдавливала пальцы всё глубже, пока мышцы достаточно не расслабились. Затем приняла кинжал, поудобнее взяла его в правую руку, положила сверху левую и, сделав глубокий выдох, вонзила себе в левую сторону живота.

Как тяжело пошло лезвие! Чтобы проткнуть кожу, мышцы и брюшину, женщине пришлось надавить изо всех сил три

раза подряд, и только после этого по желобу потекла кровь, и кончик кинжала уперся в кишечник. Боль огнём охватила живот. Как ни прискорбно это для самурая, но Юмико заскрипела зубами. Некоторое время она боролась почти с непреодолимым желанием выдернуть кинжал из раны (в принципе, уже сейчас никто бы не посмел её упрекнуть вслух в потере лица), но надо было доводить ритуал до завершения. Только когда он окончится, можно говорить о полном освобождении «вместилища души».

Юмико потянула кинжал вправо. Проклятый клинок толком ничего не резал, только тянул. Он не разрезал даже ту кишку, в которую упёрся изначально, только проткнул и зацепил, и малейшее движение вызывало чудовищную боль. Ближе к рукоятке лезвие было заточено лучше, и кожу прорезало сравнительно легко, но то, что было внутри, сопротивлялось, тянулось само и тянуло за собой, как казалось Юмико, весь кишечник целиком. Несколько раз вдохнув и выдохнув, Юмико сосредоточилась и сделала несколько резких движений кинжалом наружу и внутрь.

Это помогло, но какой ценой! Боль заставила Юмико застонать сквозь сжатые зубы, она чуть привстала и согнулась в поясе вперёд. Кинжал наконец разрезал не поддававшиеся до этого петли и дал возможность довести разрез до середины живота. Юмико нашла в себе силы разогнуться и посмотреть вниз. Рукоятка кинжала торчала точно под пупком; рана к левому боку обильно кровила, залив уже почти всю юбку и часть соломенного мата. К вздрагивающей рукоятке страшно было вновь прикоснуться; но это пришлось сделать, и Юмико закричала опять. Кинжал, как и прежде, шёл плохо, приходилось двигать лезвие вперёд-назад, и каждое движение, колющее, рвущее и тянущее кишки, вызывало ощущение запредельной боли, которая стала уже настолько нереальной, что словно бы превратилась в отдельно существующий клубок, невыносимо жгучий и наносящий удары.

Бао Цинь никогда ещё не видел ритуал сэппуку. Более того, он не предполагал, что увидит его в исполнении

женщины. Не отрываясь, он почти с мистическим восхищением, доступным пониманию только истинного азиата, смотрел на всё увеличивающийся разрез, показывающий путь кинжала сквозь живот. Путь женской руки.

Когда кинжал достиг правой стороны, Юмико, неслышно стонавшая и мелко дрожавшая последние пару минут уже без перерыва, на миг остановилась. Теперь никто не то что вслух, но даже мысленно не посмеет сказать про «потерю лица». Вот только если бы ещё удалось закончить как надо...

Юмико почти полностью развернула назад торчащий в ране кинжал. Это движение опять согнуло её в поясе и заставило забиться в долгой конвульсии. О том, чтобы закончить ритуал, казалось, уже не могло быть и речи. Но женщина вдруг разогнулась и, двигая кинжалом внутри себя, потянула клинок наискосок вверх. Это был завершающий штрих ритуала. Юмико выдернула кинжал, отчего её снова ударила судорога, и, плотно обхватив руками кровоточащий живот, немного нагнулась вперёд, подставив шею так, чтобы Ямамото было легче ударить. Старый жандарм этого ждал. Он встал, обнажил шашку и приметился, чтобы отсечь голову одним ударом, как того требовал кодекс чести самурая.

Но ему не дали завершить ритуал. Бао Цинь пнул японца по раненой ноге, а когда тот пошатнулся, с помощью двух бойцов отобрал у жандарма шашку. Ямамото выкрикивал проклятия, требуя уважать дворянскую честь, и Бао Цинь громко и отчётливо сказал по-японски, что он будет уважать честь. И разрешит закончить ритуал. Но не сейчас.

Юмико, не в силах разогнуться, повернула голову в сторону и поняла всё коварство китайца. Бао держал своё слово, но при этом решил заставить её мучиться ещё очень долго. Собрав последние силы, Юмико схватила кинжал, встала на колени, выпрямив торс, и резко метнула оружие прямо в Циня. Она могла бы закончить ритуал сама, как это иногда приходилось делать самураям при невозможности присутствия секунданта, но в этот миг гнев не дал ей подумать об этом.

Бао даже не успел отойти в сторону. Просвистевший в воздухе кинжал вонзился ему в правое предплечье. Китаец только покосился на свой рукав, который стал быстро набухать его кровью, смешавшейся с кровью японки.

Бросок заставил широко разойтись края угловатого разреза на животе, из него немедленно наружу полезли пораненные кинжалом кишки. Юмико издала гортанный звук, присела и попыталась схватить скользкие петли, прежде чем они свалятся с её колен на мат. Но не успела. С хлюпающим шлепком кровавый клубок упал на торчащие там и тут жёсткие соломенные стебли. Вместе с ними Юмико судорожно схватила свои внутренности и, трясась в конвульсии, попыталась засунуть их назад в живот, вперемешку с соломинками.

Бао Цинь дважды видел, как люди теряли кишки в бою, и оба раза его поражало, насколько это странно – запикивать их обратно. Всё равно не поможет, особенно на поле боя или в джунглях, когда вместе с внутренностями человек засовывает в себя грязь, ветки или копошащихся насекомых.

Юмико отчётливо чувствовала каждую впившуюся в кишки соломинку, каждая из них причиняла невыносимые страдания, которые помимо воли вырывали стоны из самого нутра. А стонать было нельзя... Нет, она действительно зря это сделала...

И решительным движением Юмико выбросила кишки на колени. Вслед за взрывом особой, туманящей сознание боли пришло странное ощущение полного опустошения. Даже нет – освобождения. Словно бы действительно открылось вместилище души, которая теперь свободна и вскоре может спокойно отправиться в храм Ясукуни, где находят последнее пристанище окончившие жизненный путь самые доблестные люди Земли.

Юмико ещё долго лежала на боку, скорчившись и дрожа в судорогах на залитом кровью мате. Бао Цинь, поняв, что смерть от потери крови близка, сделал знак Ямамото.

Тот завершил ритуал. Цинь разрядил наган в японца, сжёг бумажку с непонятной ему записью и велел своим соратникам заняться делами.

Голова Юмико, как и предлагал седовласый, была выставлена на шесте посреди главной площади городка, чтобы все знали – отмщение свершилось. Куда делось тело начальницы тяньбинской тюрьмы, об этом история умалчивает. Но что жестокая душа Юмико обрела вечный покой в храме Ясукуни – в этом нет ни малейшего сомнения.

ПО РЕЦЕПТУ ХУНТЫ

Кейт очнулась довольно быстро, и возвращение в реальность было весьма неприятным: голова всё ещё гудела от удара резиновой дубинкой, руки и ноги слегка затекли, поза была крайне неудобной. Журналистка попыталась пошевелиться и обнаружила, что двинуться почти невозможно: её положили грудью на низкую привинченную к полу скамью, надёжно привязав торс и плечи к её поверхности. Туловище располагалось параллельно каменному полу, в который упирались колени. Лодыжки крепко к чему-то привязали, голова, бёдра и живот были свободны. Поза, несомненно, выглядела очень унижительной.

«Если они решили меня изнасиловать, то мне не удастся оказать ни малейшего сопротивления, – безнадежно подумала Кейт. – Ну, от охраны можно было ждать и не такой гадости...» Молодая женщина убедилась, что ладонями может ощупать свой живот и переднюю часть бёдер. «Так и есть, раздели...»

На Кейт действительно остались только блузка и лифчик. Она начала понимать, почему тут оказалась. Очевидно, в корпункте «Лос-Анджелес Таймс», расположенном здесь, в Сантьяго, всю исходящую информацию уже взяла под контроль хунта, и попытка написать для американцев правду о том, что происходит сейчас в Чили, была кем-то замечена. А хунта не прощает огласки своих действий никому, особенно журналистам, ни местным, ни чужим...

– Она очнулась, – послышался со стороны чей-то голос с сильным испанским акцентом.

Американка повернула голову и увидела троих: усатого толстяка лет сорока пяти, высокую худенькую женщину, довольно молодую, немногим старше самой Кейт, которая в свои двадцать четыре уже сделала себе имя как специалист по Латинской Америке, и невзрачного типа неопределённого возраста. Невзрачный был в шортах и безрукавке, толстяк и женщина – в зеленовато-бежевой форме чилийских войск. Он – полковник, она – лейтенант. Мужчины курили сигары и сидели возле стола, женщина стояла поблизости. В её пальцах была зажата сигарета.

– Что вам от меня нужно? – сквозь зубы спросила Кейт.

– Мисс Норт, – обратился к ней человек в штатском, – нам нужно очень немного. А именно, чтобы вы подписали вот эту бумагу... Это статья для вашей газеты. Написанная вами. Её нужно срочно передать, потому что в «Лос-Анджелес Таймс» беспокоятся: вы обещали материал, а он почему-то до сих пор не поступил в редакцию.

– Вы его перехватили, – с досадой произнесла Кейт.

– Мы не хотим, чтобы вы писали неправду, мисс Норт. Какой-то концлагерь на стадионе, пытки в университете... Что за вздор? Вы так сочувствуете коммунистам?

– Я ненавижу коммунизм...

– По вашей писанине этого не скажешь. Думаете, она понравится редактору «Таймса»?

– Сейчас не пятьдесят второй год, и сенатора МакКарти давно нет...

– Да, сейчас семьдесят третий. Но коммунизм не стал лучше... Вот раньше вы писали только правду про ужасы, творимые социалистами в Чили. Почему вы стали лгать сейчас?

– Потому что хунта Пиночета несколько не лучше режима Альенде. Она хуже. Намного хуже!

– Ладно, хватит демагогии, – подал голос полковник. – Надо, чтобы ты подписала правильную статью, и потом можешь отправляться на все четыре стороны.

– Что там хоть написано?... – Кейт решила потянуть время. Штатский поднёс бумаги к лицу женщины. Журналистка почувствовала, как в ней нарастает гнев.

– Я это не подпишу! Что вы вообще такое придумали?

– Придётся подписать, – покачал головой штатский. – Мы знаем, что в Штатах вас считают экспертом по Чили, и потому хотим, чтобы люди узнали именно от вас, какая ситуация в стране...

– Но вы пытаетесь от моего имени распространить свою ложь!

– Ты плохо понимаешь, что происходит, и где ты сейчас, – слышался голос женщины с погонами лейтенанта. – Мы можем заставить тебя подписать всё, что угодно.

Сердце Кейт сжалось. Она знала, что хунта не гнушается применять достаточно изощрённые пытки. Потому что у них часто возникает необходимость дать подследственному дожить до суда или даже оказаться на свободе. Демократия по рецепту хунты... И потом побывавший на допросе нигде не докажет, что к нему применяли методы устрашения. А методы эти бывали довольно суровыми.

– Я – гражданка Соединённых Штатов! Вы ответите перед мировой общественностью, если со мной хоть что-то случится.

– Мы сейчас подключим тебя к генератору и дадим ток. И ты будешь орать как пароходная сирена, но никакая общественность тебя не услышит... Ты будешь орать до тех пор, пока не поставишь подпись и не напишешь своей рукой «в номер»...

– Не дождётесь...

– Ну, что будем делать? – обратился штатский к военным.

– Ток не годится, – заявила женщина. – У них в Штатах, говорят, научились распознавать следы от электродов. Чилийца ещё можно так обработать, а эта гринго может потом попытаться доказать, каким именно образом с ней поступили...

– Предлагаешь накормить её банановой кашей? – спросил полковник.

– Это будет лучше всего, – сказала лейтенант...

На несколько минут все вдруг отлучились, оставив Кейт томиться в догадках, что уготовили ей эти негодяи... Но чтобы подписать этот вздор... Нет, об этом невозможно даже подумать.

Появились полковник и лейтенант, а с ними какой-то прыщавый парень в форме без погон. У прыщавого в руках была увесистая на вид кастрюля с чем-то, полковник держал в руке длинный металлический шприц, внешне немного похожий то ли на кондитерский, то ли на автомобильный, которым автомеханики накачивают солидол в узлы подвески.

– Наше изобретение, – сказал полковник. – Если банановую мякоть раздавить, она станет полужидкой. Если смешать её с соком лимона и закачать под давлением тебе в живот, ты уже через пятнадцать минут не только подпишешь статью, но и с нуля сочинишь её ещё лучше...

– Тебе будет очень больно, – подхватила женщина. – Это не то что поставить обычную клизму и заткнуть воде выход. Хотя и этого для кого-то достаточно. А ты, я гляжу, упрямая, как все вы, проклятые гринго...

– Тише, Кончита. Американцы – наши друзья, – усмехнулся полковник. – Будешь подписывать?

Кейт только фыркнула. Ерунда какая-то... Всё это было безумно унижительно, но такие методы не заставят профессионального журналиста поступиться принципами...

– Хорхе, давай!

Прыщавый парень принял шприц и начал с ним манипулировать. Кейт не видела, что происходит сбоку и сзади от неё, только пискнула, почувствовав, что в задний проход уткнулся холодный металлический наконечник. Когда он, преодолев сопротивление, проскользнул внутрь, женщину передёрнуло. Наконечник ритмично задвигался, когда Хорхе принялся качать рычаг шприца, и Кейт почувствовала, как будто какое-то пухлое облако заполняет ей кишечник. Было совсем не больно и не сказать, что уж так неприятно. Куда противнее было, что полковник и Кончита внимательно пялятся на неё, следя за реакцией. Вот же идиотская ситуация!..

Хорхе тем временем вытащил из неё наконечник шприца и заткнул Кейт анус чем-то вроде широкой пробки.

– Делай сразу ещё три шприца, – сказал полковник. – Пусть её проймёт по-настоящему.

Второй шприц пошёл уже не как пухлое облако, а как плотный колючий шар, начавший раздуваться и распирает Кейт низ живота. Она непроизвольно коснулась его руками. Стало немного страшно. Ей приходилось принимать клизму в клинике, но сейчас ощущения были хоть и похожими, но при этом совсем иными. Она непроизвольно ойкнула и обхватила руками живот. В левой части образовалось плотное вздутие.

– Сейчас пойдёт дело, – удовлетворённо заявил полковник, закуривая. Масса, закачиваемая из четвёртого шприца, заставила Кейт закричать. В том числе и от удивления. Она вдруг поняла, что её кишечник просто не рассчитан на подобные ощущения, что он тоже удивлён и испуган таким обращением. Боль всё нарастала, а вздутие, нарушившее симметрию живота, уже хорошо просматривалось со стороны. Распирание становилось всё сильнее, и Кейт стало по-настоящему страшно.

«А вдруг кишки не выдержат и лопнут?»

Она начала извиваться, подалась вперёд, словно пытаясь убежать от шприца в руках экзекутора. Тот как раз опорожнил шприц, вынул его и заткнул задний проход затейливой пробкой со штоком, который при движении расширял её и не давал выскочить наружу.

– Пока достаточно. Посмотрим, надолго ли её хватит... Пошли, – обратился полковник к своим подчинённым.

– Подожди. Я хочу поглядеть, вдруг ей это понравится, – усмехнулась Кончита.

«Как это может понравиться?» – подумала Кейт, корчась от усиливающейся боли в животе. Боль нарастала очень быстро, и Кейт несколько раз простонала сквозь зубы.

– Это только начало, – обнадёжила её Кончита. – Сейчас твой живот начнёт возмущаться по-настоящему.

Кейт почувствовала, что внутри начал разгораться жаркий очаг. Он жёг всё нутро изнутри, но особенно сильная боль

локализовалась от середины и левее книзу. Кишечник пытался извергнуть из себя полужидкую кислую массу, но был надёжно закупорен, и давление вызвало острую боль. Кейт закричала.

– Пустите меня! А-а-aaa! Я сейчас лопну! Что вы делаете, мерзавцы?!

Военные с наслаждением наблюдали за корчащейся от боли женщиной. Кейт обхватила живот ладонями. Неожиданно боль притупилась. Кейт уронила голову на скамью и перевела дух.

– Ну, как? Может, не стоит упрячиться, мисс Норт? – вкрадчиво спросил полковник. В ответ послышалось сакральное «fuck you».

– Ну, как знаешь... Имей в виду, Хорхе может перестараться. Если он разорвёт тебе кишки, ты подпишешь всё что угодно в обмен на пулю в голову. А тебя придётся объявить пропавшей без вести. Это, конечно, не самый лучший выход, но не ты первая, не ты последняя, поверь.

Следующий спазм заставил Кейт закричать в голос. Давило и распирало просто с чудовищной силой. Женщина подумала, что сейчас её кишки действительно порвутся. Она билась с такой силой, что до крови ободрала колени. Приступ длился бесконечных две минуты, в течение которых Кейт жила только болью в своём животе. В котором вдруг что-то с громким и долгим бурлением провернулось, и на какое-то время боль притихла. Тяжело дыша, американка опять уронила голову на скамью. На коже выступила испарина, из угла рта текла струйка слюны. Военные больше ничего не предлагали. Казалось, полковнику наскучило занятие. Видимо, он уже провёл столько допросов в своей жизни при разных политических режимах, что даже пытка молодой женщины не представляла для него особого интереса. Он снова предложил покинуть камеру и оставить Кейт мучиться в одиночестве. Но Кончита, которой подобные вещи ещё не приелись, отказалась. Она подошла к изредка постанывающей Кейт, для которой малейшее движение в кишечнике сейчас было очень болезненным, присела сбоку на корточки, положила ладонь американке на живот.

– Мария и Иосиф! Какой он плотный, надутый... – и с силой несколько раз надавила снизу в области пупка.

Кишечник немедленно отреагировал. Кейт громко вскрикнула и дёрнулась всем телом. Боль проснулась и принялась свирепо драть кишки изнутри. Американку ударила сильная судорога в спине и бёдрах; глядя со стороны, можно было подумать, что женщину сотрясает глубокий, продолжительный оргазм. Краем сознания об этом подумала и сама Кейт, поразившись тому, как странно порой может реагировать тело. Кончита облизала губы искомандовала Хорхе:

– Давай ещё один!

Хорхе ловко заменил пробку на наконечник и принялся вгонять в нутро мисс Норт очередную порцию давленных бананов. Каждое движение рычагом вызывало у Кейт короткий болезненный крик. Распирание стало невыносимым.

– Я сейчас лопну! Лопну!!! Прекратите! – уже не своим голосом закричала Кейт; теперь она искренне была в этом уверена. Корчась и извиваясь от нестерпимых болей, давящих, острых, пульсирующих, женщина не отрывала ладони от своего вздутого живота.

– Мне надо отлучиться, – не очень внятно пробормотала Кончита и нетвёрдой походкой прошествовала к двери. «Стерва», – почти благодушно произнёс ей вслед полковник, глядя, как Хорхе споровисто втыкает в журналистку пробку. Послушав минут пять вой и стоны Кейт, полковник вместе с помощником тоже покинули камеру. Американка осталась одна, но в этот момент вряд ли это поняла.

– ...Ну, что? – спросил Гонсалес, заглянув через глазок внутрь камеры. – Долго ещё?

– Думаю, уже скоро, хефе. Сейчас она подумает, что всё закончилось, а когда банановая мякоть начнёт чернеть и киснуть у неё внутри, вот тогда она станет совсем шёлковой. Это быстро, полчаса максимум.

– Надо было всё-таки электричеством, – пробормотал Гонсалес.

– Может, ещё один шприц загнать? – спросила подошедшая откуда-то Кончита. Полковник смерил её взглядом: лицо покраснелось, форменная юбка сбилась набок...

– Отставить, – процедил он. – И без того сейчас самое веселье начнётся.

...Кейт подумала, что если она будет лежать тихо и дышать неглубоко, приступы боли прекратятся. Она лежала неподвижно, чувствуя ровную и сравнительно спокойную тупую боль по всему объёму раздутого живота. Наверное, организм устал и требует отдыха. Журналистка даже усмехнулась. Нет, они зря решили, что подобная процедура может заставить её пойти против профессиональной этики!

...Где-то ниже желудка что-то забурлило, забило, зашевелилось. Кейт замерла, хотя она и так была совсем неподвижна. Ощущение было таким, словно в кишечнике проснулось что-то живое, чужое, злобное. Оно сдвинулось с места и, издавая булькающие звуки, устремилось к низу живота, вновь разжигая чуть пригасший очаг. Взрыв боли был поистине чудовищным; всё, что Кейт испытывала прежде, было сущим пустяком. Она билась и извивалась всем телом, а в её животе бился и извивался целый клубок ядовитых змей, вознамерившихся, очевидно, прокусить её изнутри, разорвать и расползтись наружу.

«Это было бы таким облегчением, наверное», – вяло подумала Кейт, потому что терпеть подобное больше было поистине невозможно. Кричать тоже было невозможно, она только утробно стонала. Но рядом ещё кто-то громко кричал:

– Отпустите меня! Я всё подпишу! Я всё сделаю, только отпустите!!!

Кейт с удивлением узнала свой голос – хриплый, сорванный, но её. Дальнейшее происходило как во сне: на скамью лёг лист бумаги, в неожиданно свободную руку впихнули авторучку, и Кейт дрожащими пальцами вывела подпись, дату и краткое «в номер»...

Но её освободили не сразу. «Хефе политико» Гонсалес и полковник ушли заниматься другими не менее важными делами, а Кончита и Хорхе ещё минут двадцать наслаждались конвульси-

ями и криками катающейся по полу камеры и корчащейся от боли американки, умолявшей отпустить её.

...Кейт очнулась довольно быстро, и возвращение в реальность было весьма неприятным: саднили колени, болело горло. Живот... Она схватилась за живот. Он тоже болел, хотя и не очень сильно. Крайне неловко было вспоминать, что с ней случилось после того, как закончилась экзекуция, и как она плакала от стыда и облегчения, пока не провалилась в глубокий обморок... Подумав об этом, Кейт застонала. Но куда хуже было то, что в редакцию «Таймс» наверняка уже ушла фальшивая статья за её подписью...

Рядом притормозил полицейский «ровер». Стражи порядка осветили фонарём грязную, измученную женщину в мятой, перепачканной одежде.

– Сеньорита, в этот район нельзя ходить после полуночи, – мягко сказал сержант полиции. – Вижу, вам крепко досталось. Могли и убить... Садитесь.

«Могли и убить, – думала Кейт, когда полицейские везли её в квартиру, снятую редакцией в Сантьяго. – Но они и так это сделали. Они уничтожили меня как журналиста, и теперь я ничего не смогу изменить, ничего...»

КОЛУМБИЙСКАЯ РУЛЕТКА

Мариса улыбнулась:

– Я ещё никогда не проигрывала. Мы сидели на приподнятой веранде её особняка (вспомнилось полузабытое слово «асотея») – Мариса, хозяйка этого острова, нереально красивая колумбийка лет двадцати пяти, и я – потерпевший крушение яхтсмен с юга Африки, которому повезло чудом выжить в страшном шторме... И обидно – я выжил лишь для того, чтобы добраться до этого острова, с которого живым мне вряд ли удастся уйти.

А так хорошо здесь начиналось: богатый дом, роскошная ванна, вино... Очаровательная хозяйка, с лица которой не сходила обещающая улыбка. Вот что она, значит, мне обещала...

– И всё же, если ты проиграешь? – повторил я вопрос.

Вместо ответа смуглая красавица бросила ключи на столик:

– Заберёшь мой катер – и вперёд. Двадцать миль к востоку – побережье Колумбии. Пристань там обозначена маяком – ошибиться трудно. Если ошибёшься, прибой размажет тебя о скалы... Но тебе этого бояться не надо. Туда ты всё равно не доберёшься.

Я покосился на торчавших поодаль двух гориллообразных охранников – белого и индейца. У белого за спиной была винтовка, у индейца с бедра свисало мачете.

– А они?

– Они пропустят. Их задача не в этом. Но если ты вдруг захочешь повернуть револьвер не в ту сторону... В общем, не советую этого делать.

С этими словами она взяла со столика укороченный «Смит-Вессон» 22-го калибра и откинула барабан, показав, что внутри всего один патрон. Маленький довольно, 22-й калибр – это чуть больше 5 миллиметров. Я бы предпочёл 38-й или даже 45-й...

Правила дьявольской игры заключались в следующем. Мариса и я по очереди бросаем кости, выигравший берёт револьвер, раскручивает барабан и стреляет сопернику в живот. Один шанс из шести, что сразу не будет осечки. Но рано или поздно кто-то словит животом пулю, а укус пули из дамского «ледисмита» куда более коварен, чем выстрел из серьёзного оружия. «Кольт-45» с близкого расстояния может сделать огромную дыру в туловище и за секунду отправить человека на тот свет, а пуля 22-го калибра будет спокойно сидеть в кишках и ждать несколько часов, пока жертва не прекратит царапать ногами пол... Я спросил Марису, но зачем, собственно? Она ответила:

– Мне это нравится. Я люблю, когда мужчина или женщина осознаёт, что получили пулю – у них становится очень выразительное лицо. Я обожаю, когда человек держится за живот, корчится, перебирает ногами, а потом непонятно зачем куда-то пытается уползти... Я всегда спрашиваю: куда же ты ползёшь? Мне это на самом деле интересно. Но увы, мне ещё никто на этот вопрос не ответил... Может быть, ты ответишь?.. Ладно, допивай своё вино и снимай куртку.

Я так и сделал. Мариса тоже сбросила жакет и осталась только в лифчике и низко сидящих белых брюках, приятно подчёркивающих красоту слегка округлого смуглого животика. С такой женщиной не стреляться надо, а... Но сейчас правила игры были не мои, а этой скучающей родственницы колумбийского наркобарона, не знающей, куда и на что ещё тратить деньги... По её словам, в эту разновидность рулетки с

револьвером она играла уже шесть раз, и, как видите, ничего с ней не случилось. По словам Марисы, револьвер заговорён мастером вуду. Из него она пристрелила двоих таких же, как она, богатых бездельников, какого-то американского мафиози, обеих его подружек и одного парня, случайно попавшего на остров подобно мне. Первые трое вступили в игру по своей воле, остальным пришлось делать предложение, от которого они не смогли отказаться. Пуля в животе – конечно, жутко, но альтернатива угодить живьём в бочку с серной кислотой не привлекла ещё никого.

Притом, все надеялись выиграть. Я, разумеется, тоже. Мариса же в своей победе вообще не сомневалась.

Кости, состоящие из двух кубиков, мы принялись бросать на барной стойке. Я выкинул семь, Мариса – пять. Она с очаровательной улыбкой протянула мне револьвер рукояткой вперёд и отошла на три шага, встала вполоборота, подбоченилась, показав мне три четверти своего великолепного живота. Я прокрутил барабан, прицелился... Рука вдруг сама пошла вверх. Почему-то в живот стрелять не хотелось. Ладно, если повезёт, пробью красотке сердце, чтоб умерла быстро... У Марисы исказилось лицо:

– Нарушишь правила – окажешься в бочке. Ты меня уже хорошо знаешь, верно?

Да, я уже понял, что с ней шутить нельзя. Поэтому направил ствол револьвера в очаровательную выпуклость и нажал спуск. Щелчок... Как ни кичилась Мариса своей неуязвимостью, дыхание она перевела с явным облегчением. Женщина всё же понимала, что играет со смертью. Причём она отлично понимала, какой будет эта смерть в случае её проигрыша.

Затем дважды кости выпадали не в мою пользу. Мариса обладала поистине кошачьей жестокостью. Она долго ходила вокруг меня кругами, несколько раз метилась, делая вид, что нажимает спуск... Когда я услышал негромкий щелчок во второй раз, пол под ногами колыхался не хуже палубы яхты в шторм. Поэтому когда револьвер попал в мою руку, я уже не колебался. Я страстно желал, чтобы пуля, пробив эту

гладкую кожу, застряла где-нибудь в особенно богатом нервными окончаниями месте, заставив эту красивую тигрицу упасть и забиться в мучениях... Но не повезло сейчас и мне.

Ещё три раза револьвер оказывался в моих руках. На лице Марисы я видел неподдельное удивление. Она рассчитывала давно уже меня застрелить, но никак не могла это сделать. Не мог это сделать и я. Когда в очередной раз кости легли неудачно для меня, и Мариса взяла револьвер, я видел, как она почти вслух уговаривает своё оружие не подвести на этот раз. Знаете, я подумал, что сейчас мне точно будет крышка... Но револьвер отказался стрелять в меня, и я опять получил шанс. Мариса уже не кокетничала, она была напряжена, тяжело дышала, ей было страшно. Женщина внимательно смотрела, как я аккуратно наставляю на неё оружие. Кожа её живота дважды непроизвольно дрогнула, словно бы что-то предчувствуя.

Но всё же прозвучавший выстрел оказался определённым сюрпризом и для неё, и для меня. Пуля попала в левую часть живота, тремя сантиметрами выше пупка, пронзив кишечник глубоко внутри наискось и книзу. Уверен, что пуля не ударилась ни об одну из костей, несмотря на то, что двигалась она, наверняка хаотично кувыряясь в мягкой плоти.

Мариса уставилась на меня немигающими глазами, слегка приоткрыла влажный рот. Точно так, как были поражены случившимся и её жертвы. Женщина медленно опустила глаза, смотря на небольшую ранку, из которой уже побежала струйка крови. Прошептала «Ну как же это...», она обхватила обеими ладонями живот, слегка нагнулась и медленно осела на пол, подогнув левую ногу и вытянув в сторону правую. Взгляд её, наверное, не отрывался от лежавших на животе ладоней – я этого толком не видел, поскольку длинные чёрные волосы скрыли от меня в этот момент лицо молодой женщины.

Охранники-телохранители стали зловеще приближаться ко мне. Однако остановились в нескольких шагах от меня – оба были поражены, да и явно не получали указаний, что делать при подобном раскладе. Хозяйка даже и не подумала

проинструктировать их, что делать, если она вдруг окажется на полу, судорожно зажимая рану в животе и тихо постанывая. Она не должна была проиграть, но всё-таки проиграла.

Я думаю, что охранники вряд ли бы выпустили меня живым с этого острова. Конечно, можно было бы проверить, но сейчас был не тот случай. Я вынул из кармана брюк амулет, который успел спрятать перед началом игры, и показал его индейцу. Тот издал горловой звук, попятился и недвусмысленно дёрнул за руку своего напарника, который уже взял наизготовку оружие.

Итак, охранники были мне не опасны. Что же делать с Марисой? В принципе, я мог бы попробовать хотя бы отвезти её на катере в ближайший колумбийский городок... Конечно, не факт, что она выдержит дорогу, да и зачем мне лишние вопросы, которые наверняка там зададут?

Мариса кричала почти непрерывно, всё протяжнее и тоньше. Её тело сотрясали судороги. Минут через пять она медленно завалилась на бок, подтянула к животу ноги в запачканных кровью брюках и принялась ими быстро перебирать... Но это, наверное, получилось очень больно, и она постаралась их вытянуть. Да, но и эта поза оказалась не лучшей – женщина снова стала подтягивать колени к животу, вскрикивая и постанывая. Волосы разметались по полу, я хорошо видел на её лице смесь страха, удивления, сильнейшей муки и чего-то ещё, чему я не мог найти определения.

Время шло. Я успел выпить два бокала вина и выкурить сигару, прежде чем случилось то, о чём говорила Мариса. Она вдруг перевернулась, привстала и куда-то заковыляла на коленях. Ладони были прижаты к животу, голова всё сильнее клонилась книзу, и наконец Мариса упала плашмя. Руки её по-прежнему были спрятаны под животом, и женщина ползла лишь с помощью плеч, локтей и коленей, оставляя за собой на полу кровавую полоску и оглашая барную комнату нежными стонами.

Я подошёл к Марисе, присел возле неё на корточки, приподнял ей голову и спросил:

– Куда ты ползёшь?

Она молчала, глядя на меня удивительно ясными глазами и прерывисто дыша. Я повторил вопрос. Нет ответа. Ну что ж...

Мне пришлось ждать минут пять, прежде чем Мариса всласть накричится после того, как я несколько раз с силой надавил ей на живот, запустив под неё руку. Но это помогло: женщина всё-таки успела ответить на мой вопрос, прежде чем её глаза навеки закрылись.

...Я долго думал об услышанном, пока вёл катер через пролив. Что ж, я был единственным из мастеров вуду, кто обладал подобной информацией. Этого не мог знать ни неофит-индеец, которого напугал мой амулет, ни даже тот тип, который наложил на револьвер заклятие. Сильное заклятие, надо сказать. Если бы не мой опыт и не память моих африканских предков-шаманов, для которых культ вуду был куда более серьёзной верой, чем для новообращённых латиносов, то я вполне мог бы и проиграть сегодня.

БЕЛАЯ КУРОЧКА

Чёрный... Он чёрный. Свет – чёрный. Этого не может быть, но так оно и есть, потому что совсем без света невозможно ничего видеть. Но она видела странные округлые блики размером с небольшую монету, когда вращала глазами, при закрытых веках или открытых – неважно. Но это всего лишь зрительная иллюзия. Такая же, как слуховая – странное потрескивание где-то поблизости, словно бы горит камин или печь. Только откуда в этих краях камин? Впрочем, лёгкий запах угольного дыма и железной окалины говорил о том, что поблизости действительно что-то пламенеет.

Айрин попыталась пошевелиться. Это оказалось сделать не так-то просто – руки и ноги её были лишены подвижности, будучи стянутыми прочными ремнями или верёвками где-то внизу... Внизу... Так. А она, судя по всему, лежит навзничь на плоской поверхности, очень жёсткой и очень ровной, как стол. Под поясицу подложен словно бы валик, не то чтобы мягкий, но весьма пружинистый, видимо, сплетённый из особой лозы... Со стороны, наверное, Айрин выглядит чрезвычайно нелепо и донельзя непристойно – с раскинутыми ногами и приподнятым туловищем, а особенно тазом, будто бы она попыталась встать на «мостик». Под затылком тоже как будто лежит что-то смягчающее, вроде подушки, набитой сухой травой. А вот лопатки (в отличие от ягодич) ощущают холодную плоскость. Похоже, металлическую и довольно шершавую. Это плохо –

судя по всему, она раздета. Айрин дёрнулась телом ещё раз – точно, груди колыхнулись свободно, не находясь в плену какой-либо одежды или хотя бы лифчика. Зато в плену находилась она, Айрин, будучи кем-то (кем?!) аккуратно уложенной на этот «стол», раздетой и привязанной по каким-то особым «стандартам»... Руки и ноги уже ныли от напряжения – тело женщины было растянато вдоль хоть и не до предела, но и недостаточно, чтобы Айрин могла ещё вытянуться более чем на сантиметр. Сжаться и поёрзать было тоже почти невозможно. В сердце стала подниматься паника – такая же чёрная, как и всё вокруг. Где она? Что с ней произошло, чёрт возьми?

* * *

..Когда маленькая «сессна», слегка скакнув козлом, приземлилась на грунтовую полосу близ Нтобанги, Айрин не могла не перевести дыхание от облегчения: полёт был весьма утомительным. Крылатую машину все полтора часа нещадно болтало в воздухе, она постоянно проваливалась в воздушные ямы, так что Айрин казалось, что её кишки буквально всплывают в животе кверху, а в промежности образуется неприятная, тянущая пустота. Чернокожий пилот, привыкший ко всему, только скалился, глядя на то, как бледность заливает лицо молодой светловолосой женщины... Айрин даже подозревала, что летчик специально над ней издевается. К тому же ей казалось, что до Нтобанги должно быть значительно ближе – минут сорок лёта. Какого чёрта пилот нарезал спирали в воздухе? Можно подумать, горючее тут бесплатное... «Будь осторожна, – предупредил её Курт, – местное население так же далеко от цивилизации, как и тысячи лет назад, несмотря на то, что кто-то здесь научился водить джипы и даже управлять маленькими самолётами. Основная масса людей живёт по таким принципам, которые абсолютно неприемлемы для европейцев». Айрин только пожимала плечами. Она фотографировала жутких жриц мурси, которые растягивали себе губы ритуальными тарелками и периодически вы-

бирали, кому из племени жить или умирать; брала интервью у папуасов Новой Гвинеи, которые протыкали себе носы и прятали половые члены в бамбуковые трубки; пила пальмовую водку с вождём страшных даяков – с тем чтобы он позволил белой женщине увидеть процесс «заготовки» отрубленных голов. Чем её могут удивить мирные кузнецы племени ойо?

* * *

Через несколько минут сознание вернулось полностью. Айрин поняла, что провела какое-то время в забытьи – вероятно, в кушанье, которым её угощали добродушные аборигены, было что-то подсыпано. Чувствительность кожи тоже пришла в норму, но лучше бы не полностью – боль в стянутых под «столом» руках и ногах вызывала весьма сильный дискомфорт. Зато стало ясно, что на глазах находится тряпичная повязка, и при этом она не слишком туго натянута. А ну-ка...

Борясь с приступом паники и тщетно пытаясь восстановить сбивающееся дыхание, Айрин прижалась верхней боковой частью лица к собственному правому плечу и принялась делать замысловатые движения головой, чтобы стянуть повязку хотя бы немного вверх. Понемногу, совсем по чуть-чуть ткань пошла вверх. Айрин повернула голову к левому плечу и начала действовать таким же образом. Повязка сдвигалась... Только вот толку от этого было немного – судя по всему, женщина находилась в полной темноте. Или почти в полной: какие-то оранжево-красные отблески метались по стенам и потолку помещения. Выглядело это достаточно жутко и никак не добавляло оптимизма; а в том положении, в каком находилась Айрин, про оптимизм не могло быть и речи. Ведь если тебя раскладывают подобным образом на столе... распинают на «кобыле», если уж говорить точнее, то трудно ожидать, что это всего лишь чья-то глупая шутка... Но так хотелось на это надеяться. «Пусть это будет всего лишь шутка, – отчаянно шептала Айрин, стягивая повязку с глаз на лоб. – Господи, как я хочу, чтобы это оказалась всего лишь чья-то шутка».

«Как и в большинстве древних культур мира, особое место, хотя и менее заметное, чем жрецы и шаманы, во многих регионах Африки занимали кузнецы. Добыча и обработка металлов в Африке известны издавна, ещё со времен ушедших цивилизаций, и кузнечное дело у большинства народов выделилось в особое ремесло, как правило, наследственное и зачастую сакральное. Ремесло кузнеца (в особенности оружейника) в традиционных культурах всегда было обособленным; знания и умение мастеров окружали эту профессиональную группу ореолом своеобразной мистики в глазах суеверных соплеменников. В некоторых африканских племенах страх перед кузнецами ничуть не меньше страха перед «мганга» – колдунами, и проявляется по-разному: с одной стороны, кузнецов нередко считают нечистыми, отверженными людьми, с другой – приписывают им сверхъестественные способности. Неудивительно – ведь им подвластны огонь и металл, а может ли совладать с этими стихиями тот, кому не помогают могучие духи? Но вот за кузнеца, даже собравшего большой калым, далеко не каждый отец выдаст свою дочь замуж. И наоборот – дочь кузнеца тоже неохотно возьмут в жёны: ведь она может навлечь несчастье, даже смерть на своего мужа. Что греха таить – кузнецы Африки в большинстве своём и сами старались поддерживать среди соплеменников репутацию необыкновенных и в чём-то зловещих людей. В удалённых от цивилизации уголках Африки и по сей день считается, что кузнец может своими орудиями, особенно молотом, наслать порчу на своего врага. Вообще, кузнечные инструменты зачастую приравниваются к колдовским принадлежностям, и к ним никто, кроме самих кузнецов, не может притрагиваться, кроме разве что колдунов, с которыми в некоторых племенах кузнецы «сотрудничают», в смысле мистическом, к обоюдному интересу. Ритуалы и обычаи кузнецов невероятно причудливы и жестоки. Обряд посвящения в подмастерья порой приводит к страшным ожогам у ученика, поскольку ловкость, с которой африканский кузнец (на доли

секунды, конечно) способен взять голыми руками раскалённую заготовку, немислима даже для профессионального жонглёра. Жуткие традиции соблюдаются и при оборудовании кузниц: перед установкой новой наковальни духам огня и железа приносят в жертву белую курицу, а при первом розжиге вновь построенной печи – чёрную. В последнем случае жертвенную птицу живьём бросают в горн, а в первом – распинают на наковальне и медленно забивают молотком либо раздирают клещами. Есть сведения, что сравнительно недавно – лет 200 тому назад, в подобных случаях применялись и человеческие жертвоприношения».

– Бред, – сказала Айрин, возвращая распечатку Курту. – В куриц я ещё готова поверить, потому что это основная жертвенная птица у всех вудуистов Африки и Вест-Индии. Но для столь сложных человеческих жертвоприношений африканские племена либо слишком примитивны, либо, наоборот, уже стали достаточно цивилизованными. Даже на территории бывшей Дагомеи. Даже племена мурси в Эфиопии.

– Но репортаж о кузнечных культурах с шокирующими подробностями мы обязаны сделать. Мне даже сказали, где именно мы можем найти материал и с кем встретиться. Кстати, заказчик обещал прилично заплатить.

– Десять тысяч на двоих? – скептически спросила Айрин, стряхивая пепел в щербатую пепельницу, принадлежащую дешёвому отелю в Лагосе. Она вообще подумывала оставить эти опасные командировки – за материал о злоупотреблениях при сооружении новых станций столичной подземки ей обещали столько же, но без делёжки с фотографом.

– Двадцать пять каждому, – спокойно сказал Курт.

Айрин медленно затушила сигарету.

– Когда вылетаем? – спросила она коллегу.

Когда повязка съехала на лоб, Айрин убедилась, что намного лучше от этого не стало. Правда, она видела отблески

малинового пламени на шершавых стенах, но это никак не успокаивало. Напротив. И она теперь отлично понимала, где лежит. Не на столе, не на пыточной «кобыле» – на кузнечной наковальне. Руки её обведены вокруг переднего, плоского рога этой наковальни и связаны под ним, ноги зафиксированы под задним рогом – округлым. Самое время задать себе вопрос «какого чёрта?», но ответ, к сожалению, штопором вкручивался в мозг: в скором времени здесь состоится жертвоприношение по случаю установки новой наковальни, а ей, Айрин, в данной церемонии отведена главная роль... Вот что значили слова этого лысого вудуиста с длинными руками: «Вы можете не только увидеть этот обряд, но даже и принять в нём участие». И она, как последняя курица, радостно согласилась...

Сердце словно затопила чёрная смола; в животе будто вмиг выросла ледяная глыба и, провернувшись, начала таять, затопляя тело холодными острыми каплями. Айрин что-то крикнула, с ужасом понимая, что её крик звучит не более убедительно, чем квохтанье.

И словно на зов жертвенной птицы, дверь в помещение кузницы приоткрылась (с улицы потянуло свежим ночным воздухом), и в помещение вошли трое, казавшиеся женщине то ли выходцами из преисподней, то ли созданиями из потустороннего мира. Глухие, гортанные звуки голосов вызывали ощущение, что говорят не люди, а сами древние духи Африки. Впрочем, некоторые словосочетания были ей понятны – всё же она была опытной путешественницей.

– Сана панде зоте йа тумбо, – сказал один из вошедших, проведя костлявыми пальцами по её коже. Не исключено, что это говорил давешний длиннорукий и лысый колдун.

«Какой круглый живот», – поняла Айрин.

– Н'юпе, – произнёс другой. – «Белый».

– Н'юпе куку, – проговорил третий, усмехаясь.

Айрин даже закусила губу – от страха ли? Нет, её покорило сравнение с курицей. И ещё она не могла не понимать, что трое мужчин, по сути, совершенно посторонних, имеют

возможность глазеть на её приподнятые словно для немедленного соития гениталии и свободно колышущиеся груди.

На третьего сурово шикнули. Видимо, дело предстояло серьёзное, и ирония тут была неуместной... От беседы на малознакомом наречии, лязга железа и всполохов пламени у Айрин голова пошла кругом. Липкий и кусачий страх терзал её тело, заставляя что-то жалобно лепетать... Но тройка демонов не обращала внимания на эти жалобы. Они бродили по кузнице, шуровали пламя в горне, зажигали многочисленные свечи, факелы и даже что-то похожее на многорожковый газовый фонарь... Свет залил помещение, и Айрин теперь видела страшные размалёванные рожи, причудливые сооружения на головах, даже ритуальные шрамы и татуировки на чёрной коже... Плечистый кузнец, похожий на гориллу, легко, словно пёрышко, поднял над головой здоровенный молот. Айрин зажмурилась от ужаса...

Но удара не последовало. Что-то обсуждая, аборигены вроде бы пришли к какому-то особенному решению. Приоткрыв глаза, женщина увидела, что туземцы обматывают другой молот – поменьше и с длинной рукоятью – пружинистыми лианами вперемешку с кожаными лентами, таким образом, что получилась округлая колотушка. Колдун снова коснулся пальцами живота Айрин (она от омерзения и страха содрогнулась), сильно надавил и сказал что-то. Женщина поняла это так, что беспокоится за её позвоночник... Это было странно, но...

При неверном свете пламени свечей и невидимого для Айрин горна прямо перед ней принесли мех – сравнительно небольшой, скорее подходящий для раздувания не кузнечного горна, а ювелирного... Кстати, за трапезой, во время которой она «вырубилась», Айрин действительно показывали серебряные украшения, сделанные местными кузнецами... А после того, как она вырубилась, ей почудился звук двигателя «лендровера». Она ещё успела подумать, не Курт ли это так быстро примчался после встречи с заказчиком...

В мех залили из кувшина какую-то жидкость, встряхнули... И кузнец вдруг склонился в «мёртвой зоне», куда взгляд

Айрин не мог попасть из-за её груди и изогнутого мостиком туловища. Резкая боль в заднем проходе заставила Айрин взвизгнуть – кузнец вставил выходной штуцер меха ей прямо между ягодиц. И через секунду, убедившись, что трубка скрылась в прямой кишке, свёл рукоятки.

Айрин показалось, что ей в живот вогнули морского ежа. Резкая боль от ворвавшейся в кишечник смеси воздуха и воды (только бы это была просто вода!) буквально рванула все нервные окончания живота и заставила громко закричать. Кузнец выдернул штуцер из ануса (ещё одна вспышка сильнейшей боли!), залил в него ещё одну порцию воды и повторил действие. Айрин кричала и билась на наковальне, пока воздух и вода, бурля и урча, заполняли ей кишки и раздували и без того выпяченный живот. В этот момент она, пожалуй, поняла окончательно, что надежды на то, что это глупая шутка, испарились окончательно. Третья накачка пошла уже не так болезненно, Айрин только лишь утробно простонала. Её мучители по какой-то причине решили, что закачено достаточно. И тут новая боль, распирающая анус, вызвала крик и выдавила слёзы из глаз: видимо, ей вставили пробку – довольно длинную и толстую, чтобы не дать возможность стравить давление в животе... а оно вмиг поднялось.

Мучители на какое-то время отошли от наковальни, а Айрин дёргалась и извивалась от дикого дискомфорта в животе: смесь воды и воздуха гуляла по кишкам, словно живое существо, булькая и хлюпая; сильнейшие спазмы толстого кишечника, стремящегося извергнуть из себя «неправильное» содержимое, вызвали острую боль в нижней части живота. Болезненные приступы, длящиеся по десять-пятнадцать секунд, сменялись приносящими краткое облегчение «откатами», но лишь для того, чтобы возвращающаяся острая боль ниже пупка вновь и вновь пыталась заставить Айрин выпустить наружу её источник... Тщетно. Крики и стоны продолжали вылетать из горла женщины... но прошло минут пять... десять... И Айрин с удивлением поняла, что боль в животе немного притупилась, став равномерно давящей во все

стороны... внутрь и наружу одновременно. Может быть, на этом они закончат свою дурацкую потеху? Ну, сделали имитацию, отдавая дань древним традициям... А, господа кузнецы-колдуны?..

Длиннорукий колдун в третий раз коснулся и надавил женщине на живот возле пупка... Сильнее. В животе забурлило. Длиннорукий издал похожий удовлетворённый звук и дал какой-то знак. Плечистый кузнец взял молот, обмотанный лианами и кожей, размахнулся в три четверти круга... Айрин даже не закрывала глаз, не веря, что может быть так плохо.

Может. Колотушка с размаху ударила Айрин в самую середину живота, в выпяченную округлость с пупком посередине, издав негромкий глухой звук.. Это была не боль. Это был девятый вал, извержение вулкана, атомный взрыв – всё, что угодно, но не простая боль. Нутро женщины содрогнулось, её дыхание замерло. Валик из лозы, спрятанный под поясницей, спружинил, издав короткий скрип. А затем долгий и мучительный вопль потряс своды кузницы... Когда он притих, то все услышали громкое урчание и бурление в животе Айрин. Второй удар был несколько не слабее предыдущего – от боли начало мутиться сознание. Женщина кричала хрипло и на одной ноте, пока у неё в животе рвались новые килотонны боли. Кто-то ей под нос сунул терпко пахнущее зелье – сознание вмиг прояснилось. Ей дали немного передохнуть, слушая, как она всхлипывает и охает; глядя, как она дёргает плечами, пытаясь освободить руки, чтобы обхватить, защитить мягкий и нежный животик, над которым производили немыслимую экзекуцию. В кишках урчало и бурлило. Айрин полагала, что ей что-то уже непоправимо повредили внутри, но почему-то была уверена, что кишки целы. Она вдруг подумала, что если бы её просто так, ничего не закачав внутрь, начали бить колотушкой, то животу не было бы так больно... но ей тогда неминуемо повредили бы позвоночник... А если бы закачали одну воду... которая несжимаема... то какая-нибудь кишка уже бы лопнула. Она не знала точно, так это или нет, да и думать было трудно, особенно

после очередного чудовищного удара, который угодил словно бы уже не в кожу живота, а прямо в обнажённые кишки. Боль усилилась. Она стала одновременно и острой, и давящей, и пульсирующей. Громкое бурчание содержимого кишечника, которое хаотично перекачивалось из одного отдела в другой, словно бы уже само по себе вызывало болезненные ощущения. Айрин стонала и всхлипывала непрерывно; от слёз она почти ничего не видела вокруг... Но молот, в очередной раз взвившийся в воздух, она увидела... и дико завизжала заранее, забившись всем телом, напрягая уже ничего не чувствующие руки и ноги, охваченная только одной мыслью – сжаться... спрятаться... свернуться... исчезнуть...

Ни крикнуть, ни вздохнуть она не могла секунд двадцать. Смачно впечатавшаяся в живот колотушка ударила более хлётко, чем обычно... Не менее резким был и другой звук, похожий на тот, с каким иной раз взрывается лампочка накаливания в плотно закрытом плафоне. Айрин ощутила, что на этот раз у неё внутри что-то разорвалось по-настоящему, сильно и непоправимо. Она горько, в голос заплакала от чудовищной боли и от жалости к самой себе, к своему собственному животу, единственному и неповторимому. Женщина чувствовала, как что-то внутри с ужасным жжением перетекает или перекачивается; она уже не сомневалась, что ей порвался кишечник, не понимала только – зачем? За что?

Боль от следующего удара была вообще за пределами понимания – словно молния ударила в живот, рассыпавшись искрами... которые упали куда-то в промежность и заставили тело непроизвольно содрогаться, словно при множественном оргазме. Айрин всё-таки начала сползать в спасительное забытие, которое действительно было сладким, словно оргазм, искренне надеясь никогда из него не выйти... Но ей опять снули под нос пахучее зелье – волна гнусной свежести ударила в мозг, и тело опять начали трясти судороги – ещё больше похожие на оргиастические... Тело «сошло с ума», не понимая, как ему реагировать. Айрин сорвала голос от невыносимой смеси ощущений... и уже вряд ли понимала, чем каждый из

вновь наносимых ударов в живот отличался от предыдущего. Кузнец-экзекутор теперь бил с большей частотой, чем вначале, не давая женщине даже видимости отдыха; удар – всплеск жара – крик... Удар – всплеск жара – крик... Она плыла на гребнях волн запредельной боли, визжа и трясясь. Краем сознания она отметила, что в животе что-то ещё лопнуло с приглушённым хлопком...

«Не надо больше... Не хочу... Не бейте меня, пожалуйста...» – она произносила это вслух, возможно, пытаясь высказать свою, идущую из самых недр тела, просьбу на местном языке. Но смысла уже не было что-то выпрашивать. В голове клубился чёрный дым, Айрин понимала, что точка невозврата уже пройдена, и что этот чёрный дым её скоро поглотит... Да поскорее бы!.. Потому что такую боль терпеть просто невозможно, она невероятна... Да и вообще это не боль, а чудовище, выросшее в моём животе, которое пожирает меня, разрывая кишки огромными грубыми лапами и впиваясь в них зубами, острыми, словно швейные иглы... Что? Они хотят убить это чудовище? Чем-то раздвоенным, ярко-красным?.. Убейте его!..

У Айрин двоилось в глазах. На самом деле раскалённый клинок длинного боевого ножа, требовавший закалки, имелся в одном экземпляре. Притомившийся кузнец передал нож колдуну, а тот, сделав какие-то пассы, протянул третьему из присутствующих, вероятно, местному воеводе. Тот подержал нож с полминуты лезвием вверх, затем немного нагнулся, приметился в точку на равном расстоянии между лоном и пупком, а потом медленно погрузил яростно рдеющую сталь в недра женского живота, продвигая нож вверх и вглубь. Из чрева Айрин донесли треск и шипение: лезвие прожигало и обугливало нежные мягкие ткани, остывая в них и испаряя их живую влагу. Сорванным голосом женщина ужасно закричала, когда содержимое её брюшной полости начало буквально вскипать вокруг раскалённого лезвия. Воевода провернул оружие внутри истерзанного нутра Айрин, вызвав у той череду новых ужасных конвульсий, и, поднимая рукоятку

вверх, неспешно принялся распарывать женщине живот снизу вверх. Она теперь могла только тихо хрипеть и постанывать, но бёдра всё ещё дергались очень живо. Разверстое чрево исходило паром от выпущенного содержимого кишок, лопнувших и обожжённых. Кровь стекала по бокам туловища, заливая плетёный валик и чугун наковальни.

Воевода вынул нож из мелко содрогавшегося тела, поднял его к потолку и, оскалившись, оглянулся к двери.

– Какого чёрта ты озираешься? – выругался стоявший там ещё один мужчина, с цифровой видеокамерой в руках. – Теперь придётся перемонтировать часть сцены. Босс будет недоволен.

– Ладно, – оправдываясь, заговорил «воевода». – Зато остальное сняли как полагается. Все четыре камеры расположили на этот раз как нужно, даже Боб ничего не загоразивал.

– Я-то аккуратный, – Боб-«колдун» оскалил белоснежные зубы. – А вот Жан как был гориллой, так и остался.

«Кузнец» счёл за лучшее промолчать. Он устал, но был очень возбуждён от своей нелёгкой работы.

И тогда оператор опустил ручную камеру и приблизился к истерзанной, истекающей кровью женщине, уже замершей без движения на поверхности наковальни.

– Говорил я тебе, не связывайся со строительством подземки, – негромко произнёс он. – А то станешь кинозвездой снайфа. Что и должно было случиться, когда лезут не в своё дело.

– Курт, – прошептали запёкшиеся губы Айрин. – Подонки...

– Ну, всё, – произнёс Курт. – Уносите реквизит, съёмка окончена.

ПОСЛЕ «БУРИ»

Кэтрин устала. Несмотря на то что она прошла подготовку к боевым действиям в условиях не только джунглей, но и пустыни, двое суток охоты в безводье на границе Кувейта не могли пройти бесследно. Она охотилась за этим человеком едва ли не с самого начала операции многонациональных сил в Персидском заливе. Ей было глубоко плевать на то, с чьей подачи разыгран этот конфликт, и она полагала, что работающий на арабов наёмник тоже интересуется политикой значительно меньше, чем физическим истреблением солдат противника. Его звали Джеф или Джафар; имя, скорее всего, фальшивое, но оружие он использовал настоящее. И потому было крайне необходимо уничтожить этого человека – он был слишком опасен, даже сейчас, когда операция «Буря в пустыне» почти закончилась. И Кэтрин была уверена, что справится с этим заданием так же успешно, как и со многими подобными ранее. Не случайно к ней с лёгкой руки советника из Госдепа пристало прозвище «*panthera pardus*», иначе, «пустынная кошка» – близкий родственник леопарда, быстрый и беспощадный. Почти все новобранцы, позволявшие себе втихаря ржать при виде молодой женщины-сержанта, после первой же боевой операции начинали что-то понимать в этой жизни...

Кэтрин не могла понять, почуял ли Джеф, что за ним охотятся. Если да, то почему он не исчез сразу, а периодически показывается ей и оставляет следы у оазисов? Неужели он затеял с ней игру? С ней? Ох, и опасную же игру ты затеял, дружок...

Кэт в очередной раз проверила заточку боевого ножа. Он лучше любой бритвы снимал пушковые волосы на предплечье. Тяжёлая винтовка лежала на коленях, снаряжённая и готовая к употреблению. Кэт не сомневалась, что любимое оружие не подведёт её и в очередной раз... Она доберётся до этого наёмника, чего бы ей это ни стоило...

Ночь, как всегда вблизи экватора, наступила почти мгновенно. Кэтрин видела, как её намеченная жертва, облачённая в белый бурнус и тёмную «куфию» – головную повязку, набирает воду из колодца. Она взяла винтовку наизготовку и прицелилась... Так, силуэт шевельнулся влево... вправо... застыл...

Молодая женщина плавно нажала спусковой крючок. Отдача от выстрела ударила в плечо. Безобразный силуэт упал возле каменной кладки колодца. Порядок!

Кэтрин приблизилась к телу убитого ею диверсанта и... мурашки пробежали по её спине! Грубо сработанное чучело валялось у колодца... Меньше чем через секунду кто-то схватил Кэт за шею сзади, и сильный удар повалил её наземь... Удар в затылок... Раз! Два! Её руки в два счета стянули ремнём за спиной, кто-то выдернул пистолет 22-го калибра, пристёгнутый к бедру, а также и боевой нож. Винтовка уже валялась на земле. Кэтрин была обезоружена. Извиваясь ужом, она сумела перевернуться на спину. В сумраке тропической ночи, под ярчайшей луной и звёздами величиной с апельсин, Кэтрин увидела того, за которым охотилась так долго – сейчас он был в обычной одежде полувоенного типа и без закрывающей лицо куфии. Света было достаточно, чтобы Кэт могла хорошо рассмотреть Джефа-Джафара. Он не прятал от неё лицо, и это наводило на нехорошие мысли.

– У тебя слишком много оружия, – тихо сказал Джеф. – Оно тебе только мешает. Ты думала, что ты гонишь меня через пустыню? Нет, это я заставил тебя побегать за мной.

Джеф говорил на хорошем английском языке с небольшим акцентом. Возможно, местным.

– Я на самом деле не наёмник, – продолжал он тем временем. – Но вы так думаете, и меня это устраивает. Я натерпелся от вас слишком много бед, чтобы сражаться за деньги...

Джеф принялся перечислять всё то, что так или иначе считал бедами, причинёнными ему со стороны многонациональных сил. Кэтрин, кусая от досады губы, пыталась отползти в сторону, поближе к валявшемуся на песке ножу. Но, конечно, Джафар это заметил. Он дал Кэт возможность добраться до ножа, позволил даже ей наползти на него спиной, и только после этого без особого труда отобрал оружие. А затем, не обращая особого внимания на вопли женщины и сравнительно легко справляясь с её сопротивлением, привязал спиной к колючему стволу чахлой пальмы. Включил фонарь и положил его на кладку колодца, направив свет на привязанную и изрыгающую ругательства Кэт. Затем поднял нож и подошёл к ней ближе, взялся левой рукой за ворот и рассёк камуфлированную форменную куртку сверху донизу. Кэтрин замолчала от неожиданности и (чуть ли не впервые в жизни) от страха. Только сейчас она досконально поняла, что эту игру в преследование она проиграла вчистую, и что этот парень сейчас непременно её прикончит...

Джеф не спеша поднёс клинок ножа к лицу Кэт, долго крутил им перед глазами женщины так и сяк, пока блеск наточенной стали не начал причинять ей настоящий ужас... Разрезав футболку, но не тронув простой хлопчатобумажный лифчик, араб взялся за прочный кожаный ремень брюк. Острый нож перепилил его в три движения, брюки сползли вниз, держась только на бёдрах и зацепившись сзади за жёсткие волокна пальмового ствола. Желтоватый свет фонаря осветил обнажённый живот, на вид мягкий, но на деле достаточно упругий, как в этом сумел убедиться Джеф, ткнув Кэтрин кулаком в пупок. Кэт вскрикнула.

– Что ты хочешь со мной сделать, животное? – спросила она, думая, что её речь звучит твёрдо. На деле же в дрожащем голосе был слышен только страх.

– Я убью тебя. И ты умрёшь столько раз, сколько погибло моих друзей по твоей вине и по вине таких, как ты.

Джеф сделал замах, направляя лезвие ножа в живот снизу вверх. Меньше чем в половине дюйма остановил руку. Ещё раз... и ещё. Кэт затаила дыхание, чувствуя, как произвольно втягивается кожа живота при каждом взмахе. «Может быть, он просто играет так, а на деле собирается убить меня каким-нибудь менее мучительным образом?» – мелькнула отчаянная мысль. Но вдруг резкая, словно ожог, боль вспыхнула на поверхности живота, примерно в дюйме ниже пупка. Кэт закричала.

Джеф убрал нож, который пока только проткнул кожу, подумал, отрезал клочок ткани с футболки и деловито запихнул кляп Кэтрин в рот, раздвинув ей зубы ножом. Кэт ощутила на языке вкус собственной крови. Тонкая горячая струйка стекла из прокола по коже вниз.

Следующий укол ножом, как подумала Кэт, наверняка проник в кишечник. Невыносимая, разрывающая сознание боль говорила о том, что клинок проколол брюшину. Кричать было невозможно, женщина только приглушённо выла сквозь кляп. Джеф на самом деле воткнул нож неглубоко – ему совсем не хотелось, чтобы его добыча отправилась на тот свет излишне быстро. Он не спеша вынул нож и так же не спеша воткнул его рядом с кровотокающей раной – лезвием почти параллельно земле.

Как же это больно! Кэт чувствовала вопль каждой клеточки, между которыми медленно проходило твёрдое лезвие. Вот оно обожгло кожу, миновало, не встретив сопротивления, жировую прослойку, рассекло мышцы (дикая боль!), опять прокололо брюшину, заставив Кэт снова завывать. Джеф потянул лезвие поперёк живота. Острый клинок почти не встречал сопротивления. Кровь текла плотной струей, заливая промежность. Кэтрин билась и дергалась, несмотря на то, что каждое её движение усиливало и без того чудовищную боль. Случайно или намеренно Джеф глубже погрузил нож, клинок проткнул одну или две кишки. Вспышка боли была

словно взрыв гранаты. Джеф вынул нож из живота Кэт, внимательно посмотрел на разрез длиной дюйма четыре, проходящий под пупком слегка наискосок. Рана сильно кровила. Стоны Кэт стали чуть тише, потому что даже такая боль может притупиться и дать возможность телу проверить другие ощущения: горящую от адреналина кожу, мокрое от слёз лицо, липкие от крови бёдра...

В планы Джефа не входило предоставлять Кэт даже такую видимость отдыха. Он поднял винтовку, из которой его ещё недавно собирались застрелить, поставил её на предохранитель и поднёс ствол оружия к разрезу на животе. Коснулся краёв раны, раздвинул их и погрузил ствол винтовки внутрь; раздался негромкий чмокающий звук. Если Кэт до этого момента полагала, что знает о боли в животе всё, то теперь поняла, что ошибалась. Тупой твёрдый металл взорвал кишки болью, это было как извержение вулкана. Даже сквозь кляп был слышен её ужасный крик, пока жестокий араб несколько минут безостановочно двигал стволом винтовки вперёд-назад и в разные стороны внутри её живота. Каждое движение скользившего по кишкам металла вызывало судороги спины и бёдер, в промежность словно били раскалённые молнии; немислимая смесь ощущений несколько раз сотрясла тело Кэт в долгой конвульсии. Джеф принялся вращать винтовку вокруг своей оси. Кишка несколько раз соскальзывала, но наконец надёжно зацепилась за мышку. Петля принялась наматываться на ствол, приведя в движение буквально весь «сходящий с ума» от невозможного обращения кишечника. Стоны Кэт стали хриплыми, когда Джеф потянул винтовку на себя, а за ней следом наружу с хлюпаньем поползли намотавшиеся на ствол кишки. Джеф взял кишку в руку, слегка удивившись, почувствовав слабую, но ощутимую пульсацию. Ножом он отрезал намотавшуюся на ствол петлю и откинул винтовку в сторону. Потом принялся понемногу вытягивать из живота кишечник и отсекал от него ножом короткие отрезки. Кэтрин прерывисто рычала и билась всем телом. Каждая новая потяжка, каждое новое движение ножом причиняли всё

более сильные страдания, хотя казалось, что это невозможно. Ужасная горка из нарезанных кишок быстро росла под ногами Джефа. Стоны Кэтрин звучали всё глуше, билась она всё слабее – потеря крови делала своё дело. Джеф вытащил кляп изо рта Кэт, зашёл за пальму, разрезал верёвки. Женщина почти без сил стекла по стволу на землю, трясущимися ладонями обхватила опавший, выпотрошенный живот и, завалившись на бок, подтянула колени. Её била дрожь, время от времени она издавала короткие всхлипывающие стоны. Джеф несколько раз ткнул Кэтрин стволом винтовки в бок. Вскоре она почти перестала реагировать на эти удары; стоны становились глуше, дрожь почти прекратилась.

Прежде чем уходить, араб закопал как можно глубже в песок винтовку и пистолет. Ему предстоял долгий переход, и ни к чему было обвешивать себя лишней тяжестью. Он прихватил только нож – очень он ему понравился... Перед самым рассветом, когда колодец и пальма остались далеко позади, со стороны оазиса послышался лай, напоминающий хохот.

«Гиена нашла поживу, – понял Джеф. – Смеётся. Интересное животное, с чувством юмора».

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

– ...Мне нравится твой живот, – услышала Ира, а затем ощутила чьи-то пальцы, проминающие кожу возле пупка.

Ира попробовала двинуться, но это было практически невозможно. Её почти полностью раздели и привязали к дереву, заведя руки назад и примотав к стволу ноги и плечи. Белый топ был задран и собран на груди, юбка валялась под ногами. Зеленоватые трусики чуть приспущены. Немножко округлый, довольно плотный, хотя и в меру мягкий животик был полностью обнажён. Судя по всему, её подкараулили, дали вдохнуть что-то усыпляющее (во рту ощущалось эфирное послевкусие) и лишили свободы передвижения. Прогулка по лесу, вроде бы совсем недалеко от станции электрички, обернулась таким неприятным приключением.

Тот, кто её привязал, находился позади дерева. Он шёпотом произносил дивные комплименты животу Иры – его мягкости, нежности кожи, красиво углублённой ямочке пупка. А его пальцы при этом с усилием вминались Ире в живот – обхватывая её сзади, похититель словно бы пытался прощупать кишки женщины через кожу, сквозь жировую и мышечную прослойки. Ира видела эти руки – явно мужские, но при этом ухоженные, с недорогим, но стильным кольцом на среднем пальце левой руки. Ире было страшно. Кричать бесполезно – ей вставили в рот кляп. У неё отчаянно колотилось сердце... но только ли от страха? С удивлением она поняла,

что чувствует нарастающее возбуждение. Это было странно, немыслимо... но это было так. И возбуждение отнюдь не стало спадать, когда мужчина вышел из-за её спины, а в руке он держал нож – тонкий, но довольно длинный и, наверное, острый... Лицо у мужчины разглядеть было почти невозможно – низко надвинутая шляпа, огромные тёмные очки, прикрывающий рот шейный платок... «Может, он ничего плохого со мной не сделает, раз замаскировался?» – мелькнула мысль у Иры.

– Я давно тебя знаю, – негромко продолжал мужчина. – Однажды увидел тебя на пляже в маленьком бикини и потерял покой после этого. Твой живот просто с ума меня сводит – такой красоты я ещё не видел прежде...

Ире хотелось сказать, что вокруг наверняка есть девушки с куда более роскошными пузами, но было件нятно, что таинственный и зловещий «поклонник» выбрал именно её. Конечно, она отдавала себе отчёт в том, что красива, и что животик у неё весьма привлекателен – вполне достаточно для того, чтобы его владелица могла носить джинсы и юбки с заниженной талией, привлекая к себе восхищённые взгляды.

– Знаешь ли ты, что такое лезвие ножа в животе? – вдруг спросил он. – Какая это адская боль, которая сметает все остальные чувства? Но она действительно настолько сильна, что заставляет бёдра судорожно сжиматься и содрогаться, а выброс гормонов будет таким, что обычный оргазм – ничто по сравнению с тем, что ты скоро почувствуешь...

Тело Иры содрогнулось, когда мужчина поднёс остриё ножа к её животу и начал царапать и слегка колоть кожу. Мышцы живота непроизвольно напрягались, он словно сам собой пытался втянуться под рёбра.

– Попробуй немного расслабиться, – сказал мужчина. – Заставь себя думать, что боль – это наслаждение.

Несмотря на панику, неожиданно для самой себя Ира действительно ослабила мышцы живота. Мужчина сделал замах... Ира зажмурилась...

– Нет, так не пойдёт. Ты опять напрягаешься. Я же вижу, что твоё тело стремится к новым, ещё неизведанным ощущениям. Отпусти его. Дай ему свободно отдаться сладкой боли. Ты должна это сделать... И не закрывай глаза.

И как бы это ни было странным, лезвие ножа погрузилось Ире в животик как раз в тот момент, когда она смогла наконец ослабить напряжение мышц.

Это было как удар молнии. Бесконечный, долгий и раскалённый. Боль от укола в кожу слева от пупка превратилась в тянущее, рвущее и бьющее во все стороны ощущение. Ира пронзительно вскрикнула, но кляп приглушил этот вопль. Лезвие погружалось медленно, мучительно медленно, буквально по миллиметру исчезая внутри трясущегося мелкой дрожью животика. Нож достиг оболочки брюшины, и «поклонник», будто бы ощутив это, сделал короткий толчок. Сильнейшая боль пронзила тело Иры от сердца до промежности, когда острый нож проник в кишечник, проткнув одну или две кишки; женщина содрогнулась, и её крик даже через кляп был хорошо слышен. Тонкая струйка крови проложила дорожку по белизне нежной кожи, окрасила верхний край трусиков в глубокий тёмно-красный цвет.

«Поклонник» потащил нож назад. О, как медленно он это делал! Не быстрее, чем погружал внутрь. Заметного облегчения это не приносило, Ира тряслась всем телом, утробно стонала и всхлипывала.

– Как думаешь, ты к этой боли можешь привыкнуть? – прозвучавший вопрос донёсся до Иры словно сквозь толщу ваты. Своего мучителя она тоже видела плохо из-за слёз – женщина плакала от ужасной боли. Он заклеил ранку пластырем телесного цвета; пока маньяк прижимал его к животу, надавливая, боль резко усилилась, начала буквально разрывать кишки.

Сознание Иры мутилось. Она надеялась, что забытье сейчас освободит её от мучений, но мужчина вдруг сказал «э, нет!» и легко уколол женщину чем-то в сгиб руки. Игла впрыснула содержимое шприца под кожу, и боль вновь стала заполнять ясное сознание.

Нож снова упёрся Ире в кожу животика, только теперь уже справа от пупка. Женщина корчилась и извивалась от новой порции страданий, когда лезвие разрезало брюшину в новом месте и проткнуло ещё одну кишку; её стенка была прочной и упругой, но сопротивлялась она не более полуминуты, словно пытаясь ускользнуть от острия. Которое, хорошенько изодрав оболочку, всё же проникло внутрь. Ира кричала безостановочно. Глаза её были широко открыты, слёзы текли не переставая. «Поклонник» оставил нож торчащим в животе женщины, он отступил на несколько шагов, любясь корчами привязанной к дереву женщины, которая произвольно перебирала ножками, словно пытаясь подтянуть колени. Он заметил, что бёдра её плотно и ритмично сжимаются, тоже, наверное, произвольно. Жаль, что она вряд ли сможет сейчас толково объяснить, что именно чувствует...

«Поклонник» вынул нож из живота Иры и плотно заклеил вторую ранку, заставив женщину опять забиться от приступа боли. Крови и здесь было немного – такая же тонкая струйка пробежала по коже вниз. Мужчина подошёл вплотную к стонущей женщине, положил ладонь ей на область пупка, как раз между ранками, ощущая дрожь тела. Потом надавил. Не очень резко, но сильно и так глубоко, как только мог.

Тело Иры на секунду замерло, потом его пронзила длинная судорога. Хриплый крик, который не в силах был заглушить даже кляп, вырвался из груди. Боль была просто невозможной. Мужчина некоторое время стоял, вжимая Иру в дерево, чувствуя все конвульсии её тела. Затем отпустил и, не давая женщине опомниться, воткнул нож под пупок, направив его под небольшим углом снизу вверх. Теперь он действовал немного иначе. По-прежнему не спеша, давая Ире возможность прочувствовать каждый миллиметр проникающего лезвия, он погрузил нож в плоть почти до самой рукоятки. Но остановился и принялся делать лёгкие вращательные движения, с тем, чтобы не расширять ранку в коже.

Но при этом проникшее в кишечник лезвие терзало, кололо и резало круговыми движениями всё, до чего могло

дотянуться. Ира стонала и кричала – её всю трясло и колотило от страшных мучений. Но то, что она чувствовала сейчас – это было неопишимо. Это был словно оргазм навыворот – мучительный, болезненный, нестерпимый. Каждая часть тела требовала прекратить эту пытку и одновременно же хотела растянуть её на возможно большее время.

Мучитель вынул из раны нож, но заклеивать рану уже не стал. Как всегда, не спеша, стремясь доставить жертве как можно больше мучений, он принялся разрезать Ире живот с одного бока на другой, словно рисуя улыбающийся рот. Протыкая и кромсая и без того уже порядочно истерзанный кишечник, он тянул нож через постепенно раскрывающийся живот; в ране уже можно было увидеть сизоватые кишки, которые словно бы сами стремились вылезти наружу, спасаясь от мучений. Ира уже не кричала так ужасно и безостановочно, но, постанывая, с невыразимым ужасом глядела вниз, на то, что происходит с её животом. Мужчина вытащил из её рта кляп, резонно полагая, что чрезмерно громких воплей теперь не должно быть. Петли кишечника лениво поползли наружу в сопровождении крови, залившей Ире бёдра. И в этот момент «поклонник» скрылся за деревом. Он сделал несколько быстрых движений ножом, и тело женщины обрело свободу. Оно плавно опустилось на землю у дерева, где лежала залитая кровью юбка. Ира присела на пятки и принялась собирать свои кишки, лежащие на её же коленях. Мучитель легко толкнул Иру в плечо. Женщина упала на бок, кишки оказались на земле. Громко всхлипывая, Ира потянула кишечник к себе в живот, запихивая в рану петли с налипшими на них сосновыми иголками и сухими веточками. Когда она сумела спрятать почти все кишки в животе, её мучитель поднял с земли толстую ветку, обломал её, чтоб получилось подобие крючка, и погрузил Ире в живот. Зацепил, потянул обратно. У Иры уже не было сил ни сопротивляться, ни даже кричать. Издав нежный стон, она попыталась уцепиться за деревянный крючок, но промахнулась и ухватилась за петли кишечника. Завязалось жуткое сореживание: тряпущая

последние силы жертва мучительно боролась за собственные кишки, вытягивая их в струнки. Мужчина наконец поддался. Он бросил ветку на землю. Ира, собрав последние силы, снова потащила кишки себе в нутро. Крючок зацепился за них очень плотно, петли перепутались. Какое-то время Ира ещё пыталась распутать склизкий кишечник непослушными, трясущимися пальцами, чтобы освободиться от этого предмета, но поняла, что тщетно. Она немного поплакала, затем, совершив невероятное усилие, засунула кишки себе в живот. Правда, палка осталась торчать наружу, но это уже было несущественно. Ира победила.

Обхватив руками рану, Ира подтянула колени к животу и скорчилась в такой позе, лёжа на боку, медленно перебирая ножками в туфлях, царапающих землю. Сознание туманилось от потери крови, боль уходила. Да и боль ли это была? Ощущениям, которые женщина испытала сегодня, точного описания ещё не придумано. Ира конвульсивно сжала бёдра, но, кажется, этого уже не почувствовала.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВО

Последний толчок швырнул Ивана на пол так, что искры из его глаз посыпались не хуже, чем из замкнувшей проводки у щита возле выхода в коридор. Электрик отеля зажмурился и обхватил голову руками, опасаясь падения сверху чего-нибудь увесистого, хотя с потолка, кроме лёгких обломков штукатурки, ничего не сваливалось, а с полок уже и так упало всё, что могло упасть. Минуту он пролежал так, заползши под стол в пустом номере и со страхом ожидая новых ударов из-под земли, заставлявших тошнотворно раскачиваться стены и самостоятельно открываться двери. Но, кажется, трёх толчков богу Плутону хватило, чтобы насыпать шороху в штаны персоналу отеля.

Звон стёкол, притихший несколькими секундами позже толчка, говорил о том, что землетрясение оказалось не из слабых – баллов шесть, наверное, долбануло... Хорошо хоть старое пятиэтажное здание гостиницы уцелело – в те годы умели строить. Однако страшный грохот со стороны лифтовой шахты наводил на мысли то ли об оборвавшейся кабине, то ли о чём-то ещё подобном...

«Ладно ещё, что сейчас, осенью, всех гостей выселили, пока идёт реконструкция, – шевельнулось в голове у электрика, – а то бы воплей было...»

Вопли – не вопли, но чей-то протяжный хриплый стон из коридора донёсся до ушей Ивана. Электрик выбрался из-под

стола, оглядел замусоренную комнату и решил отряхнуться. И взвыл сам – правая рука взорвалась болью в запястье: очевидно, он, падая, неудачно ударился ладонью... Либо вывих, либо компрессионный ушиб – Иван неважно разбирался в медицине, но решил, что отделался сравнительно легко. Вот кто же там так стонет – глубоко и одновременно прерывисто, словно бы ему не хватает воздуха?

Иван вышел в коридор и добрался до лестничной площадки третьего этажа. И приостановился, увидев в клубах оседающей пыли фигуру женщины со спины, которая стояла, полусогнувшись в крайне неудобной позе, на дрожащих в коленях расставленных ногах, и что-то придерживая перед собой. Её мини-юбка была задрана, почти полностью открывая розовые трусики (попка тоже вздрагивала). Поспешив разобраться в том, что стряслось и с кем, электрик убедился, что по сравнению с этой молодой блондинкой он действительно отделался очень дешево. Заодно смог разобраться, что именно так гремело несколько минут назад – то обрушились лестничные марши, ведущие вниз. Попутно вспомнилось, что его мобильный телефон остался заряжаться в подсобке на первом этаже, и эта мысль не добавила ему энтузиазма.

На каждом этаже отеля, на каждой из его лестничных площадок по чьей-то фантазии в давние времена установили по небольшой – в половину человеческого роста – металлической статуе: на первом этаже гостей приветствовал бог морей Нептун с острым трезубцем, направленным вверх; на втором крутобёдрая гребчиха опиралась на вертикально поставленное весло, на третьем по стойке смирно стоял ландскнехт с прижатой к плечу пикой; а на четвёртом кто-то установил негритянского воина с длинным и причудливо зазубренным копьем. На пятом, последнем, дежурил средневековый рыцарь, тоже с копьем, но совсем другим – гладким и слегка расходящимся в конус возле рукоятки. А здесь, на четвёртом, африканский воин, толстогубо улыбаясь, слегка повалился вперёд, по направлению к лестнице (очевидно, повинувшись подземному толчку), как раз в тот же самый момент, когда рядом

проходила Аня, молодая горничная. Видимо, по крайне несчастливой случайности, копьё туземца, наклоняясь вперед, укололо девушку в живот, когда та, пытаясь удержать равновесие, схватилась за падающее изваяние... Впрочем, «укололо» – мягко сказано: Иван с ужасом понял, что зазубренный наконечник почти полностью – сантиметров на шесть или семь – скрылся в животе Ани, проникнув внутрь чуть левее и ниже обнажённого пупка. Девушка, постанывая и вскрикивая, изо всех сил придерживала тяжёлую балансирующую статую, вцепившись в древко копья и руку негра: опустить её было нельзя – копьё рванет книзу, а поднять – тоже невозможно: в этом случае коварные зазубрины потащат плоть вверх, потянут на себя внутренности... Пока горничная только и могла так стоять, дрожа и хрипя, стараясь, чтобы ноги, обутые в кроссовки, не разъехались по натёртым клавишам паркета. Кровь медленной струйкой сочилась из раны, где металл соприкасался с кожей и натягивал её, книзу обозначала тёмную дорожку и растекалась по трусикам и левому бедру. Но на пол пока натекло немного – под ногами девушки образовалась совсем небольшая лужица. На лице горничной блестели крупные капли пота.

– Сделай... что...нибудь... – с трудом проговорила она, посмотрев на Ивана глазами, полными боли и ужаса.

Иван, который Аню знал достаточно давно, только сейчас вдруг обратил внимание, до чего красивый голубой цвет имели глаза девушки и насколько у неё совершенная форма губ, тронутых блестящей алой помадой.

Он подошёл к статуе, обхватил улыбающегося африканца... Тяжёлый, сволочь... Чуть не полцентнера, наверное – но основной вес в постаменте, который от подземного толчка сместился и наскочил задней нижней гранью на плитус... Надо ж было девочке так неудачно напороться!

Девочке, да уж. Двадцатилетняя горничная отнюдь не была недотрогой – о некоторых её особенностях как-то болтали водитель Слава и ночной портье Алан, которым довелось побывать у Ани в ночных объятиях. Ивану даже слегка было

обидно, потому что ему она как раз недвусмысленно отказала, когда тот, узнав о сравнительной доступности горничной, решил попытать удачу. Не сказать, что это было безумно обидно, но осадок, что называется, остался...

Аня вдруг закричала так дико и громко, что Иван вздрогнул от неожиданности. Его повреждённую правую руку пронзила боль, от неловкого движения статуя слегка качнулась... стальное древко пошло немного вниз, натянув кожу на животе сверху от проникновения... И Аня снова зашлась в крике – боль, по всей видимости, была невыносимой.

Иван вдруг отчётливо понял, что оказать помощь в такой ситуации он никак не сможет. Унести вниз по лестнице девушку вместе с этой статуей, да так, чтобы ничего не повредить – нереально. А извлекать наконечник нельзя – зазубрины на нём большие и острые.

Аня протяжно и болезненно всхлипывала, по-прежнему стоя в чертовски неудобном положении, расставив ноги и согнувшись. Иван вдруг подумал, что в такой позе очень даже неплохо было бы вставить ей сзади. Трусики можно разрезать, чтоб не мешали. Он погрузит член ей в горячее влагалище и начнёт ритмично двигаться, придерживая Аню за талию. И в это время металлический наконечник так же ритмично будет терзать изнутри её мягкий округлый животик, протыкая нежные девичьи кишочки своими острыми зазубринами и причиняя Ане сильнейшие страдания, от которых она, несомненно, начнёт мучительно корчиться и, естественно, страдать ещё сильнее...

Иван даже стукнул себя ладонью по голове, словно бы для того, чтобы вытрясти из неё подобные чудовищные мысли, которые вообще не должны были там оказаться... Но они там были... Напрягшийся член подтверждал не только это, но ещё и то, что подобные мысли были весьма возбуждающими...

Чёрт, но надо же хоть что-то делать! Иван приказал себе не думать о подобных ужасных вещах и решить, как помочь горничной. Он бросился в номер, снял трубку внутреннего

телефона, но услышал только тишину. Выглянул в окно – четвёртый этаж... Внизу – обломки, копошатся какие-то люди...

– Помогите! – закричал Иван. – Женщине нужна помощь!

Кто-то задрал голову, что-то ответил... Иван увидел, как из окон первого этажа соседнего здания аккуратно вытаскивают окровавленного и кричащего человека, и понял, что Аня вряд ли будет первой в очереди. И что она может надеяться только на него. А он – только на себя.

Громкий и какой-то «мяукающий» вопль из коридора напомнил о том, что терять время нельзя. Рано или поздно Аня выбьется из сил, отпустит статую, и она либо упадёт, либо выпрямится. Что в лоб, что по лбу. Копьё выдернет из живота внутренности (которые шлёпнутся на пол с влажным хлюпаньем, как мокрое бельё), и девушка в считанные минуты, которые ей покажутся вечностью, умрёт в жесточайших мучениях... Иван схватил первый попавшийся стул и подбежал к Ане, которая, кажется, действительно держалась последние секунды. Электрик повалил стул набок, просунул его между накренившимся постаментом и согнувшейся девушкой.

– Аня, слушай меня! Ты понимаешь?

Невнятный стон сорвался с её губ, но Иван убедил себя, что это было слово «да».

– Сейчас я начну опускать эту статую, чтобы её голова и копьё легли на стул. А ты потихоньку тоже опускайся, потом встанешь на колени рядом и сможешь хотя бы расслабить ноги... Понимаешь? Давай, помоги себе!

Кажется, до Ани начало доходить сквозь пелену боли. Понятно, что сейчас всё её сознание было поглощено только стальным наконечником, погружённым в кишки, но понять, что ей пытаются помочь облегчить положение, она была просто обязана.

– Ну же, девочка, начинаем... Вот так, молодец...

Шипя от боли в правой руке, электрик начал наклонять статую. Аня послушно принялась опускаться, одной рукой вцепилась в плечо Ивану. Другая по-прежнему обхватывала копьё. Так буквально сантиметр за сантиметром они двига-

лись вниз, и всё это время Аня кричала, потому что любое, даже малейшее движение статуи дёргало и рвало её плоть, и каждый миллиметр смещения наконечника причинял ей чудовищную боль. Топик промок от пота, тело её дрожало, Иван ощущал каждый нюанс этой мучительной дрожи, у него опять совсем некстати начал вставать член. Но вот наконец статуя легла, прочно и надёжно упокоившись на поваленном стуле, а рядом с ним, плотно встав коленями на пол, замерла Аня. Она даже издала лёгкий вздох облегчения, потому что смогла дать хоть какой-то отдых напряжённым ногам и пояснице. Впрочем, этот вздох тотчас сменился хриплым воплем.

– Мне больно! Мой живот! Там всё порвано! Не могу-у-у! А-а-а-а!!! Бо-о-о-ольно!!! Сделай, сделай же что-нибудь! – отчаянно визжала девушка. Обе ладони она положила себе на живот, образовав треугольник между большими и указательными пальцами, из середины которого и выходило копьё. Вернее, туда оно входило. Аня запрокинула голову, длинные светлые волосы водопадом упали на спину и плечи, прикрыв промокший от пота топик, под которым чётко обрисовались бретельки и чашечки лифчика. Грудь девушки неравномерно вздымалась от прерывистого дыхания. Чёрт возьми, член у Ивана никак не хотел опадать...

Электрик заметил, что кровь из раны стала сочиться немного быстрее – наверное, наконечник нанёс внутри Аниного живота ещё несколько повреждений, пока девушка опускалась на колени... Что же делать? Что?!

Инструмент! В сумке у него, кроме всего прочего, имелась небольшая ножовка по металлу. Может, это хоть как-то поможет облегчить положение?... Отпилить наконечник и попробовать спуститься вниз вместе? А там, по крайней мере, её хотя бы увезут в больницу или ещё куда – вон, кстати, с улицы уже доносится вой сирен... Правда, отдалённый – сейчас в городе чёрт знает что творится.

Иван метнулся в номер за сумкой, подскочил с ножовкой к девушке, которая прерывисто и хрипло дышала, запрокинув

голову и по-прежнему держа ладони на пробитом животе, коснулся полотном ножовки стального древка и с жужжанием провёл пилой по металлу.

Аня протяжно и звеняще закричала, безумными глазами зыркнула на Ивана, оторвала одну руку от своего живота и принялась бить электрика, нанося слабые, но отчаянные удары куда попало – по лицу, плечам, руке с зажатым в ней инструментом.

– Бо-о-ольно!!! – выкрикнула она. – Не на-а-а-а-до!

По всей видимости, даже такая малейшая вибрация в металлическом стержне вызывала мучительные боли. Но альтернативы уже не оставалось. Поэтому Иван, забросив сумку через плечо, чтоб не мешалась, отодвинулся чуть дальше от Ани и принялся пилить копьё у самой руки африканца. Аня визжала, кричала и плакала в голос, голова у неё моталась как у тряпичной куклы, светлые волосы взлетали над головой и падали на плечи... К счастью, металл, из которого было сделано копьё, оказался не сталью, а довольно мягким сплавом, похожим на крашеную бронзу, и Иван, несмотря даже на повреждённую руку, справился минуты за три. С коротким приглушённым звоном древко распалось.

– Вот и всё, Анют... – заговорил электрик, бросив ножовку и подхватывая девушку под спину так осторожно, как только мог. – Теперь аккуратно ложись, вот так, можешь на спину попробовать...

Аня, издавая лёгкие стоны и придерживая копьё обеими руками, послушно попыталась с помощью Ивана улечься на спину и вытянуть ноги. На это у неё ушло не менее двух минут.

– Не могу... держать... больше... – выдохнула она. – Давит...

И девушка вдруг повернулась на правый бок, так, что торчащий обренок копья с лёгким стуком коснулся пола; слегка скрючилась, попыталась подтянуть голые ножки чуть вверх. Правой рукой она по-прежнему придерживала копьё, левой медленно провела по животу.

– Больно, – прошептала она, издав несколько судорожных вздохов. – Не могу больше. Порвало у меня там всё...

Количество кровавых лужиц на полу не быстро, но всё же увеличивалось. Иван догадывался, что ещё несколько минут – и девушке уже ничем не помочь. Оставалось надеяться только на то, что потеря крови не слишком критична, а повреждения кишечника не столько опасны, сколько болезненны... Но что делать? Как спуститься вниз?

О лифте не могло быть и речи, лестничные марши превратились в обломки. Характерный шум вертолёта снаружи навёл на другую мысль – лестница, ведущая на пятый этаж, уцелела, и если подняться туда, выйти на смотровую площадку, то, может быть, их заметят?

Это был выход – сомнительный, но всё же он казался лучше, чем тупое ожидание.

– Пойдём, девочка, – сказал Иван, опускаясь на колени рядом с Аней и пытаясь подхватить её тело. Проклятье, правая рука заболела просто дико – подобная нагрузка оказалась для неё слишком серьёзной. Да и горничная сама, ощутив толчок, вновь закричала, засучив ножками:

– Нет! Не трогай меня!!! Ты делаешь мне очень больно!

Аня заплакала. Чёрт возьми, любое движение для бедной девочки означало новую серию сильнейших терзаний внутри. Иван сам готов был завывать от досады и – что греха таить – от злости. Не болела бы у него рука, схватил бы он сейчас девочку, поднял на руки и, невзирая на её вопли, понёс наверх в надежде спасти...

Вдруг наверху что-то загремело, словно упало что-то широкое и плоское. Возможно, дверь. Послышались лёгкие шаги, чей-то приглушённый возглас...

– Сюда! – закричал Иван. – На помощь!

Высокая женская фигура появилась наверху. Тоже вся запыханная, слегка помятая. В длинной серой юбке и голубой блузке. Арина Сергеевна, администратор смены. Что она делала наверху? Впрочем, какая разница?..

– Помогите нам! – крикнул Иван. – Там можно выбраться наверх?

– Только по наружной лестнице, – сказала женщина, приближаясь. – Я уже собиралась спускаться, но услышала, что кто-то кричит... Кто это? Что случилось?

Арина наклонилась, ломко прогнувшись в тонкой талии. Администраторше недавно исполнилось тридцать шесть, она была весьма недурна внешне, если вам нравятся высокие и стройные женщины. Длинные ноги, упругие груди, приятное лицо, каре тёмных густых волос. Но стерва, каких свет не видел, между нами говоря! Год назад она развелась во второй раз. Сменный персонал отеля в полной мере ощутил на себе последствия развода. Правда, повар Толя на какое-то время сумел укротить административный норов, но ненадолго – Анечка тоже положила глаз на двадцатипятилетнего холостяка, а тот, не будь дураком, быстро переключился на более молодую и весёлую женщину. Арина одно время оказывала знаки внимания Ивану – он и по возрасту более подходил, да и вообще... Но вот парадокс: те, кого хотел Иван, предпочитали других мужчин, а женщины, которые хотели самого Ивана, почему-то не вызывали у того ответных эмоций. Так что характер у Арины со временем испортился окончательно, она с каждым днём становилась всё вреднее... И Иван уже не раз и не два подумывал о смене места работы... Ну, теперь в ближайшее время работы в отеле точно не предвидится.

– Как же ты так... – произнесла Арина задумчиво. Затем резко выпрямилась, подошла к провалу, на месте которого ещё недавно книзу вели ступени, и поманила пальцем электрика.

– Смотри сюда, – сказала она. – Вот тут можно спокойно зацепиться и очень легко переправиться на следующий этаж.

– Где? – спросил Иван, ничего не понимая.

– Да вот же...

Электрик чуть не под прямым углом нагнулся над обрывом и внезапно почувствовал сильный толчок, от которого из-под ног выскочила опора. Взмахнув руками, он полетел вниз, с высоты четырёх этажей... но вдруг его что-то рвануло вверх, остановив начало падения – то ремень брезентовой сумки

зацепился за торчащие штыри арматуры. Вместо Ивана вниз с грохотом обвалился приличный кусок бетона. Электрик повис на перекрытии, боясь сделать лишнее движение. Вот коварная стерва! Что это – проявление женской мести?

Впрочем, болтаться сосиской в воздухе было нельзя. Брезент сумки уже зловеще потрескивал, и Иван начал понемногу подбираться к кромке, цепляясь за арматуру, в надежде, что Арина не сразу его увидит.

Ну что ж, Арине теперь было не до него. Решив, что расправилась с электриком, администраторша поддёрнула подол юбки и присела рядом с постанывающей Аней, вполоборота к Ивану, который судорожно цеплялся за штыри арматуры. Правая рука отказывалась ему повиноваться. Брюки за что-то прочно зацепились. Мужчина с ужасом понял, что крепко застрял в таком нелепом и очень опасном положении.

– Ну что, девочка, – заворковала Арина, ласково глядя Аню ладонью по светлым волосам. – Больно тебе, наверное?

Тихий нежный стон прозвучал более чем утвердительно. Аня неподвижно лежала на боку, слегка подтянув к животу колени, лицом в сторону обрушенной лестницы. Широко раскрытые глаза смотрели прямо на Ивана – но видели ли они его?

– Поделом тебе, сучка, – не меняя тона, продолжила администраторша. – Зачем же ты так поступила? Зачем отбиваешь мужиков у других, а? На кой чёрт такой шлюшке, как ты, понадобился ещё один мужчина?

Аня молчала. Арина потрепала её по щеке правой ладонью, а левой рукой вдруг схватила торчащее из живота девушки древко и слегка повернула его по часовой стрелке вокруг оси.

Ужасный вопль донёсся до ушей Ивана, который в тот же миг едва не свалился в проём. Казалось, Аня уже исчерпала весь запас криков, но нет – реакция горничной на новую серию мучений была громкой и страшной. Арина медленно принялась вращать копьё, будто задалась целью намотать на его наконечник внутренности. Колени Ани заходили

ходуном, словно девушка пыталась убежать лёжа. Арина повернула копьё на сто восемьдесят градусов и с наслаждением принялась наблюдать за мучениями Ани, которая судорожно извивалась на полу, перебирая ножками и пытаясь коснуться руками торчащего из живота древка; хотя каждое прикосновение, видимо, лишь добавляло страшнейшей боли, и руки сами собой отдёргивались.

– Не в ту сторону повернула, наверное, – сокрушённо вздохнув, произнесла Арина и опять начала вращать металлический обрезок, только уже в обратную сторону.

Тело Ани забилось в конвульсиях; стоны её – то хриплые, то нежные, протяжные и прерывистые – не прекращались в течение двух минут, пока Арина медленно поворачивала древко назад, а потом начала закручивать его и дальше, против часовой стрелки ещё почти на полный оборот.

– Может, я зря это делаю, а? – спросила она задумчиво. – Наверное, зря. Надо просто вытащить его. Ты же сучка, а у сучек ничего не должно торчать, верно?

Немного приподнявшись, Арина обхватила древко обеими руками и принялась тащить его вбок и немного вверх. Обагрённая кровью кожа живота Ани натянулась, подавшись следом за копьём; девушка издала пронзительный вскрик и сама крепко схватилась за копьё, удерживая его в своём нутре – зазубрины, очевидно, потянули за собой прочно наколотые на них кишки, и это, видимо, вытерпеть было абсолютно невозможно. Арина приложила усилие. Аня вскрикнула ещё громче и, собрав все силы, какие у неё ещё оставались, стала тянуть копьё на себя, направляя его обратно внутрь собственного живота, словно бы не желая расставаться с этим орудием, безжалостно терзающим её нежные внутренности. Некоторое время женщины так боролись – Иван слышал хриплое всхлипывающее дыхание Ани, видел, как она дрожит в крайнем напряжении. Вот она даже начала привставать... И тут Арина быстро разжала ладони, отпустив древко. Аня как раз собиралась с силой, чтобы дёрнуть копьё на себя... И дёрнула.

Даже Ивану был слышен чмокающий звук, с которым наконечник ушёл на новую глубину в живот девушки – копьё погрузилось по меньшей мере ещё сантиметров на пять. Аня замерла, слегка выгнувшись, застыла. Её рот был слегка приоткрыт, но дыхание перехватило полностью. Секунд через пятнадцать её тело пронзила долгая судорога, но крика не было – только утробный глухой стон. Вновь упав на пол, Аня ритмично задёргалась: её бёдра и попа ходили ходуном, ноги сжимались и разжимались – со стороны это выглядело как сильнейший и долгий оргазм. Торчащее из живота копьё постукивало по паркету, из раны быстро потекла кровь.

– Неужели тебе это так нравится? – прокомментировала Арина. – Впрочем, неважно. Знаешь ли ты, как это нравится мне?

Аня ничего не ответила, трясась в конвульсиях. Движения её тела понемногу замедлялись, становясь всё более плавными, словно подчиняясь движению невидимых волн. Арина встала, носком туфли ударила девушку в живот, чуть выше копья. Аня лишь немного сжалась и тихо простонала. Арина ловким движением ноги перевернула горничную на спину, поставила туфлю ей на живот и принялась нажимать и двигать ногой, причиняя своей жертве совсем уж запредельные страдания. Руки девушки взметнулись и сомкнулись у колена администраторши, словно горничная пыталась хоть как-то сдержать мучительные толчки, но Арина, ощутив горячие ладони Ани на своей коже, почувствовала лишь наслаждение, чертовски напоминающее сексуальное, хотя и совершенно незнакомое ей прежде...

У Ивана скользнула рука, которой он пытался держаться за плоскость пола. Послышался треск – то ли оторвалась лямка у сумки, то ли разошёлся рукав. Арина обратила внимание на голову мужчины, из последних сил державшегося на кромке перекрытия, и, подойдя к нему, сделала несколько толкающих движений испачканной в крови туфлей. Послышался быстро удаляющийся вопль.

Электрику повезло значительно больше, чем горничной, которая лишилась чувств только после того, как рассталась

с инородным предметом в своём животе: Арина спустя несколько долгих минут вращения и раскачивания всё-таки вытащила копьё наружу вместе с изрядной частью истерзанного девичьего кишечника, из которого медленно выползло его содержимое, перемешанное с кровью. Возможно, Аня ещё успела увидеть, как выглядят её внутренности, прежде чем проследовала в тот же проём обрушенной лестницы. Через несколько часов оба тела вынесут из повреждённого здания и положат рядом с другими жертвами стихийного бедствия.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

– Кто здесь? – вскинулась Ирина, отрываясь от телефона и СМС. Ей показалось, что в коридоре, ближе к пожарной лестнице, мелькнули какие-то тени, послышался лёгкий топот. Нет, это ей не показалось. Лёгкий шум ещё некоторое время доносился до стола, за которым сидела красивая женщина в белом халате.

Сестринский пост в левом крыле первого этажа освещался неяркой лампой, в то время как коридор терялся в ночной темноте. Ирина не любила дежурить на первом этаже больницы, даже несмотря на то, что здесь было детское отделение для пациентов с лёгкими отклонениями. Лучше уж на верхних этажах – там хоть и доносятся жуткие вопли из палат, но их двери по крайней мере всегда заперты, да и дюжие санитары всегда начеку, на случай, если вдруг какой-нибудь буйнопомешанный вдруг выберется в коридор... Такие случаи были довольно редки, да и обходились они, в общем, без особых последствий.

Иное дело – тут, на первом этаже. Здесь палаты не запирались, но бояться вроде было особо нечего – тут находились лишь несовершеннолетние с тихими помешательствами разных типов – от «классических» случаев даунизма до шизофрении с фантазиями. «Фантазёров» Ирина побаивалась – они были непредсказуемы, когда пускались в путешествие по своим собственным мирам, скрытым от всех остальных... Ну и

подростковая гиперсексуальность, помноженная на отсутствие «тормозов», тоже приносила некоторый элемент неожиданности в рутину медицинских будней: нечасто, но всё же случалось, когда слабоумный подросток вдруг выскакивал из-за угла на медсестру с торчащим членом наперевес и принимался делать быстрые движения рукой. Когда это случилось впервые, Ирина до ужаса испугалась, даже закричала. Второй раз ей было противно до омерзения. Третий случай уже показался привычным, а четвёртый... На четвёртого подростка Ирина смотрела внимательно, не пропуская ни одного момента, пока этот придурок, пыхтя, дёргал свой член и потом спустил на пол изрядную порцию спермы. Именно после этого момента Ирина поменяла халат на более короткий, меньшего размера и из менее плотной ткани, чтобы он обрисовывал линии нижнего белья и не скрывал ни колени, ни лёгкую округлость животика, ни размер груди, одновременно высокой и мягкой. Она находила забавным дразнить несчастных подростков своими формами и показывать им бёдра между расходящимися полами халата, отлично понимая, что каждую ночь по меньшей мере три-четыре пациента будут мастурбировать в своих кроватях, представляя её тело в своих поистине безумных фантазиях.

Однако «фантазёры» приносили и более прозаические проблемы: будучи обычными детьми, они обожали исследовать окружающий мир... но, будучи слабоумными, они не понимали некоторых «нельзя». Ирина помнила и распоротый невесть где найденной бритвой матрас, и разобранный на мелкие части настольную лампу, и испорченный холодильник. То и дело медсестры и санитары находили в разных местах отделения раскуроченных кукол и мягкие игрушки, разорванные и изрезанные в клочья... Так что уж лучше буйные под замками, чем полоумные на свободе.

Ирина встала, неслышными шагами прошествовала вдоль коридора по направлению к палатам, находившимся поблизости от пожарной лестницы. Ей показалось, что дверь на эту лестницу была приоткрыта... Странно. Обычно она заперта

на ключ, но замок там довольно хлипкий, чтобы в случае действительно нештатной ситуации дверь могла бы выбить даже девушка-медсестра. Неужели пациенты решили отправиться в ночное путешествие по больничному корпусу?

Ирине не нравилась эта ситуация. Она не слишком любила заходить в тёмные палаты, но некоторый профессиональный риск входил в её обязанности. Медсестра заглянула в «женскую», номер 17. Три девочки спокойно спали в своих постелях, а четвёртая койка была пуста – Кира Новосёлова, 15 лет, вялотекущая шизофрения в стадии обострения – исчезла в ночи. Ирина поджала губы – Кира слишком явно выражала к медсёстрам своё пренебрежение, полагая, что держат её в больнице совершенно необоснованно... Возможно, конечно, девочка решила с кем-то потрахаться – судя по результатам гинекологического обследования, она уже научилась это делать, только вот с кем? Ирина проскользнула в восемнадцатую палату, где обитали мальчики. Вроде все койки заняты... Однако нет! Две из пяти пусты, а хитрецы, даром, что ненормальные, свернули одеяла так, будто в кроватях кто-то лежит... Сергей Самохвалов, 16 лет, параноидальная шизофрения, и Олег Переделкин, 14 лет, прогрессирующая олигофрения... Переделкин был поистине слабоумным мальчиком, странно, что он оказался в этой компании. Наверняка ему подложил свёрнутое одеяло Сергей, как немногим более разумный. Ладно...

Ирина вернулась на пост, набросала на бумажке сжатую информацию об увиденном (докладную напишет позже), взяла из ящика стола мощный фонарь и двинулась на пожарную лестницу с целью обнаружить нарушителей режима и вернуть их в палаты. Толкнула дверь... Сквозняк, проникший через приоткрытую по случаю тёплой погоды форточку, взметнул клочок бумаги и куда-то унёс.

Запылённая лестница вела вверх – на этажи, где содержались буйные и взрослые пациенты, а также вниз – в подвал. Ирина присела на корточки, чувствуя, как туго натягивается на бёдрах ткань тесного халатика, осветила фонариком пол. Точно – следы, принадлежащие как минимум трём людям, вели

вниз. Оргию они, что ли, решили там устроить? Ирина решительно направилась в подвал, полагая, что трое сумасшедших внимут её строгому внушению и вернуться на свои места. Она перешагнула порог подвальной двери и словно бы увидела водопад из звёзд, с разгона влетевший ей прямо в глаза, с треском и грохотом, который вмиг превратился в протяжный гул, унёсший её в даль, полную фиолетовых вспышек...

* * *

Руками пошевелить было невозможно. Ноги ощущались как чужие. В голове словно был насыпан колючий мусор.

«Здорово же я ударилась», – подумала Ирина, пытаясь понять, где она и что с ней происходит. Видимо, она стукнулась о проходящую над дверью трубу или притолоку, причём до потери сознания... Так, что она тут делает? И где именно? А, так она же пошла в подвал, чтобы найти этих юных и полоумных нарушителей режима!

Ирина попыталась подняться, но это ей не удалось. Она дёрнулась всем телом, которое её вполне нормально слушалось... но почему-то отказывалось подниматься. И тянущее ощущение в запястьях и лодыжках как-то сразу подсказало, что медсестру намеренно лишили возможности передвигаться.

Страх ледяной рукой прошёлся по телу Ирины – начиная с разведённых колен, вверх по животу и груди и до самого горла... Да, ноги были раскинуты... спущены вниз по обе стороны твёрдого ложа и связаны чем-то внизу... И руки тоже стянуты где-то под... под кушеткой, обычной медицинской полумягкой кушеткой, как поняла Ирина, поёрзав спиной по обитой дерматином поверхности... «Это кто ж со мной такое сумел сотворить?» – с негодованием подумала медсестра, пытаясь нащупать пальцами узлы или что-то ещё, чтоб подцепить ногтем... Ничего не получалось.

Вспышка света ударила по глазам, Ирина заморгала от неожиданности. Зажглась тусклая лампа под низким потолком, болтавшаяся на коряво скрученных проводах. Но даже этого света хватило, чтобы ослепить медсестру на некоторое время.

– Эа, ну она шевелится... – слышался голос, голос человека, несомненно больного на голову. Юношеский голос, вероятно, принадлежащий пациенту Сергею Самохвалову. Потому что второй мальчишеский голос, если что-то и произносил, то весьма невразумительные слова.

«Эээки ыыккага гуууга», – примерно это услышала Ирина. Вот и олигофрен Переделкин тут... Она решила приоткрыть веки – ну да, вот эти ребята.

Свет падал на тело, затянутое в белый халат, застёгнутый только на три пуговицы; полы его разошлись, обнажая стройные гладкие бёдра – ноги были согнуты и спрятаны ниже колен под кушеткой. Ирина ещё раз подёргалась, но тщетно. Малолетние «вундеркинды», как их иногда называл младший и средний медперсонал, постарались неплохо, чтобы не дать сестре возможность обрести свободу.

– Ну так ты же сам хотел посмотреть, – раздался девичий голос, немного капризный и достаточно внятный, даже и не сказать, что принадлежащий психически больной. Говорившая находилась где-то позади её головы. Кира. Все здесь!

– Эа, – согласился Сергей.

Ирина ощутила, что её халат снизу натягивается и начинает дёргаться. Чёрт возьми! Сергей, это юное существо с безумными глазами, резал её одежду большими портновскими ножницами. Он ткнул ей в пах, буквально в сантиметре от клитора, пропорол ткань трусиков и в два движения освободил промежность; затем пошёл кромсать халат. Ирина задрожала от страха, когда ножницы принялись щёлкать чуть ниже горла. Она закричала, громко и с надрывом: «Помогитеееее!!!»

– Эа, – снова сказал тогда Сергей. Затем он отхватил часть халата и с помощью тех же ножниц начал запихивать ткань в рот Ирине. Стальные лезвия стукались о зубы и дёсны, и Ирина невольно приоткрыла челюсти, чтобы ей нанесли меньше повреждений. «Сейчас эти жалкие безумцы меня изнасилуют», – почти спокойно подумала она. Ничего хорошего в этом, естественно, не было... но и ничего непоправимого, в общем, тоже.

Сомнения внушало только присутствие шизофренички Киры, которую, по слухам, в «дурку» сплавил родственники... но ведь это были всего лишь слухи.

– Эа, а он де, – произнёс пациент Самохвалов. Пациентка Новосёлова метнулась в сторону и подтащила к кушетке пациента Переделкина, у которого, казалось, глаза смотрели в разные стороны. Ирина увидела в руке у подростка нож – довольно длинный и, надо полагать, острый. У неё похолодело внутри. Вопить в кляп было бессмысленно, пытаться освободиться – невозможно. Юный олигофрен с безумной улыбкой пялился на полуголую лежащую женщину с выпученными от страха глазами.

– Ты же всегда спрашивал, что внутри, – сказала Кира. – Все игрушки на этаже разорвал, всё не мог понять, почему там пусто. У неё, – она показала пальцем на живот Ирины, – там не пусто.

Ирину охватил полнейший ужас. Она находилась во власти троих сумасшедших подростков, которые совершенно лишены как чувства сострадания, так и сопереживания... Социопаты...

– Эа, – сказал Сергей. – Это живот. Там кишки. У игрушек такого нет.

Для него это была довольно сложная фраза. Но он справился. Брызгая слюнями и дёргая руками, он объяснил своему приятелю, что и как надо делать:

– Режь вот тут, потом раздвигай...

Безумный подросток даже не колебался. Он не очень ловко, но без промедления вонзил лезвие ножа в мягкий живот Ирине, на четыре пальца ниже пупка и ближе к правому боку. Боль была дикая. Ирина глухо закричала в тряпку, вбитую в рот – ей показалось, что в животе взорвался вулкан и начал изливаться раскалённой лавой. Олигофрен тем временем принялся продлевать разрез, делая возвратно-поступательные движения – он вспарывал медсестре трепещущий живот почти без проявления эмоций, словно кромсал колбасу. Зато на лице Сергея появилось выражение жуткого удовольствия.

– Крови много, – без удовольствия сказала Новосёлова.

Ирина утробно мычала и билась на своём ложе. Беспощадное лезвие ножа продолжало путь боли через низ живота – не слишком глубоко, но и вполне достаточно, чтобы разрезать брюшину и повредить кишечник. Ирина чувствовала малейшее движение ножа, отдающееся страшным взрывом в её чреве.

– Эа, – послышался голос, полный удовлетворения. – Кишки. Я же говорил, что в животе есть кишки.

– Иххххихихихихи, – заговорил вдруг Олег, вытаскивая из живота Ирины что-то длинное, тянущееся, словно цепочка сарделек. Ирина почувствовала себя так, словно она теряет самое себя, да ещё с безумной болью в животе. Она запрокинула голову, чтобы не видеть этого кошмара, но лучше от этого не стало.

С коротким стуком нож упал на цементный пол. Сумасшедший подросток с радостной улыбкой продолжал вытягивать из живота молодой женщины внутренности, а она при этом билась на кушетке всем телом и издавала глухие стоны.

– Эа, да их там много, – с удивлением произнёс Сергей.

Кира слегка вздрагивающей от возбуждения рукой потрогала вылезавшие наружу потроха медсестры. Они были скользкими и тёплыми на ощупь, и при этом ощущалась пульсация, когда Кира начинала их пережимать пальцами. Олег перестал тянуть кишки – его заинтересовало, что находится у них внутри. Он нагнулся на пол за ножиком, поднял его и ткнул в тугую, плотную петлю. Оболочка продавилась под остриём, но плоть оказалась слабее, чем сталь. С едва слышным хлопаньем содержимое кишечника потекло через прокол, капая Ирине на её окровавленный живот. Вопль медсестры даже сквозь тряпку был слышен вполне отчётливо. Её голые ноги бились так, что кушетка слегка подпрыгивала.

– Ташите дальше, – с восторгом произнесла Кира.

Сергей тоже взялся за склизкие петли, которые под действием внутреннего давления словно бы сами стремились вырваться из плена. Олег немного расширил ножом разрез

в животе Ирины. По случайности, безумцы не повредили ей крупных кровеносных сосудов, и потому количество вытекшей крови хоть и казалось весьма приличным, но на деле её пока было не так уж и много.

Толстый кишечник начал сопротивляться извлечению – психи добрались до прямой кишки. Олег несколько раз дергал её, заставляя Ирину выдавать новую серию криков, а затем просто полоснул по кишке ножом поперёк. Тело медсестры после этого скрутили сильнейшие судороги. Кушетка тряслась и подпрыгивала.

– Эа, а эти тоненькие, вообще трубочки, – с удивлением констатировал Сергей, извлекая из живота Ирины петли тонкого кишечника. Олег, пуская слюни, деловито протыкал их ножом и разглядывал на просвет. Ему, видно, не особенно нравилось, что они в крови, он решил отрезать ещё часть халата и принялся протягивать вынутые кишки через ткань, протирая их. Кира во все глаза глядела на это сумасшедшее действие. Её трясло. Впрочем, у Сергея тоже начался своего рода мандраж: у него встал член, и Самохвалов, отодвинув Олега чуть в сторону, погрузил свой половой орган в разверстную рану на животе Ирины. Пока медсестра корчилась в страшных судорогах, сумасшедший подросток минут десять то погружал свой пенис в чрево женщины, то извлекал его обратно. Наконец он содрогнулся, выпустив белёдые струи спермы в кровь и слизь, вытекающие из разрезанного живота. На какое-то время у него даже пропал интерес ко всему этому... Но «исследователь» Олег не останавливался. Петли кишок, ещё тёплые, ещё живые и пульсирующие, вызывали у него неподдельный интерес. Он подлавливал моменты, когда волна перистальтики вдруг начинала свой бессмысленный бег, и протыкал ножом кишку перед надувавшимся пузырьком. Характерный звук лопающейся оболочки и разлетающиеся вокруг брызги явно вызывали у него чувство, близкое к восторгу. Возможно, оба потрошителя даже и не заметили исчезновения Киры; и уж точно, самой Ирине, которая уже просто зашлась в столах от жесточайших мучений, было давно без

разницы, сколько именно человек занимается «исследованием» её внутренностей.

...Ещё несколько вспыхнувших ламп, заливших ярким светом подвальное помещение, тоже остались где-то на краю внимания Ирины, чей мир сконцентрировался на ощущениях в её истерзанном животе. «Вот они, тут! – слышался крик Новосёловой. – Я же всем говорила, что они замышляют, а вы мне не верили!»

Прибывший интерн со второго этажа и санитар даже остолбенели на несколько секунд при виде картины, которая открылась их глазам. На кушетке лежала полуголая женщина с впалым животом, распоротым сбоку набок чуть ниже пупка, с вынутым наружу практически всем её кишечником. Под кушеткой уже натекла изрядных размеров лужа крови, а по бокам стояли два психически больных парня, у одного из которых в руке был зажат нож, которым он протыкал очередную кишечную петлю несчастной жертвы. Та, к слову, находилась в полном сознании и широко раскрытыми глазами смотрела на вбежавших в подвал. Интерн сразу же лишился чувств, но зато санитар, немолодой и тёртый, бывший боец ОМОНа, в несколько секунд обезвредил обоих потрошителей, попросту вырубив их.

...Впоследствии Сергей, конечно, пытался невнятно обвинять Киру в том, что это она якобы сама в течение нескольких дней подстрекала подростков зверски распороть кого-нибудь из дежурных медсестёр, с тем, чтобы показать Олегу, что именно находится у них в глубине живота. Олег же, в силу того, что почти не умел говорить, обвинить Киру вообще не мог в чём-либо. Зато на фоне этого жуткого скандала, дошедшего до самого мэра, в ходе расследования действительно удалось выяснить, что Новосёлову, которая была совершенно нормальной, на самом деле держали в психбольнице против её воли. Более того, её даже поблагодарили за поднятую тревогу... пусть даже и запоздалую. Но это произойдёт позже. Что-то, возможно, могла бы сказать и сама Ирина в тот момент, когда Кира привела санитаря, но она так и лежала ещё несколько

минут, будучи в полном сознании, привязанная на кушетке, крича в кляп и корчась в конвульсиях, пока санитар (тоже не особенно дружащий с собственной головой) тщетно пытался привести в чувство интерна и звонил в полицию. Оказывать первую помощь, особенно такого рода, он не умел, поэтому лишь разрезал веревки на руках и ногах Ирины и вытащил у неё изо рта кляп. Больше он просто не знал, что ему делать, да и смотреть на всё это ему явно не хотелось. Зато Кира поглядывала на страдания женщины исподтишка, стараясь не упустить ни одного движения Ирины. Медсестра, лишь только получила свободу, немедленно принялась подтягивать свои кишки к животу и затакивать их внутрь себя, особо не разбирая, в какой последовательности это надо делать. Дело продвигалось небыстро. Петлю за петлей Ирина с жалобными вскриками засовывала в разрез, глубоко погружая в себя пальцы. Кишки, пораненные ножом и измазанные подвальной пылью, с едва слышным влажным хлюпаньем постепенно исчезали в брюшной полости, и Ирина добилась наконец того, что её живот снова обрёл свою прежнюю округлость, хотя и был весь в крови после вскрытия. После этого она повернулась на левый бок, скорчившись на кушетке и изо всех сил зажимая разрез ладонями и помогая им подтянутыми коленками, издавая нежные и протяжные стоны.

Когда же приехала полиция, ни у кого уже не возникло и мысли о том, чтобы допросить Ирину, чьи руки уже ослабли, и часть петель кишечника медсестры вновь вылезла наружу, начав понемногу подсыхать на воздухе.

СЛУЧАЙ В МАГАЗИНЕ

Если неприятности начинаются с самого утра, то они вряд ли закончатся быстро. Елена Шатомова это знала всегда – ещё с тех пор, когда училась: в школе, университете; когда начала работать, это правило действовало у неё постоянно; и даже когда открыла своё дело, в этом плане мало что изменилось. Вот и сейчас, когда в девять утра её поднял звонок мобильного телефона, она, ещё не проснувшись толком, уже поняла, что ей вряд ли сообщат о неожиданно свалившейся прибыли в пятьсот процентов.

– Елена Николаевна! – тревожный голос охранника Бориса вытряхнул из женщины остатки сна. Этот человек звонил только в одном случае – если имел место форс-мажор.

– Да, я! Что случилось?

– В магазине ЧП, – сказал он. – Утром в торговый зал вошёл какой-то тип. Пока мы поняли, что он, мягко говоря, не особенно соответствует нашему ассортименту, он распахнул пальто и показал батарею тротиловых шашек, примотанных скотчем вокруг туловища.

– Полицию вызвали? Не пробовал решить вопрос на месте?

– Люда нажала тревожную кнопку... Инструкция... И людей было много, сегодня же акция – скидки на прошлогоднюю коллекцию...

– Понятно... Что ему надо? – спросила Шатомова, выскальзывая из-под одеяла. – Денег?

– Нет, он потребовал вас.

– Вот как... Зачем, не сказал?

– Он сказал, что вы его жена.

– Толя! Вот скотина!.. – прошипела Елена.

Ни о каком сне уже, естественно, не могло быть и речи, несмотря на то, что уснула она не раньше половины второго – Серёжа, как обычно, был в ударе...

– Ты уходишь? – послышался голос молодого человека. – Надолго?

Сергей, потягиваясь, высунулся из-под одеяла.

– Надеюсь, нет, малыш, – сказала Елена, срочно наводя простой макияж. Хоть и говорят, что женщине столько лет, сколько её любовнику, но пусть даже Серёже всего двадцать два, ей-то, Елене, уже тридцать пять... Впрочем, на двадцать восемь-двадцать девять она вполне в состоянии выглядеть...

Резинка кружевных трусиков тихо щёлкнула по нежной коже животика – чуть округлого, но подтянутого. Чулки подчеркнули гладкие, без малейшего намёка на целлюлит, стройные бёдра. Тяжеловатые груди, колыхнувшись, утонули в чашках бюстгалтера. Белая блузка, зелёная юбка, простые туфли плюс тонкая золотая цепочка – этого было вполне достаточно для женщины на грани нервного срыва. Ещё бы!

– Пока, мой мальчик, – крикнула Шатомова, покидая квартиру. – Не скучай, я скоро вернусь.

– До встречи, – лениво помахал ей рукой атлетически сложенный парень. Сергей считал, что он очень удобно пристроился рядом с красивой, богатой и – что самое главное – не слишком скупой женщиной. Приходилось, конечно, выкладываться почти каждую ночь... Но оно, в принципе, того стоило.

Рядом со стеклянными стенами бутика «Алина Мольтони», что находился на втором этаже торгового комплекса, толпился праздный народ. У дверей стояли двое полицейских и охранник Борис. «Вот и хозяйка», – услышала Елена, подходя к магазину.

– Елена Николаевна, здравствуйте, – к ней сразу же приблизился полицейский в форме и представился. Шатомова, правда, пропустила его имя и звание мимо ушей: такие мелочи её не интересовали. После короткого диалога стало ясно, что произошло: неизвестный мужчина, скверно притом одетый, вошёл в магазин, пока охранник смотрел куда-то в сторону (Шатомова полагала, что пьялился на чьи-нибудь сиськи), подозвал продавщицу и заявил, что если сейчас не вызовут владелицу, он устроит приличный фейерверк...

Не желая терять время (и просчитывая в уме убытки), Елена в сопровождении полицейского прошла в магазин. Борис шёл рядом и что-то бормотал, но Шатомова его не слушала – этот человек уже, можно сказать, был уволен... Своего бывшего мужа она увидела сразу, хотя узнать его было трудно – этот тип опустил ещё ниже, если такое вообще возможно: грязное пальто, просящие каши грубые тяжёлые ботинки... Давно небрит и ужасно вонюч – омерзительная смесь алкогольного перегара и застарелой мочи шибанула Елене в нос. Она в очередной раз поразилась – ну как, КАК она могла когда-то выйти за это ничтожество замуж? За этого ленивого идиота, способного только лежать на диване и ругать правительство, а чудом заработанные гроши немедленно спускать на пиво и водку?

– Чего тебе надо? – зло и с вызовом спросила Елена.

– Верни мне квартиру, сука! – послышался хриплый пропитой голос. Шатомова даже поморщилась, вспоминая, что когда-то у этого типа и голос-то был человеческий. А шамкал он ещё и от того, что держал в зубах какой-то провод, уходящий другим концом куда-то в недра его одежды.

– Квартиру тебе? – поразилась Шатомова. – Которую ты уже пропить был готов, пока я ездила зарабатывать?

– Она моя была на три четверти! – рычал Анатолий. – А ты объявила меня отсутствующим, выписала и выкинула меня на улицу!

Справедливости ради, Елена Николаевна именно так и поступила. Понимая, что этот алкоголик протянет не очень

долго, но вынесет у неё мозг окончательно, она действительно совершила некую комбинацию и сдала бывшего мужа ребятам, набиравшим бомжей на сельхозработы... Сбежал, значит... И где-то взрывчатки набрал... Блефует, наверное. Где бы он её взял?

– Ничего ты не получишь! – сказала Шатомова. – И ты совершенно зря потревожил меня... Господин полицейский, забирайте его и уводите!

Но офицер стоял не двигаясь.

– Видите ли... Он сказал, что подорвёт бомбу, если вы откажетесь ехать с ним к нотариусу и решать все вопросы...

– Я не думаю, что бомба у него настоящая, – заявила Шатомова.

– Смотрите все! – заявил Анатолий, вытаскивая одну из шашек. Он нагнулся, метнул её по отполированному до зеркального состояния полу... Народ отшатнулся.

– Не бойтесь, – сказал полицейский. Он нагнулся, поднял шашку... Лицо его стало озадаченным.

– Судя по всему, Елена Николаевна, – негромко сказал он после того, как внимательно осмотрел её, – шашка настоящая.

– Убедились? – спросил Анатолий. Он показал пальцем на провод, тянущийся от его зубов к тротиловой батарее. – Если сейчас кто-нибудь откажется выполнять мои условия, я замкну зубами контакты, и взрыв разнесёт половину этажа... Первое условие: никому не выходить из магазина! Если хоть кто-то попытается уйти, я взорву бомбу. Второе – не пытаться задействовать снайперов. Выроню провод – всем крышка! Ну и третье – не мешать моей беседе с моей женой. Я думаю, мы с ней договоримся...

– Не о чем нам с тобой договариваться...

Анатолий обвёл взглядом толпу людей, одни из которых испуганно, другие – с интересом, наблюдали за происходящим. Полицейский тем временем передал из рук в руки своему коллеге, оставшемуся снаружи, толовую шашку, пущенную по полу Анатолием для подтверждения серьёзности своих намерений. Надо было показать её специалисту. Хотя

сам полицейский был почти уверен, что взрывчатка настоящая... Бомж ткнул пальцем в одну из женщин – молодую элегантную шатенку, красиво и дорого одетую.

– Иди сюда, – сказал он ей.

Та колебалась.

– Мне долго ждать?! – заревел бомж воплем психически нездорового человека.

Женщина, неуверенно переставляя ноги, подошла к Анатолию.

– Подведи её к вот этой колонне, – потребовал бомж.

– Елена Николаевна, – заикаясь, заговорила женщина. – Как же...

– Делай, что он говорит, Люда, – махнула рукой женщина.

– Потом разберёмся.

По приказу Анатолия Люда дрожащими руками связала скотчем руки своей хозяйке позади колонны, примотала к ней же её колени, пропустила несколько оборотов под грудью...

– Елена Николаевна, – глотая слезы, сказала Люда, – вы меня простите, пожалуйста...

Хозяйка молчала. Тогда Анатолий потребовал от Люды отойти чуть в сторону и сесть на стул поблизости, а сам вынул из кармана опасную бритву. Толпа колыхнулась. Внимательно наблюдая за полицейскими, опустившийся тип заметил, что стражу порядка, которому он передал одну из толковых шашек, сообщили что-то такое, от чего тот совершенно изменился в лице.

– Все поняли, что бомба у меня настоящая?! – воскликнул он.

Ответом ему был тихий ропот.

– Очень хорошо... Теперь всем смотреть внимательно и не делать попытки мне помешать. Иначе все взлетят на воздух... А ты наблюдай и можешь вести протокол, – издеваясь, Анатолий обратился к Люде, которая сочла за лучшее промолчать.

В полной тишине бомж разрезал бритвой на Елене белую блузку, показав гладкую, в меру загорелую кожу. Ещё одно

движение рукой – хозяйкина юбка скользнула по обтянутым чулками стройным ногам на полированный пол, обнажив аккуратный живот – почти плоский: результат диеты и фитнеса, но с небольшой мягкой округлостью ниже талии – последствием лёгкой склонности к мучному и сладкому... Затем, отведя руку в сторону, с хорошего размаха вонзил лезвие бритвы в живот хозяйке магазина между левым боком и пупком – слегка наискосок и снизу вверх. Толпа охнула как один человек. Елена закричала. В этом крике одновременно звучали боль, ужас, страх и неверие в происходящее. Кровь брызнула немедленно, ярко окрасив обрывки блузки и залив кожу. Трусики набрякли, став красными, кровавые кляксы быстро росли на чулках книзу, особенно на левом. Анатолий потянул бритву дальше, не извлекая лезвие из плоти, рассекая её к правому боку. Елена страшно и дико кричала... Впрочем, нет, она визжала. Анатолий что-то сказал, но это услышала только Люда – безмолвная, с полукрытым ртом и распахнутыми глазами смотрящая на страшное зрелище. «Чего ты орёшь, как будто *тебя* режут?» – вот что сказал этот грязный и небритый тип.

Анатолий выдернул бритву. Разрез он сделал неглубокий, но достаточно длинный. Шатомова корчилась и извивалась у колонны. Края раны разошлись, в них мелькнуло что-то сизо-розовое. У Люды округлились глаза, когда она увидела, что из разреза наружу медленно полезли петли кишок – сами собой, словно им было тесно в замкнутом пространстве живота Елены. Та посмотрела вниз и на несколько секунд даже перестала кричать, застыв в ужасе. Зато стали слышны крики из толпы – кто-то просто вопил от жути, кто-то обзывал Анатолия самыми погаными словами, какие только есть в языке. Кто-то молчал; вообще-то Анатолий был человеком наблюдательным и не мог не обратить внимания на то, как у некоторых мужчин и женщин горят глаза, как кто-то нервно облизывает губы. Полицейский вынул пистолет, и Анатолий сразу же заорал:

– На твой выстрел сразу же взорвётся бомба!

Елена уже не кричала в голос; она просто всхлипывающе вскрикивала, громко стонала и неразборчиво причитала, глядя на торчащий кровавый клубок, застрявший в ране. Анатолий словно напоказ продолжал своё ужасное шоу: размахивая бритвой, он несколько раз примерялся, куда ударить снова... и ударял. Но в последний момент сдерживая замах, лишь наносил небольшие порезы по оболочкам тонких кишок, выпуская из них наружу бледное содержимое, которое вместе с кровью стекало по бёдрам женщины. Он повредил несколько брыжеек, после чего кишки поползли наружу несколько бодрее, скользя вниз по вздрагивающим коленкам; туфли Елены уже хлюпали по растекающейся на блестящем полу луже из крови и слизи. Анатолий ещё раз махнул бритвой, погружая её в распахнутый живот. Хриплый пронзительный стон, полный невозможной боли, резанул слух всех находящихся в магазине. Из живота Елены на пол вывалилась толстая кишка; брызги крови долетели до туфель Люды. Девушка взвизгнула и попыталась отскочить, но негодяй окриком велел ей сидеть на месте и не двигаться. Затем наступил одной ногой в тяжёлом поношенном ботинке на один конец выпавшей кишки, другой ботинок поставил на второй конец и принялся изо всех сил давить её, сдвигая ноги всё ближе, делая движения, карикатурно похожие на неуклюжие попытки медведя танцевать твист. Кишка под его ногами раздулась... и через пару секунд лопнула с отчётливым хлопком, выплеснув своё содержимое на пол. Трудно сказать, почувствовала ли это Елена, в диких конвульсиях дёргавшаяся у колонны.

– Иди, развяжи свою хозяйку, – крикнул Анатолий Люде.

Девушка, пошатываясь, пошла к колонне... Несколько минут ушло у неё на то, чтобы освободить от скотча примотанные ноги, торс и связанные кисти рук. Анатолий не забывал напоминать толпе, что контакт от бомбы у него в зубах, и что он не советует предпринимать против него никаких действий. Во избежание ненужных жертв. Ему, по его словам, достаточно было одной.

Та, о которой шла речь, уже лежала возле колонны в луже крови. Издавая жуткие протяжные стоны, дрожа и содрогаясь всем телом, она сгребала руками валяющиеся на гладком полу кишки, многие из которых были разрезаны острым лезвием, и тащила их себе в растерзанный живот... Попыталась тащить, потому что её бывший муж наступил тяжёлым ботинком на часть петель и не собирался их отпускать, делая движения, будто давит окурок. Под ногой лопнула одна тонкая петелька, с лёгким урчащим звуком выбросив бледную массу на ботинок Анатолию... Судя по всему, с Еленой этот опустившийся тип уже практически покончил. Шатомова была ещё жива, она конвульсивно корчилась на скользком полу, тонко и хрипло стонала, глаза её, полные ужасного страдания, были открыты – она всё чувствовала и всё понимала... Но точку невозврата она прошла – отныне владелице магазина уже никто не смог бы ничем помочь.

Мало кто заметил, каким резким и быстрым движением Анатолий схватил Люду и приставил к её горлу окровавленную бритву.

– Теперь все расходитесь! Быстро! – заорал он. – Я уйду. Помешаете мне уйти – я либо прирежу эту девчонку, либо взорву бомбу... Что-то одно я успею сделать точно!

Поскольку все собравшиеся в магазине давно уже находились в состоянии шока, никто, включая стражей порядка, не посмел помешать Анатолию уйти. Он вместе с заложницей миновал стеклянные двери бутика и, пройдя как раскалённый нож через масло, сквозь толпу, вышел на парковку, где уже находилось не меньше семи полицейских автомобилей и двадцати вооружённых полицейских.

– Что будем с ним делать? – негромко спросил полицейский в форме у омовца в каске, который наблюдал, как заложница звонит по мобильному телефону, и гадал, чей номер она набирает.

– Был бы он без девки – можно было бы рискнуть... Разнесли бы ему голову как арбуз – дело плёвое.

– А бомба?

– Непредсказуемо. Здесь ничего не сделаешь, слишком много людей он заберёт, если все остальные шашки такие же, какую он нам дал.

– Что предлагаете?

– Дать ему уехать отсюда подальше. Тогда и ликвидируем.

– А девка? Вдруг он её с собой заберёт?

– Непременно заберёт... Кстати, надо узнать, нет ли у неё каких-нибудь влиятельных родственников. Она же управляющая, как-никак, мало ли...

– Уже узнали, – усмехнулся полицейский. – Живёт с мамой, та – обычная бухгалтерша на фирме.

– Значит, проблем не будет...

Между тем возле Анатолия, так и стоявшего недалеко от выхода вместе с заложницей, притормозил небольшой серый «ниссан». В машине за рулём кто-то сидел. Люда наклонилась к приоткрытому окну, принялась что-то объяснять водителю. И ведь объяснила! Через несколько секунд Анатолий впихнул девушку на заднее сиденье и прыгнул в машину сам. «Ниссан» резко тронулся с места и принялся быстро набирать скорость.

– Ну что ж, ситуация упрощается... – пробормотал полицейский и заговорил в рацию, сообщая инструкции подчинённым в связи с вновь проявившимися обстоятельствами.

...Но машину полицейские едва не потеряли. Вопреки ожиданиям, «ниссан» не стал уезжать далеко, а практически сразу же развернулся и попытался скрыться в близлежащих дворах. Конечно, проводить операцию «перехват» со стрельбой и угрозой взрыва среди жилых домов никто бы не стал, и дело обернулось совершенно неожиданным образом.

Через несколько минут внезапно выскочивший из арки автомобиль вдруг резко затормозил, задняя дверь его открылась, и... из салона вылетел Анатолий! Как был, небритый, в замызганной одежде и с толовыми шашками вокруг торса. Вылетевший из машины человек ударился головой об асфальт и растянулся на покрытии без движения. Огромные растоптанные ботинки, которыми он с таким наслаждением

давил кишки бывшей жене, слетели с его ног. «Ниссан» проехал ещё несколько метров и остановился окончательно...

Позднее выяснилось, что Анатолий, выходя из торгового центра, потребовал обеспечить автомобиль. Люда, повинувшись преступнику, позвонила своему молодому человеку, который, к слову, уже был в курсе некоего инцидента в магазине и направлялся к месту происшествия. Игорь (так его звали) понял ситуацию и, не имея ни малейшего желания рисковать жизнью своей подруги, принял требования... Но в пути Люда потеряла самообладание. Визжа и крича, она сама набросилась на Анатолия (потом у неё на руке появятся два длинных пореза от бритвы), не помня себя, попыталась хоть что-то сделать. Когда она крикнула Игорю, чтобы тот затормозил так резко, как только сумеет, молодой человек сделал это... и храбрая женщина умудрилась вытолкнуть Анатолия из машины, который ударился головой об асфальт и разможил себе череп... Умер он даже раньше Елены, которая в этот момент только-только готовилась потерять сознание от кровопотери, пока её везли на каталке к реанимобилю.

Понятно, что о геройском поступке молодой управляющей рассказали в городских новостях, сообщив, кстати, что бомба была бутафорской – единственную настоящую шашку Анатолий подбросил полицейским. Понятно, что эта история обросла и другими подробностями, в том числе и весьма жуткими, но которые вряд ли могли быть ужаснее мучений, которые выпали на долю владелицы бутика. Её молодой любовник, кстати, никак не мог поверить в то, что события развивались именно так, как об этом рассказали в новостях. Но полиция, в отличие от него, не нашла в версии Люды и Игоря каких-либо «несостыковок», а потому дело было в скором времени закрыто в связи со смертью Анатолия, которого, к слову, опознали практически все, кто был в тот день свидетелем страшного зрелища. У кого-то оно вызвало нервный срыв, кто-то обошёлся временной бессонницей или потерей аппетита на ближайший ужин... но нашлось немало и таких

мужчин и женщин, чьи кровати в ближайшую ночь скрипели громче и дольше обычного.

* * *

– ...Я думаю, ты уже можешь поздравить себя с вступлением в права владения? – спросил развалившийся в кресле Игорь, с наслаждением потягивая вино из высокого бокала.

– Давно уже, – ответила Люда.

– Мою долю не забыла?

– Забудешь тут, когда ты мне весь мозг вынес... Твои сто двадцать тысяч баксов тебя ждут.

Они сидели на даче у Игоря, по случаю осенней непогоды спрятавшись в доме и закрыв дверь и окна. Расчёт сообщников оправдался сполна: ни на Люду, ни на Игоря не упало ни тени подозрения – именно из-за показной жестокости убийства. Все (или почти все) были уверены, что мотивом для подобной расправы могло быть только желание мести. Анатолий на роль убийцы годился как нельзя больше, а Игорь... что Игорь – в тот день он Елену увидел вообще второй раз в жизни. Первый раз ему свою хозяйку несколькими днями ранее незаметно показала Люда. Сейчас она находилась в изрядной эйфории – активов всех предприятий Шатововой в денежном выражении оказалось раз в десять больше, чем она предполагала ранее. К сожалению, об этом стало известно и Игорю, который быстро сориентировался в ситуации и потребовал увеличения своей доли. Он был уверен, что имеет на это право, потому что операцию эту он продумал сам и был в ней основным участником.

...То, что произошло тогда в салоне «ниссана», не мог себе представить даже Сергей, несмотря на то, что сильно подозревал Люду в чём-то... Впрочем, Люду он знал лишь со слов Елены, которая слишком (по его мнению) ей доверяла, до такой степени, что в случае смерти владелицы все активы предприятия переходили к ней. И очень удивлялся, что к этому факту как-то уж очень поверхностно отнеслись следственные органы...

Когда в машину впрыгнула сначала Люда, а следом за ней – садист-убийца, сидевший за рулём водитель дал газ и спросил:

– Как она – визжала как свинья, наверное?

– Ещё бы, – ответила Люда.

Водитель до странности напоминал Анатолия – такой же небритый, заросший и грязный... Чёрт возьми, да он был как две капли воды похож на убийцу Елены. И одет точно так же...

– Жаль, что я этого не видел... Я бы так не сумел, – покачал головой водитель, направляя машину во дворы. Между тем сидевший на заднем сиденье убийца лихорадочно преобразился: сдёргивал мохнатый парик, счищал с лица небритость, надевал очки, сбрасывал дешёвое грязное пальто и отстёгивал батарею толовых шашек... Теперь выглядел он точно как на фото в водительском удостоверении, выданном на имя Игоря Кивухина, бойфренда Люды.

– Давай-ка по быстрому поменяемся местами, – крикнул он водителю, – пока нас не засекли. А то ты уже давно не водил машину, я гляжу.

– Верно, – согласился настоящий Анатолий, останавливая машину в узком месте между железными гаражами и трансформаторной будкой. Мужчины поменялись местами. Пара секунд – и «ниссан» выехал к арке, где Игорь изо всех сил нажал на педаль тормоза. Не ожидавшего этого Анатолия кинуло вперёд, и в этот момент Люда, закусив губу, врезала ему по голове молотком. Короткий стон заглушил хруст черепной коробки Анатолия, которого Люда выбросила из машины, изо всех сил толкнув его тело обеими ногами. Следом за ним вылетели окровавленные ботинки, которые сбросил Игорь. Последующий шаг – молодая женщина быстро собрала в находящийся в салоне рюкзак предметы камуфляжа, с помощью которых Игорь изображал бывшего мужа Елены Шатововой – человека опустившегося, сильно пьющего, плохо соображающего, но с радостью согласившегося помочь в деле страшной мести хозяйке магазина. Вся надежда была

на то, что салон машины не станут обыскивать сразу... и эта надежда оправдалась – всем был куда более интересен труп на асфальте и валяющаяся рядом с ним бритва. Которой предусмотрительная Люда не побоялась неглубоко резануть себе правую руку чуть ниже локтя. Пальто в брызгах крови Шатововой Игорь и Люда тоже спокойно отдали следствию.

– ...Мы договаривались не на фиксированную сумму, – с нарочитой мягкостью сказал Игорь, ставя бокал на столик. – И теперь моя доля будет несколько большей, ты разве не находишь?

– Жадность тебя погубит, – веско произнесла Люда. – Я ведь помню твои слова, ты же сам сказал: «Пятьдесят процентов – это значит почти ровно сто двадцать тысяч. Меня это устроит». Как это понимать?

Игорь усмехнулся, но вдруг почувствовал, как что-то жёсткое обхватило его горло, словно удав набросился сзади и обвил его шею плотным кольцом. Он хотел закричать, но смог издать только натужный хрип. Удав сжимал горло всё сильнее, Игорь попытался сорвать его с себя руками, но увидел, что руки его держит навалившаяся на него своим телом Люда. Он хотел удивиться, но не успел.

Удивление пришло чуть позже, когда он словно бы вынырнул из небытия и, похоже, довольно скоро. Он ощутил себя плотно привязанным к креслу, которое было разложено до упора, так что он почти лежал на нём навзничь. Игорь дернулся. Старые капроновые колготки (четыре пары) притянули его тело плотно, а кресло было тяжёлым... И левая рука сзади была чем-то привязана, возможно, тоже чем-то капроновым. Странно, что кисть правой руки, привязанная к подлокотнику, имела какую-то свободу. Люда смотрела на него с торжеством, а рядом с ней стоял какой-то незнакомый юнец спортивного вида – высокий и широкоплечий. И этот юнец тоже смотрел на Игоря – с выражением запредельной ненависти во взгляде.

– Ну вот, Серёжа, как я тебе и обещала, – сказала Люда. – Снимки с телефона ты видел. Лену убил вовсе не её бывший муж, а вот этот человек. И как я тебе обещала, вот он здесь...

Ты знаешь, как он убивал твою женщину: медленно и стараясь причинить ей как можно больше страданий. Он распорол ей живот опасной бритвой, вытряхнул наружу кишки и изрезал их той же бритвой. Он...

– Я знаю, – глухо ответил этот юнец. – Я и сам с ним хотел бы поступить так же.

– Мы договорились по-другому, – прищурилась Люда. – Только выстрел в висок, как будто он застрелился сам. Потом вложишь пистолет ему в руку. Развяжешь его, и мы уходим.

– Хотя бы так...

– Эй-эй, постойте! – закричал Игорь, понявший, что угодил в смертельную ловушку. – Слышь, ты! Как там тебя... Сергей! Это ведь она всё придумала! Я тут ни при чём...

– Вот ублюдок... Не ты ли меня той же бритвой полоснул, а?

Люда показала две тонкие розовые линии на руке и достала пистолет – обычный, широко распространённый ПМ. Протянула его Сергею рукояткой вперёд.

– Бери и стреляй. Это просто.

Как Игорь ни пытался освободиться, это у него не получалось. Сергей со злой улыбкой подошёл к убийце его любовницы, прислонил ствол пистолета к его виску, нажал спуск... Ничего. Ещё раз...

– В чём дело? – Люда выглядела озадаченной. Не обращая внимания ни на ругань Игоря, на чьём лице выступили крупные капли пота, ни на негодование Сергея, она взяла пистолет, покрутила его в руках...

– А, ну так правильно... Надо же зарядить.

Она вынула из сумочки обойму, вставила её в рукоятку пистолета, дослала патрон... И вдруг шагнула к Игорю, вложила пистолет ему в руку и направила ствол на Сергея.

– Стреляй скорее! – закричала она в ухо Игорю.

Грохнул выстрел. Пуля из «макарова» угодила Сергею прямо в середину живота. Парень издал горловой звук, резко качнулся назад от толчка и упал на свою пятую точку. Сидя на полу, схватился ладонями за живот, недоуменно поглядел на Люду и Игоря.

– Суки... – только и смог сказать он.

– Что ты наделала? – с удивлением спросил Игорь.

– Я? Это не я, это ты наделал, – усмехнулась Люда. – Впрочем, ты сделал всё правильно. Этот сопляк был приживалом у Елены. И он очень сильно подозревал, что с Анатолием не всё так чисто. Пришлось сделать ему небольшую провокацию, чтобы заставить его замолчать и прекратить копать дальше. А то он уже собрался в прокуратуру...

– Развяжи меня, – проворчал Игорь. – Устроила цирк... Куда мы теперь этот труп денем, ты подумала?

– Никуда мы его не денем, – сказала Люда. – Он так и останется здесь. Потом, когда его найдут, то выяснится, что он пришёл к тебе на разборки, а ты его пристрелил. В целях самообороны, естественно. Да и то неизвестно, когда его найдут... Весной, может быть, даже. На дачах в округе – сам видел – никого уже нет.

Сергей постанывал, сидя на полу в углу комнаты. Он прислонился спиной к стене, куда отполз, отталкиваясь ногами от пола. Ладони он по-прежнему держал прижатыми к животу, пальцы уже обагрились кровью.

– Ты... совсем дура, что ли?! – взревел Игорь. – Развяжи меня немедленно!

– И даже не подумаю, – промурлыкала Люда. – Помнишь, что сказал этот парень?.. Он очень хотел прикончить тебя так же, как ты прикончил Шатомову. Думаю, он вполне мог бы это сделать, верно?

– Ты... тварь, – проворчал Игорь. Тут он, видимо, сообразил, что пистолет всё ещё находится в его руке, оскалил зубы и выстрелил в Люду. Если бы пистолет выпустил пулю, она неминуемо попала бы в женщину, но выстрела не произошло – «макаров» издал только металлический щелчок. Игорь отчаянно нажимал на спуск, но оружие молчало.

Люда веселилась:

– В пистолете был только один патрон! Куда тебе больше? Всё, ты сделал своё дело...

Как бы в ответ на это из угла донёлся стон боли.

– Пойду, помогу ему немножко, – сказала Люда.

Игорю не пришлось долго гадать, что Люда имела в виду. Его подруга (несомненно, теперь уже бывшая) свистнула застёжкой юбки, скинула её, чтобы не мешалась, сама осталась в шоколадного цвета колготках, заправленных в сапожки. Когда-то Игорю нравилось подобное зрелище – ножки у Люды были выше всяких похвал. Сейчас ему плохо было видно в подробностях, что именно происходит в углу комнаты, но он ясно различал, что Люда, которую он наблюдал со спины, приподнимает правую ногу и делает движение, словно бы нажимает на что-то носком сапожка. Нажимает... Молодой человек после каждого такого нажатия кричал особенно громко и жалобно. Минут через пятнадцать Сергей сорвал голос. Игорь видел, как его тело повалилось боком на пол, и как он пытается ускользнуть от беспощадного сапожка, норовящего снова и снова ткнуть его в простреленный живот.

Наконец Люда оставила в покое стонущего парня и приблизилась к сидящему в кресле Игорю. Тот видел, как разругалось её красивое лицо, как горят от вожделения её глаза... И ему это очень не нравилось – да, совершенно не нравилось, как она нависает над ним и как она произвольно прикасается пальцами к своей промежности.

– Слушай, – заговорил он. – Подавись ты своими деньгами. Давай договоримся: мне ничего не надо, я буду молчать.

– Зачем мне с тобой о чём-то договариваться? – негромко спросила Люда. – Ты и так теперь никому и ни о чём не расскажешь... Все поймут, что ты убил этого беднягу, изо всех сил спасая свою жизнь... Но так и не смог её спасти.

С этими словами Люда вынула из своей сумки ещё одно оружие – небольшой, но на вид довольно острый нож, узкий и прямой.

– Не делай этого! – отчаянным голосом завопил Игорь.

– Ты знаешь, я в жизни бы не подумала, что мне это нравится, – заговорила Люда, наклоняясь над Игорем и упираясь правым коленом, затянутым в нейлон, ему в живот. – Но когда ты начал кромсать тело Елены, я с трудом удержалась,

чтобы не прийти тебе на помощь... Никогда не забуду, как из неё вылезали кишки, и с каким звуком они лопались. Ты знаешь, если бы не моя ответственная роль, я бы обкончалась прямо на месте – у меня в тот момент текло, как никогда раньше... Так что ты прости меня, но у меня, наверное, больше не будет другой такой возможности...

Люда стянула кофту, оставшись в простой голубой блузке, сквозь которую просвечивал белый лифчик, скрывавший вздымавшиеся от возбуждённого дыхания груди. Пошарив у Игоря по карманам, нашла носовой платок, запихнула его ему в рот и покосилась на пистолет, который всё ещё находился в руке её бывшего партнера (хотя почему ж бывшего?.. он же сейчас, как и раньше, помогает ей получить сильнейшее наслаждение).

Сидя на нем сверху, словно готовясь заняться сексом в позе наездницы, Люда разрешила одежду Игоря, оголив его живот. С наслаждением ощутив кожу левой рукой, она приметилась и без замаха вонзила острый нож под пупок примерно на три четверти длины лезвия. Её тело тряслось от возбуждения, руки и ноги дрожали – подобного с ней никогда раньше не случалось. Уже прилично взвинтив себя, мучая Сергея лёгкими пинками, она готова была взорваться прямо сейчас... Но всё тянула, оттягивая сладкий миг. И запустила пальцы левой руки под колготки, погружая их в плавящееся, текущее влагище, только когда увидела вылезавшие из живота наружу кишки. Оргазм был невероятной силы – Люда кричала едва ли не громче, чем Игорь.

Содрогнувшись несколько раз в сладчайших судорогах и переведя дыхание, Люда встала с Игоря, прошествовала к столику. Облизнув пальцы левой руки, вытряхнула сигарету из пачки, не спеша прикурила её, наполнила себе бокал... Села, наслаждаясь букетом из дорогого табака, вина и стонов боли, доносящихся до неё с разных сторон... Странно, ведь до того случая в магазине она действительно даже не подозревала, что может получать от таких вещей удовольствие...

Значит, может. Второй раз она кончила, когда медленно начала протыкать стенки вылезших кишок кончиком ножа, с

замиранием сердца глядя, как проминается упругая оболочка под нажимом острого лезвия и как она потом поддается ему, выпуская сквозь разрез мелко пузырящееся содержимое. Под вопли Игоря она так и не поняла, в какой момент прекратил мучиться Сергей... Хорошо, что она хоть как-то смогла себя сдержать – у того парня не должно быть в коже никаких лишних дырок, кроме как от пули. Да и с Игорем нельзя слишком уж сильно себя «отпускать», чтоб потом ни у кого не возникло ненужных подозрений.

Пистолет давно валялся на полу – Игорь про него забыл, что вполне естественно. Это было неудивительно, если учесть, что тонкие холёные пальчики правой руки копаются глубоко внутри, пропускают между собой скользкие пульсирующие петли, перекручивают их и сжимают... Левая рука Люды уже не покидала её укромное место – эти пальчики, столь же тонкие и холёные, тоже не знали отдыха, ритмично двигаясь между скользкими, как кишки, малымя губками. Женщина потеряла счёт оргазмам; она уже плохо понимала, какая её рука перебирает тёплый кишечник в распоротом животе, а какая теребит собственное влагище: и там, и там было тепло, гладко и влажно... Конечно, всё это когда-нибудь должно было кончиться... И да – у Люды мелькала мысль – чтобы больше никогда уже не повториться. Неизвестно, сможет ли она обойтись без подобного в будущем – но зачем гадать?! Надо жить сегодняшней минутой, думала Люда, и потому снова и снова, испытывая поистине неземное наслаждение, одновременно погружала пальцы обеих рук в складки плоти – чужой и своей собственной.

НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

Второй удар по корпусу батискафа был не таким жёстким, но всё равно достаточно сильным, чтобы заставить обеих молодых женщин вскрикнуть от страха. Огромная скала, сорвавшаяся при подводном оползне, упала на батискаф и придавила его к морскому дну. За иллюминаторами взметнулась муть, раздались скрип, скрежет, и падение наконец прекратилось.

Биолог Инга так же как и Элина, водитель батискафа, была бледна от страха. Они сидели в тесных креслах, крепко взявшись за руки, и широко раскрытыми глазами наблюдали, как весело мигают красные индикаторы, говорящие только об одном: «Поломка, неисправность, авария».

– Кажется, мы влипли? – неожиданно хриплым голосом спросила Инга.

– Все тросы оборваны... Поплавки раздавлены... Двигатель сломан... Точно, мы действительно влипли, – ответила Элина, поражаясь своему спокойствию. В свои тридцать четыре она давно привыкла к мысли, что у неё довольно опасная работа, и что при каждом погружении есть шанс не вернуться наверх, но про Ингу нельзя было этого сказать. Девушка прерывисто вздохнула и закрыла лицо ладонями.

В этот момент сверху донёлся громкий скрежет, батискаф содрогнулся и ещё глубже ушёл в грунт. Песок снаружи слег-

ка осел, и было видно, что подводный аппарат зарылся в дно до края иллюминаторов. В обшивке что-то нехорошо затрещало.

– Элина... – шепнула Инга. – Что с нами будет?

– Либо нас раздавит... – Элина посмотрела на тёмный потолок кабины, откуда капала влага конденсата. – Либо мы утонем. В лучшем случае – задохнёмся.

С этими словами она повернула выключатель дезодоратора. Такая вентиляция создавала иллюзию кондиционирования, уничтожала малейший неприятный запах, но кислород, к сожалению, не восстанавливала.

– Ты говоришь – в лучшем случае? – ужас в голосе Инги ещё усилился. – Как это понять?

– Если корпус выдержит, часов десять мы с тобой тут протянем.

– А потом?

Элина не ответила. Холодный страх забрался ей под свитер, заставил передёрнуться всем телом. В кабине, кроме того, было действительно не жарко. И довольно влажно.

Женщина коротко, но в красках рассказала, каким образом подводники умирают от удушья.

– Я так не хочу... – жалобно протянула молодая биологичка. – Не хочу ни задохнуться, ни тонуть, ни быть раздавленной...

– Думаешь, я хочу?

– Ты-то хоть жизнь успела повидать...

Даже в этой ситуации Элина, бывшая примерно лет на десять старше Инги, усмехнулась. Одним из двух любимых занятий юной учёной, кроме вспарывания морских животных, был поиск приключений в постелях, и это ни для кого не являлось особым секретом. И стран она успела объездить немало...

В кабине воцарилась тишина, нарушаемая только злоеющим скрипом обшивки и гулом вентилятора.

...Прошло долгих три или четыре часа. Наверное, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Инга принялась перебирать

свои инструменты, слегка напоминающие арсенал стоматолога. Элина, усевшись в кресле задом наперёд и положив подбородок на спинку, наблюдала за действиями Инги. Та взяла длинный и тонкий препаровальный нож, провела пальцем по блестящему и несомненно острому лезвию. Элина не раз и не два видела, какими точными движениями этот похожий на стилет инструмент рассекал животы морским тварям. Глядя, как Инга при этом облизывает губы, Элина была уверена, что эта часть научной работы доставляет молодой женщине наибольшее удовольствие... Особенно когда животное ещё было живым – тогда нож делал разрез особенно медленно, по миллиметру, долгие минуты выпуская внутренности бьющемся и извивающемся под тонкими руками девушки очередному экземпляру. Ассистенты хорошо знали – чем больше Инга проведёт исследований, тем дольше и громче в ближайшую ночь будет скрипеть кровать в её комнате.

– Элина, а тебе как капитану вроде пистолет был положен? – вдруг спросила Инга.

– Так он и сейчас у меня есть... Погоди, ты хочешь... им воспользоваться?

– Да. Мне страшно ждать. И потом, лучше пистолет, чем удушье без кислорода.

Элина задумалась. Отвернулась, села в кресле, приняв обычную позу, открыла ключом металлический ящик, где лежал пистолет. Проверила – заряжен.

– Наверное, ты права... – проговорила она, протягивая оружие Инге. – Знаешь, может быть, ты... сперва выстрелишь в меня?

– Я так и сделаю, – серьёзно ответила Инга. Она приняла пистолет, взвесила его в руке и задала несколько вопросов. Потом вдруг воскликнула:

– Смотри, какая смешная рыба!

В иллюминатор снаружи уставился странный морской обитатель, угловатый и весь в колючках. Кузовок, кажется, – вспомнила Элина, и в этот момент почувствовала, как её горло обхватил тонкий шнур. Она даже не поняла сразу, что про-

исходит, а Инга быстрыми и точными движениями в момент лишила её возможности двигаться, плотно привязав к креслу. Найдя среди своих запасов скотч, надёжно прихватила руки Элины к подлокотникам, а ноги – к основанию кресла.

Элина выругалась. Затем осведомилась на предмет странных действий Инги:

– Зачем это? Ведь ты же обещала выстрелить!

– Не бойся, я это сделаю. И очень скоро, – тихо сказала девушка-биолог.

Элина покосилась на блестящий нож в руке Инги. Пистолет лежал далеко, на столике, среди инструментов. Вырваться было невозможно.

– Что ты хочешь сделать? – голос женщины-водителя дрогнул.

– Я всегда хотела знать, что чувствуешь, когда тебе разрезают живот, – сказала Инга.

– Ну так и пырни сама себя!

– Обязательно, – с убеждённой произнесла Инга. – Но только чуть позже...

Похолодев, Элина смотрела, как девушка сверху вниз распарывает ей свитер. Инга отбросила получившиеся полы в стороны, откинула спинку кресла до отказа, затем расстегнула ремень привязанной, спорола пуговицу и слегка спустила брюки, обнажив гладкий и плоский живот Элины почти полностью. Затем принялась водить остриём ножа по коже, чуть-чуть надавливая. Элина затаила дыхание. К ледящему ужасу вдруг примешалось возбуждение; она ещё не до конца поверила, что с ней может произойти нечто подобное. Женщину стало трясти. Инга сладко вздохнула, облизала губы и вдруг ткнула лезвием в пупок, слегка проколов кожу. Элина вскрикнула. Глядя, как увеличивается в размерах красная капелька, Инга вздохнула снова, медленно процарапала кожу живота крест-накрест. У Элины ощущение ужаса стало нереальным. Адреналина было столько, что ей показалось, что сердце сейчас выскочит. Дыхание женщины прерывалось, она почувствовала, как непроизвольно стали сокращаться

мышцы живота, спины и бёдер, всеми силами пытаюсь отвести привязанное тело от хищного лезвия.

«А эта сучка-то, наверное, совсем мокрая», – отвлеченно подумала Элина, и тут всё в ней замерло. В левую часть живота медленно стало погружаться что-то чужеродно-твёрдое; оно было горячим и холодным одновременно. Крик замер в глотке. Изящная рука, держащая рукоятку ножа, постепенно приближалась к животу, в котором тонуло лезвие, скрывшись наконец внутри почти полностью.

«Как в масло», – услышала Элина сквозь грохот ударов сердца шёпот Инги. Беспощадная рука девушки потянула нож поперёк живота, сантиметром ниже пупка. Глубоко внутри что-то сопротивлялось с полсекунды, затем подалось, и живот Элины взорвался болью, невероятной, невозможной. Ударная доза эндорфинов заставила всё тело содрогнуться, словно от сильнейшего оргазма, перемешанного с ещё более сильной болью. Каждое новое движение ножа, медленно рассекающего внутренности, заставляло тело женщины содрогаться снова и снова, а когда спустя бесконечные две или три минуты нож вышел из живота, вопль наконец вырвался из горла Элины наружу.

«Тише, тише, спокойно», – приговаривала Инга, поглаживая привязанную женщину по волосам и лицу. Боль действительно вдруг притупилась, но ужас остался, усилившийся ещё и зрелищем собственного разрезанного живота, из которого щедро струилась кровь, заливая ноги и кресло.

Элина прерывисто и протяжно стонала, а Инга снова поднесла нож к животу и слегка расширила рану. Девушка дышала так же прерывисто, как и её жертва. Она, не отрывая глаз от дела своих рук, растегнула свой ремень, выскользнула из брюк... Затем правой рукой ударила Элину в живот снизу. Рана приоткрылась, словно улыбающийся рот, наружу подались серовато-красные петли. Элина беззвучно закричала. Не будем уточнять, где в этот момент могла находиться левая рука Инги, но её тоже сотрясла сильная, перехватывающая дыхание судорога.

«Дай мне пистолет!» – хотела крикнуть Элина, но ей не удалось произнести ничего. Впрочем, Инга всё поняла.

– Не дам. Вдруг ты меня захочешь пристрелить.

Она заметила, что Элина изо всех сил пытается освободить руки. Но её потуги привели лишь к тому, что кишки всё сильнее вылезали из живота. Инга приблизилась к креслу и разрешила скотч, приматывающий руки женщины к подлокотникам. Элина немедленно попыталась запихнуть непослушные, скользкие петли назад. Частично ей это удалось... Но лучше от этого не стало. Пожалуй, даже наоборот... Инга наклонилась, срезала скотч с ног Элины, а затем освободила женщину полностью. Та завалилась на бок в кресле, подтянув ноги в заляпанных кровью брюках к животу, судорожно засучила ими.

Пора было заканчивать, но...

– Теперь я могу в тебя выстрелить? – деловито спросила Инга, наклонившись к лицу Элины.

– Да! – выдохнула женщина. – Не тяни, пожалуйста...

– Хорошо. Я бы могла сделать это прямо сейчас, но... – Инга замолчала.

– Но что?

– Дай мне на секунду засунуть руку тебе в живот...

– Не-е-ет!

– Тогда ждать тебе придётся долго. А так я сразу же, слышишь? Сразу же выстрелю тебе в затылок... Элина, пожалуйста! Я тебя умоляю, разреши мне сделать это!

Словно в тумане Элина увидела, что Инга встаёт перед ней на колени. И на лице её мучительницы не было сейчас ничего, кроме неподдельной мольбы. Поражаясь абсурду происходящего и понимая, что у неё выбора уже нет, Элина с трудом разогнулась и, раскинув руки, легла на спину.

– На!

Инга опустила дрожащие пальцы правой руки в хлюпающую рану, чувствуя тёплую и скользкую плоть. Глубже, глубже... Элина стонала и кричала всё громче, наконец хрипло выкрикнула:

– Хватит!

Но Инга остановилась, только когда рука скрылась в жилоте по самое запястье. Взяла в левую руку пистолет и со всей силой, как только могла, сжала внутри живота правую ладонь в кулак, чувствуя, как живая плоть, скользя, прорывается между её пальцев. В кулаке что-то лопнуло с ощутимым щелчком.

Тело Элины напряглось, выгнувшись дугой, и задрожало мелкой и частой дрожью. Женщина выпучила глаза, дыхание её остановилось. Инга решила, что пора выполнить обещание.

...Вентиляция в кабине работала отлично, даже запах пороха держался не более секунды, хотя пришлось нажимать спуск дважды – первый раз Инга умудрилась промахнуться, несмотря на то, что стреляла в упор. Девушка закрыла глаза Элине, сняла с себя свитер и футболку, которой тщательно вытерла руки и нож. Присев по-японски на пятки и колени, она проверила, в пределах ли вытянутой руки лежит пистолет, скатала книзу от талии трусики и приставила лезвие к бархатистой коже своего живота, чуть более округлого и мягкого, нежели у Элины.

Сталь была твёрдой и колючей. Решимости у девушки побавилось. Она с полминуты сидела так, успев даже слегка проколоть кожу в левой части живота, как вдруг снаружи что-то страшно заскрежетало, завизжал металл, и батискаф содрогнулся. Инга зажмурилась и резко распорола себе живот от бока до бока, почти так же, как недавно Элине, только слегка наискось, точно через пупок, и притом значительно скорее.

Словно молния ударила в животе у девушки. Нож вылетел из руки Инги, отскочил под приборную панель и завалился в глубокое межпалубное пространство, куда добраться было практически невозможно. Девушка с интересом, не веря сама себе, что это сделала, разглядывала аккуратный разрез на своём животе. Особой боли пока не было, но тело уже сотрясала крупная дрожь, сердце ухало, кожа горела от адреналина. Внизу было мокро, но ещё не от крови. Кровь текла довольно медленно. Но её течение ускорялось вместе с тем, как усиливалась дрожь и расходились края разреза.

Инга сидела не шевелясь, прислушиваясь к нарастающим ощущениям. А они нарастали быстро – невозможная боль вперемешку с невозможным возбуждением в течение минуты взорвали тело изнутри. Протяжно застонав, Инга повалилась на бок, обхватив себя руками и подтянув колени. В голове били тамтамы, в животе рвались бомбы, а чуть ниже текло так, как никогда раньше. От судорог стучали зубы. Дикая смесь ощущений настоятельно требовала прекратить поистине страшные мучения и одновременно хотела растянуть их ещё и ещё...

Боль чуть отпустила, оставив странное опустошение и чувство холода. Постанывая и вскрикивая, Инга протянула правую руку к пистолету... Вот сейчас – раз и всё? Так, что ли?

Решимости опять не хватало. Может, действительно пока не стоит? Тем более, уже почти совсем отпустило... Инга, по-прежнему лёжа на левом боку, позволила себе осторожно вытянуть ноги, посмотрела вниз. Очень много крови... Аккуратно потрогала тёплую рану – дьявольски больно... Боже мой, зачем она это сделала?

Живот немедленно отреагировал на прикосновение. Тело девушки изогнулось в сильной судороге, часть кишечника выскользнула на пол. Вскрикнув от боли и ужаса, Инга принялась собирать извилистые петли и засовывать их обратно в живот... О чёрт, она совсем забыла, что в руке зажат пистолет, и ударила им себя по ране... Нет, всё, хватит...

Инга зажмурилась и приставила пистолет к виску. Щелчок! Осечка. Ещё раз... И ещё...

Дрожащими руками Инга с трудом вытащила обойму. Пустая. В пистолете было всего два патрона, и последней пулей она сделала милосердие своей жертве, для себя же не оставила ничего.

Некоторое время она тупо смотрела на бесполезный пистолет. Затем отбросила в сторону, вспомнив нехстати, что и до ножа уже не добраться. Искать какие-то иные способы уже не было ни сил, ни желания. Крепко обхватив живот и подтянув к нему колени, девушка повалилась на бок, сотрясаемая

судорогами. Она не могла сказать, сколько прошло времени, прежде чем она почувствовала, как наползающий на сознание благословенный туман заставляет уходить навсегда и боль, и страх. Бояться больше было нечего. Девушка глубоко вздохнула и приготовилась ко сну.

ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ

Примечание: нижеприведенный текст изначально был написан по просьбе и поручению другого автора для включения в роман (ныне изданный). К сожалению, в окончательную редакцию данные фрагменты по ряду причин не вошли, поэтому публикуются под авторством Маркуса Даркевича с разрешения соавтора

Одинокая фигура прислонилась к дереву метрах в десяти от начала тропинки, ведущей к пустырю от улицы, чуть ниже пригорка. Прячущемуся человеку хорошо был виден отблеск подмигивающего светофора в верхних окнах здания колледжа. И ему также виден любой, кто начинал спускаться с пригорка. Этот человек стоял и терпеливо ждал. Если у него был телефон, то он, возможно, выключен. Если у него были сигареты, то он воздерживался от курения. Ему не нужно было курить. Ему сейчас нужно нечто другое. То, без чего он не мог обойтись.

Лица его мы не видим – на голову надета плотная шапочка с прорезями для глаз; он похож то ли на омовца, то ли на мелкую московскую хулиганку. Но ни тем, ни другой он не является – мы догадываемся, что он настоящий злоумышленник, гораздо хуже, чем «обычный» преступник. Возраст у нас определить не получится – ему может быть и семнадцать лет, и шестьдесят. Единственно, мы точно полагаем, что этот человек мужского пола. Потому мы и назовём его «мужчиной», не уточняя, старик он или юноша.

Грубый мешковатый силуэт не мог его заинтересовать. В принципе, абсолютно, никак. Но вот на пригорок поднялась женщина, одетая в платье или юбку. Мужчина напрягся, прислушался. Судя по звуку шагов, женщине лет было прилично – подобные нюансы прячущийся различал очень хорошо. Пусть идёт себе...

Прошли трое подростков, галдя и хохоча. Двое мальчишек и девчонка. Мужчина молча проводил их взглядом: была бы девка одна... Опять компания... Парень, судя по всему, пьяный... Ещё женщина... Но не та, какая нужна... А вот это... кажется, то, что надо!..

Лёгкие стройные ноги в обтягивающих брючках вознесли свою обладательницу на пригорок. Взметнулась грива распущенных волос – при свете фонаря видно, что тёмных... Пора! Мужчина беззвучно сорвался с места и почти в полной темноте побежал по одному ему известной дорожке через заросший деревьями пустырь, более короткой, чем петляющая тропинка. Он мог спугнуть жертву, поскольку под ногами неминуемо да хрустнут сучок или веточка, но эта девушка (как и предыдущая, впрочем) заткнула уши громкой музыкой с телефона – ему на удачу, себе на беду...

И долго любимые мелодии слушать ей не пришлось – мужчина с разгона сшиб девушку наземь и, прежде чем она опомнилась, изо всех сил ударил в подреберье. Дыхание ментально сбилось, рот непроизвольно открылся, чем и воспользовался злоумышленник: быстро заткнул ей рот комком плотной ткани. Девушка почувствовала, что вот-вот задохнётся. Сквозь туман, затягивающий сознание, она могла ощутить, что её тело куда-то быстро тащат крепкие руки, а её ноги волочатся по земле, цепляясь за сучки и веточки. И всё же она пыталась сопротивляться: то и дело дёргала руками, надеясь удержаться на ногах, суметь вывернуться вокруг своей оси, что называется... Тщетно!

Девушку бросают навзничь. Ещё один сильный удар в живот, ещё и ещё... Сопротивляться нет больше сил... Переворот лицом вниз... То ли жужжание, то ли треск... Лёгкий запах ук-

сусной эссенции вызывает у лежащей студентки воспоминание о сегодняшней лабе... Так пахнет упаковочный скотч, которым её связывают; девушка чувствует плотные, липкие ленты на губах, потом ей туго перетягивают заведённые за спину руки, затем – лодыжки ног...

«Сейчас этот гад меня изнасилует, – вяло шевелится в голове девушки. – Ну зачем, зачем я пошла через пустырь – ведь можно было уехать с Гришкой на машине... Эй, а почему он мне колени стягивает?..»

Девушку снова переворачивают лицом вверх. На фоне тёмно-фиолетового неба она видит лишь чёрное пятно – это голова мужчины, сдёрнувшего её с тропинки и утащившего непонятно куда... и непонятно зачем... Стоп... Кто-то ведь там и что говорил про какую-то Соколову со второго курса? Вроде менты уже вчера ходили по колледжу, пока она с Женькой прогуливала лекции, рассказывали, что девку убили буквально на днях, и как раз именно на этом пустыре...

Ужас холодной рукой хватается студентку за горло. Она понимает, что попала в смертельную ловушку. Гибкое тело бьётся и выгибается на земле. На лбу у злоумышленника вспыхивает тусклый фонарь – батарейки почти «на последнем издыхании», но всё, что ему надо, он видит... Зато те, кому не надо, не заметят отблеска из глубокой расщелины, на дне которой распласталось тело студентки.

Злоумышленник любит эту картину при неверном свете. Связанные руки девушки заведены вниз и назад, под поясницу. От этого её тело прогибается вперёд, животик соблазнительно выпячивается, кажется более выпуклым, чем он есть на самом деле. Протянутая рука рвёт поясок тонких брюк, замок расходится, показывая снежно-белую ткань трусиков на телесной белизне кожи. Мужчина задирает кофточку вверх, теперь живот обнажён, раскрыт практически полностью. Тени, отбрасываемые рукой, причудливо пляшут по коже извивающейся на земле девушки. Сквозь кляп доносятся только невнятные приглушённые возгласы. Подрагивающая от нетерпения рука злоумышленника минуты три нежно гладит

мягкую кожу, пальцами проминает её, всё глубже продавливая податливую плоть. Затем сжатый кулак падает сверху прямо в пупок, словно кузнечный молот. Мышцы не успевают напрячься, и удар принимают на себя внутренности. Из живота доносится глухой хлюпающий звук. Девушка кричит через кляп, глаза её широко открыты, но она ещё ничего, совсем ничего не знает о боли. Следует череда ударов, которые ей наносит злоумышленник с целью окончательно расслабить пресс. Студентка стонет, слёзы текут из её глаз, рисуя чёрные полосы на висках и скулах. Злая рука снова мнёт её живот, мышцы уже почти не сокращаются, это вполне устраивает наклонившегося над ней мужчину. Слышится негромкий металлический щелчок, девушка видит блеск стального лезвия и замирает от полного, всепоглощающего ужаса.

Он не торопится, оттягивая момент. Момент проникновения. Кончик ножа легонько царапает кожу, рисуя concentрические окружности вокруг подрагивающего пупка. Затем лёгким нажатием клюёт в его центр.словно удар тока! И он проскакивает нитью сквозь плоть в самую промежность, нет, прямо в клитор. Мужчина давит на нож чуть сильнее... и ведь при иных обстоятельствах это могло бы даже показаться приятным!.. При иных. Не при этих. И вообще, предварительные игры кончились.

Мужчина погружает лезвие острого, как бритва, ножа в живот девушки чуть ниже пупка и чуть правее. От жгучей, словно лава, заполняющей всё тело боли перехватывает дыхание. Но режет маньяк не особенно глубоко, стараясь не слишком повредить внутренности и – самое главное – не перерезать какой-нибудь из крупных кровеносных сосудов. Тело студентки бьётся, а вопит она в кляп так, что мужчина начинает беспокоиться – ведь вокруг почти мёртвая тишина, не хотелось бы, чтоб кто-то услышал с дороги. Он тянет разрез сантиметров до семи-восьми, затем вынимает нож и давит девушке на левый бок. С лёгким чавкающим звуком из раны понемногу начинают показываться петли кишок. Мужчина отбрасывает нож, встаёт и принимается расстёгивать брюки. В прыгающем све-

те фонарика, сквозь пелену ужасной боли в животе, девушка видит торчащий член... И длинную палку, зажатую в левой руке мужчины. Палка спустя несколько секунд проникает ей глубоко в живот, в самое чрево, раздвигая медленно выползающие наружу кишки. Боль невыносима, она находится за пределами понимания... И при этом её живот ощущает нечто вроде «сверхнаполненности». Мужчина медленно крутит палку внутри, наматывая на неё петли кишок. Свободной рукой обхватывает член и начинает неспешно двигать ею туда-сюда. Время от времени он тянет палку с намотанными на неё кишками на себя, заставляя тело жертвы биться в безумном темпе, постепенно ускоряет движения рукой. Минут через десять, которые кажутся девушке вечностью, член наконец выбрасывает заряд спермы на вынутые внутренности, и маньяк отпускает палку. Живот девушки весь в крови, как и почти вся её одежда. Вылезшие наружу кишки начинают быстро подсыхать, добавляя своей хозяйке дополнительные мучения – для неё весь мир теперь сосредоточен только в её истерзанном кишечнике. Который ещё можно спасти, если бы...

Маньяк натягивает брюки, затем достаёт откуда-то небольшую бутылку. Несколько минут любит зрелищем корчащейся на земле девушки с торчащей из живота палкой и начинает лить прямо на обнажённые внутренности какую-то жидкость.

То, что раньше казалось болью, было только половиной её. Живот словно взрывается яростной вспышкой. Девушка, похоже, уже не может кричать. Её тело выгибается дугой, заваливается на бок и начинает бешено биться в пароксизме, означая, что точка невозврата пройдена. А маньяк доволен – завтра ему будет чего вспомнить... Он ещё несколько минут жадно наблюдает за конвульсиями девичьего тела, потом с небольшим сожалением уходит. До конца досматривать не особенно занятно – это надоедает. Интересно разве что гадать, сколько времени жертва ещё промучается, прежде чем затихнет окончательно.

...Ангела Власова дрожала и сучила ножками, царапая землю, ещё долгих три часа. Часть её кишок, обожжённых

уксусной кислотой, медленно растворялась. Девушка едва не вывихнула руки, пытаясь освободиться или хотя бы втолкнуть внутренности обратно в живот, но сил уже всё равно не было. Утром её найдут бродячие собаки... А люди – только следующим вечером.

* * *

Люба Ласунская пришла в себя, лёжа в полной темноте на жёсткой, видимо, металлической, решётке. Тщетно попытавшись подняться, она поняла, что её кто-то связал, туго стянув ноги и раскинув в стороны руки. Запястья были надёжно к чему-то привязаны, так что её лежащее навзничь тело оказалось распятым, словно на кресте. Несколько раз подёргавшись, Люба поняла, что освободиться невозможно. Попробовала крикнуть, но ничего не вышло – рот был забит тряпкой и заклеен, по всей видимости, скотчем. Сначала она подумала, что это Пётр устроил ей такой своеобразный аттракцион – ему нравились «нестандартные» затеи. Он частенько заставлял её лежать смиренно и тихо, требовал от неё не кричать и не стонать, пока трахал её... а она отнюдь не была «бревном» и не хотела быть им. Иногда он действительно привязывал ей руки к спинке кровати. Их ссоры начались с того момента, как она, назвав его некрофилом, в сердцах посоветовала познакомиться с фригидной «куклой» или купить резиновую женщину в секс-шопе.

Но при всей своей лёгкой извращённости Петя вряд ли стал бы так над ней издеваться – это уж точно... И вообще, откуда он бы тут взялся, когда она пошла на улицу якобы за сигаретами, а на самом деле для того, чтобы позвонить Антону и договориться о встрече. Да, а когда достала телефон, рядом остановилась какая-то машина, и водитель, которого она толком не разглядела, что-то спросил... и чем-то брызнул ей в лицо... А потом она вроде бы оказалась в машине, но явно не на сиденье... И ещё она запомнила странный и быстрый спуск, словно по детской горке в тёплую темноту, где провела связанной не-

сколько часов. Потом... Потом к ней кто-то пришёл, прислонил к лицу тряпку, мерзко пахнущую какой-то химией... И вот теперь она лежит, надёжно привязанная, лицом вверх.

Ужас ледяной рукой вцепился Любе в горло, когда она вспомнила про страшные убийства в их районе. Поняв, что попала в лапы к тому же самому маньяку, молодая женщина попыталась закричать ещё раз, но издала лишь сдавленное мычание... Попробовала освободить ноги, изо всех сил начав подтягивать их под себя, но в итоге только ободрала лодыжки.

Вдруг что-то заскрипело поблизости, словно открываемая дверь, в помещение, где лежала Люба, упал луч света, и слышались чьи-то шаги, поднимающие лёгкое эхо. Вспыхнули электрические лампы и над женщиной, заставив её непроизвольно зажмуриться. Она повернула голову влево, открыла глаза. Да, Люба действительно лежала спиной на решётке, сваренной из толстых металлических прутьев, и к ним скотчем была примотана её рука. Повернула голову вправо – и с правой рукой поступили точно так же. А тот, кто, по всей видимости, сделал всё это, стоял поблизости – его ботинки находились в нескольких сантиметрах от Любиной руки. Женщина взглянула на вошедшего. Лица его не было видно – он носил плотную матерчатую маску. Чёрного цвета, с тремя маленькими прорезями, она выглядела неопишимо страшно... Не менее страшен был и наряд на этом – несомненно – мужчине: длинная белая рубаша и серый клеёнчатый фартук почти до колен... Ноги этого человека были голыми – судя по их форме и волосяному покрову, они принадлежали кому угодно, но только не Петру. Похититель вставил в нижнюю среднюю прорезь маски сигарету, прикурил... В глазах, которые прятались в верхних отверстиях, отразилось пламя зажигалки; мужчина враз показался настоящим демоном. Глаза Любы от ужаса снова закрылись.

Похититель выдохнул дым, наклонился, потрогал её волосы. Выругался:

– Сучка крашенная...

Затем отошёл чуть в сторону и начал печатать шаги по бетонному полу рядом с решёткой. В душе у Любы затеплилась слабая надежда на то, что убийца притащил её сюда по ошибке. И то, что он прятал своё лицо за маской, тоже немного грело душу: он ведь не будет бояться, что она его «сдаст», и потому отпустит... Она же не сумела разглядеть его и в машине. Если даже он изобьёт её, то пусть только отпустит... Всё, что угодно, лишь бы оставил в живых... Господи, да она даже к Петру сейчас рада вернуться, с его заскоками, готова превратиться в настоящее бревно, лишь бы он доволен был... Она даже... Даже на работу устроится, вот! К нему в контору, как он давно уже намекает... А с Антоном порвёт!.. И... и курить бросит!!!

Но у похитителя были на этот счёт другие соображения. Видимо, ему совсем не хотелось, чтобы женщина обременяла себя трудоустройством и собиралась в чём-то себя ограничивать. Он докурил сигарету, бросил её куда-то вниз, через прутья решётки, потом подобрался к Любе, присел на корточки и достал нож, лезвие которого ярко сверкнуло под светом потолочных ламп. Подтянув вверх подол розовой куртки, разрезал тонкую синтетическую ткань. Остановился, немного задумался. Рукой надавил на живот, опоясанный ремешком, вдёрнутым в джинсы. Одно движение ножом – и ремень разлетелся. Второе – и джинсы ослабли. Третье – и они поползли вниз. Любу сковал страх, она не шевельнулась даже тогда, когда похититель разрешил ей трусики спереди и распорол блузку и майку снизу доверху... Тяжёлая ладонь легла на обнажённое тело, и Люба услышала глухой невнятный возглас, вроде как одобрительный. Похититель некоторое время грубо массирует ей живот, проминая его чуть не до позвоночника, и при этом издавал звуки, явно выражающие удовольствие... Люба вообще-то не была в восторге от своего животика – ей хотелось, чтобы он был более плоским, подтянутым. Пётр тоже намекал на это. Тут их вкусы совпадали... Но вкусы этого демона, видимо, были иными.

Первый удар кулаком в область пупка сорвал дыхание. Второй заставил кричать – но это опять был не крик, а невнятное гуканье в кляп. Третий, четвёртый... Похититель бил Любу в

живот что есть сил, из глаз у женщины текли слёзы. Сквозь их пелену она опять увидела блестящее лезвие – мужчина намеренно его демонстрировал, чтобы она понимала, чем именно ей сейчас будут вспарывать живот – Люба больше не сомневалась в том, что ей предстоит пройти через то же самое, что и тем двум девушкам, чьи тела недавно нашли на пустыре. Она закрыла глаза и постаралась подумать хоть о чём-нибудь другом, да пусть даже о том, как они с Петей ходили в кино...

Кончик ножа легонько царапал кожу, словно рисовал на ней какие-то узоры... или буквы... А, может быть, выбирал место, куда надавить посильнее?.. Кажется, выбрал...

Острое, как опасная бритва, лезвие рассекло кожу немного ниже и правее пупка и устремилось внутрь чрева, заставив Любу забиться. Когда оно проткнуло брюшину, боль стала неопределимой. А когда поехало поперёк, разрезая плоть, к другому боку, то вокруг почти всё исчезло, во всём мире остались только две вещи – её живот и его нож. Лезвие, погружённое не слишком глубоко (какой смысл убивать девчонку быстро?), двигалось поперёк туловища, не встречая особого сопротивления от ослабленных ударами мышц, и вскоре его выдернули из неё наружу.

Что-то заставило её поднять голову. В каком-то тумане она видела, как потоками струится кровь по бокам, стекая вниз между прутьями решётки – звуки падения капель доносились откуда-то издалека... А из раны на животе медленно что-то вылезало – как будто что-то живое. Оно не должно было стремиться наружу – ни в коем случае! Ему надо находиться только внутри, ну зачем же оно лезет из неё?!

Тело Любы сотрясли рыдания – ей было безумно жалко себя сейчас, а в особенности – свой единственный и неповторимый живот, который по совершенно непонятной причине кому-то понадобилось так изуродовать... Широко открытыми глазами она наблюдала за движением корявой палки, которую маньяк явно нацелился воткнуть в неё... Но, похоже, вдруг передумал. Наверное, решил он, нет больше смысла удовлетворять себя рукой... Здесь не пустырь. Ну, даже перепачкается

он, тут ведь гораздо проще будет смыть кровь – воды много. А потом можно надеть чистую одежду – она лежит поблизости в аккуратно сложенном виде.

Люба видела, как мужчина откинул длинный фартук, под которым обнаружился торчащий напряжённый член. Маньяк опустился над ней, направляя орган прямо в выползающие из раны кишки. Секунда – и его орудие скрылось в чреве женщины, раздвинув скользкие, упругие петли. Тяжёлое тело надавило на её живот, стало толчками вбивать член внутрь. Послышались хлюпающие звуки. В туманящей сознание боли остро ощущалась каждая фрикция. Член воспринимался как острый и жёсткий штырь, шарящий у неё в самой середине тела. Из-за ритмичности движений Любе даже на какую-то долю секунды показалось, что с ней на самом деле занимаются обычным сексом – насильно, естественно. Выброс спермы она ощутить, конечно, не могла, но потом увидела, как мужчина поднимается, а за его член цепляется тонкая петелька её кишечника. Когда пенис покинул её нутро, на какой-то миг возникло ощущение страшного опустошения, более даже жуткого, чем собственно боль.

Насильник небрежно обтёрся обрывками её одежды и бросил их вниз сквозь железные прутья. Закурил сигаретку, любуясь зрелищем корчащейся, дрожащей на решётке женщины с распоротым животом. Учитывая обстоятельства, теперь можно обойтись и без уксусной кислоты – всё равно ведь тело никто не найдёт... С другой стороны, а что он теряет?

Маньяк снял с полки бутылку и вытащил из неё пробку.

НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

Интерактивная доска вдруг залилась однотонным белёсым цветом. Жанна Викторовна сильнее нажала кнопку на пульте, однако ничего не произошло – доска «зависла». Поджав губы, учительница подошла к своему столу, пробежала пальцами по клавиатуре компьютера, но с тем же результатом. В классе послышались шепотки. Учительница строго взглянула поверх очков на аудиторию, затем повернулась к отвечающей урок девушке:

– Так, Ильина, остановись на минуту... Васильев! У тебя за спиной шкаф с таблицами и пособиями... Будь добр, открой его и найди там материал для нашего урока. Думаю, ты быстро его найдёшь.

Ученик, к которому обращалась преподавательница биологии, не стал тупить и делать вид, что он якобы ничего не понял, пусть даже был медлительным и не особенно исполнительным. Шкаф, в который сложили старые учебные пособия, стоял буквально в шаге от его стула. Васильев потянул ручку створки, послышался пронзительный скрип (кто-то в классе хихикнул). С лёгким шумом юноша вытянул свёрнутый в рулон плакат, подняв клуб серой пыли. Кто-то демонстративно чихнул «ааап-ч-хой!» Снова послышались смешки.

– Тихо, – жёстко произнесла Жанна Викторовна, вскинув голову и тряхнув светлыми локонами. – Что за шум в классе?

Школьники примолкли. Учительницу Заварову немного побаивались – несмотря на её сравнительно молодой возраст и небольшой стаж, биологиня успела снискать репутацию суровой классной дамы. Попавшие под её дисциплинарные взыскания досадовали, что преподавательница никак не выйдет замуж, коль скоро молодая, стройная и симпатичная... Глядишь, поменьше бы свирепствовала в школьных стенах. Но действительно, несмотря на красивую внешность и приближающееся тридцатилетие, Заварова вроде бы не собиралась устраивать свою личную жизнь, отдавая очень много времени школе, включая «непрофильные» занятия вроде лекций о здоровом образе жизни, духовных ценностях и прочих трендах, регулярно спускаемых сверху.

– Продолжай, Ильина, – произнесла Жанна Викторовна, когда Васильев повесил над доской древний плакат, слегка выцветший и помятый, но вполне ещё пригодный в качестве учебного пособия.

Аня сделала несколько неуверенных движений острой металлической указкой, затем коснулась картона, на котором был изображён торс человека с открытыми внутренностями, и произнесла:

– В брюшной полости пищеварительная трубка резко расширяется, образует желудок. За желудком следуют тонкая, а затем толстая кишка... В желудке и тонкой кишке в результате воздействия пищеварительных соков пища переваривается, продукты переваривания всасываются в кровеносные и лимфатические капилляры... Затем перемещаются в конечный отдел пищеварительной системы – толстую кишку... Вот.

– Ты забыла указать ещё...

– А, да! Вот двенадцатиперстная кишка, – Аня неуверенно ткнула указкой куда-то чуть ниже желудка.

– И как происходит перемещение продуктов переваривания?

– Вниз под силой тяжести, – шепнул кто-то со второй парты.

Заварова видела, что ученица подготовилась к уроку, мягко говоря, неважно. И для себя решила, что если та сейчас повторит подсказку, то отправит Аню на место с неудовлетворительной оценкой. Однако Ильина вдруг что-то вспомнила:

– С помощью перистальтики... Волнообразного движения кишок!

И даже изобразила руками замысловатую фигуру прямо перед своим животом.

– На себе не показывай... – шепнул подсказчик.

– Фомин! – словно хлестнула языком Заварова. – Тебя давно не отправляли к завучу?

Фомин стусевался. Ильина с горем пополам назвала отделы толстого кишечника и, получив тройку, с пылающими щеками вернулась на место.

– А ведь самого главного назначения прямой кишки она так и не назвала, – шепнул Фомин соседу очень тихо, надеясь, что учительница его не услышит. Макаров, его сосед, довольно хмыкнул.

– Знаешь, Фомин, – сухо произнесла Жанна Викторовна, – оставь мне дневник и отправляйся к завучу для объяснения.

У неё был тонкий, вполне профессиональный слух хорошего педагога.

* * *

...После шестого урока Заварова вернулась в кабинет. Интерактивную доску уже наладили (да и проблема, как выяснилось, оказалась не в ней, а в программном сбое компьютера), так что осталось убрать рабочее место и отправляться домой... Время уже было позднее, на улице стемнело – Жанна не любила заканчивать уроки во вторую смену, но куда деваться, если расписание утверждено, а часы расписаны... На столе валялся свёрнутый плакат. Странно, подумала учительница – ведь она своими глазами видела, как Васильев прятал его обратно в шкаф...

Она развернула плакат и даже поморщилась: кто-то порезвился на нём, грубо разрисовав красной и синей тушью. В самой середине кишечника толстыми синими линиями был выведен большой нож, вонзающийся во внутренности; вокруг него и книзу волнистыми штрихами и каплями красным цветом изобразили кровавые брызги. Учительница посмотрела выше. Там, где у учебного пособия была изображена голова без лица, кто-то добавил несколько штрихов: длинные вьющиеся волосы, ниспадающие на плечи, и очки в оправе характерной формы. И подрисовал губы красной тушью, словно помадой.

Сомнений быть не могло – Жанна Викторовна держала в руках карикатуру на самоё себя. И руки у неё дрожали – но не от злости, а скорее от испуга. Будь на месте Заваровой другой человек, он, скорее всего, расценил бы подобную выходку как месть из хулиганских побуждений. И заподозрил, возможно, того же Фомина, отправленного к завучу за систематические нарушения дисциплины. Другой человек, возможно, пришёл бы именно к такому выводу... Но Заварова, чьё сердце сейчас отчаянно стучало, видела в этом вандализме нечто большее – а именно срыв покровов с её тайны, интимной и извращённой.

«Обычным» мазохизмом в наше время удивить трудно. И школьная учительница, строгая и требовательная, может быть мазохисткой, предаваясь наслаждениям в виде порки хлыстом, подвешиванию или связыванию. Далеко за пределами рабочего места, естественно. Но Заварова возбуждалась от более тёмных фантазий, представляя себе проникающие ранения в живот. Долгими вечерами, лёжа в постели, она частенько подогревала возбуждение, представляя, как чуть ниже пупка вонзается стрела или нож, распарывая кишечник и выпуская содержимое в полость... Давая волю своему воображению, Жанна ложилась на бок, прижимала ладони к животу, подтягивала к нему колени и неспешно перебирала ногами, сжимая бёдра, пока они не начинали увлажняться. После этого пальцы правой руки словно сами собой скользили между набухших, скользких губок и доводили Жанну до оргазма – долгого и яркого, сотрясающего тело и заставляющего громко

стонать... Пару раз Жанна пыталась донести хотя бы намёк на свои фантазии до молодых людей, отношения с которыми доходили у неё до постели... и это заканчивалось, увы, катастрофой. Никак не получалось у Заваровой найти «половинку» с такими же, как у неё, желаниями, несмотря на её выраженную женственность и даже виктимность (с чем вряд ли согласились бы ученики из её класса). Эта женственность была поистине предельной: Жанна осознавала принципиальную разницу между мужским и женским животом, расценивая последний как средоточие женского начала; а проникающий в него клинок готова была принять, словно фаллос, мечтая податься ему навстречу. Разумом, конечно, она понимала, что вряд ли получит оргазм, когда металл начнёт резать ей кишки, но фантазировать ей никто не мог запретить... Кровать, которую она однажды заметила в ближайшей «Икее», была оснащена по углам деревянными полушариями на стойках, торчащих вверх почти на метр. Сразу признав в них не только фаллические символы, но и практическую ценность, Жанна немедленно заменила своё старое лежбище. И теперь нередко налегала животом на гладкие, полированные закругления стоек до боли, до стонов, до выделения смазки, представляя себе, как её бьёт в живот мужчина, глубоко погружая кулак, до тех пор, пока не порвёт ей кишечник и не оставит лежать скрючившейся на боку, стонущей и сучащей ножками.

Долго прятать в себе эту тайну было невозможно. Поняв, что среднестатистического кандидата в спутники жизни подобными фантазиями можно лишь отпугнуть, Жанна прибегла к последнему способу: электронным службам знакомств. Как ни странно, это принесло хоть какие-то результаты: ей начали отвечать почти сразу же. Зачастую безграмотно, иногда излишне грубо, или же наоборот – с такими же виктимными паттернами. Написали несколько женщин, что Жанну тоже никак не устраивало. Желаемые фантазии описали лишь трое четверо мужчин, но увы – все они жили за несколько тысяч километров... Жанна плохо себе представляла, каким образом начнёт общение «вживую» с мужчиной, который разделяет её

сокровенные мечты, но надеялась, что когда наконец найдёт такого человека, то найдёт и что ему сказать...

И вот теперь кто-то совсем рядом знает её тайну. Откуда? Каким образом он проник в её анонимную переписку? А может быть, всё это лишь игра воображения, и испорченный плакат – действительно мелкое ученическое хулиганство?..

И тут негромко звякнул телефон, известив о принятом сообщении в мессенджере. Сердце замерло. Непослушными руками Жанна извлекла телефон из сумочки, нарисовала графический ключ... Этого не могло быть! Ей прислали фото – фото этого самого плаката, но ещё не раскрашенного мазками туши. Некий собеседник спрашивал: «Это ведь то, чего ты хочешь? Я знаю. Мы с тобой общались недавно. Я солгал, что живу в другом городе. На самом деле я рядом. И мне нужно то же, что и тебе».

«Но как ты меня нашёл?» – трясущимся пальцем набрала Жанна.

«Ты сама назвала город, имя и кем работаешь)). Ты – единственная в городе учительница биологии по имени Жанна. По крайней мере, подходящего возраста, незамужняя, стройная блондинка, носящая очки. Я видел тебя, заходил к вам в школу».

«Как тебя зовут?»

«Артём. Мне 35, ник – «Плотник»».

Жанна вспомнила про одного Артёма. Да, был такой мужчина среди «соискателей». И на самом деле «Плотник» подходил как под её общие параметры анкеты, так и под фантазии, которыми она осторожно с ним поделилась.

«Так где же ты?»

«Близко. Давай встретимся?»

«Когда?»

«Прямо сейчас».

«Я как-то не готова, если честно», – набрала Жанна, хотя словно кто-то её подталкивал: «Что ты такое пишешь, дура! Ты в кои-то веки нашла человека, который тебя понимает и может дать то, что не даст никто другой, а сама ломаешься, как пятнадцатилетняя!»

«Я согласна», – тут же исправилась Заварова.

«Ты просто прелесть! Я не верю своему счастью. Знаешь, я сильно стеснялся и переживал, поэтому поначалу и написал о другом городе. Никак не мог поверить, что такое совпадение, и совсем рядом!»

«Хорошо. Я тоже... А где мы увидимся? Может, посидим где-нибудь в кафе? Хотя бы посмотрим друг на друга? Ты меня видел, а я тебя – ещё нет».

«Можно и так... Жанна, можно тебя попросить об одной вещи?»

«Ммм. А о какой именно?»

«Я понимаю, что сразу на первой встрече глупо, наверное, пытаться показать друг другу на практике, чего мы хотим и чего мы ждём...»

Жанна хотела было набрать что-нибудь вроде «я уже прямо сейчас хочу тебя», но удержалась. Написала коротко: «Возможно. Но чего же ты хочешь?»

«Когда мы будем в кафе... Ты разрешишь мне положить ладонь тебе на живот?»

* * *

– ...Мы приехали, – произнёс таксист. – Рассветная, сорок один.

Жанна посмотрела через окно машины. Улица выглядела безлюдной и казалась странно тихой. Никакого кафе тут не было, хотя какие-то вывески на домах и павильонах имелись. Правда, окна светились только у одного магазинчика. Рядом с припаркованной машиной прошла смеющаяся пара. За ней – ещё один молодой парень. Жанна успокоилась, вышла из машины и набрала на телефоне: «Я на месте». Артём немедленно откликнулся: «Немного ошибся. Не 41, а 47. Жду у входа».

Жанна, не чувствуя ног, двинулась вдоль по улице, оставив позади единственный освещённый магазин. Все заведения на первых этажах домов уже закрылись по случаю позднего вечера... а если бы Жанна была чуть внимательнее, то поняла бы,

что частью своей и брошены. На дверях кое-где висели таблички «Сдам» или «Продам». Такой таблички не было на двери дома номер сорок семь, но ничто не указывало и на то, что за этой дверью может находиться кафе. Секунд пять женщина стояла перед этой дверью, постепенно понимая, что стала жертвой жестокого розыгрыша, как вдруг за её спиной раздался лёгкий шум, и в следующий момент Жанну словно бы порыв ветра внёс в неожиданно раскрывшуюся дверь. Женщина успела лишь коротко вскрикнуть, как рот ей зажала сильная ладонь, а дверь захлопнулась, несомненно оснащённая мощной пружиной.

...Неяркий свет заставил Жанну приоткрыть веки. Что такое? Где она? Куда попала?

Помещение выглядело как заброшенный офис, из которого вывезли почти всё, оставив только пару стульев, стол и жёсткое кресло. В этом кресле почти полужёжа сидела сейчас Жанна. И, как быстро могла убедиться, руки её были крепко привязаны к подлокотникам скотчем, да и ноги надёжно зафиксированы где-то внизу. Кроме того, подмышками тоже пропустили клейкую ленту и обмотали вокруг спинки поверх платья. Пальто с неё уже сняли и бросили в угол комнаты. Рот был заткнут её же собственным шейным платком. Очки куда-то исчезли.

Ледяной страх сдавил горло. Заварова постаралась пошевелиться, сначала осторожно, потом резко. Затем изо всех сил дёрнулась. Тяжёлое кресло едва шевельнулось.

Позади раздались тихие шаги. Чьи-то тяжёлые ладони легли Жанне на плечи. Человек глубоко дышал, и женщина, ещё не видя его, вмиг поняла, что это мужчина, и что он возбуждён. Страх усилился. Что же этот тип задумал?..

Мужчина обошёл вокруг кресла. Незнакомый. Светодиодный фонарь, лежащий на столе, направлял луч на Жанну, лицо похитителя она не могла хорошо разглядеть, но на лицо того Артёма оно было не слишком похоже. Скорее всего, её виртуальный знакомый выкладывал фото постороннего человека.

– Я – тот самый Артём, – подтвердил мужчина. – Тот, которому ты рассказывала про все свои самые запредельные фантазии...

– А ты хорошенькая, – произнёс мужчина низким голосом. – И выглядишь точно как сама себя описывала... Ну, не надо так. Освободиться у тебя не получится. Я хочу проверить, на самом ли деле ты настолько женственна, как говорила мне об этом.

С этими словами похититель вынул нож, нагнулся над полулежащей Жанной и аккуратно начал резать на ней платье, начав снизу. Обнажив бёдра, он раскинул в стороны распоротую юбку и начал осторожно вести лезвие по ткани, туго облегаяющей мягкий, округлый живот женщины. Такого страха Заварова ещё в жизни не испытывала. Но, к своему удивлению, вдруг ощутила одновременно с ужасом что-то похожее на возбуждение. Именно его вызывали пальцы Артёма, касающиеся живота, уже обнажённого.

Платье распахнулось от груди и ниже. Мужчина осторожно подцепил ножом верх колготок, потянул на себя. С лёгким щелчком нейлон лопнул. Затем двумя пальцами Артём подтянул кружевную резинку розовых трусиков. Одно движение – и теперь живот Жанны был обнажён полностью, от подреберья до лона.

– Какой он у тебя красивый, – в голосе похитителя звучало восхищение, возможно, искреннее. Женщину потряхивало. Она пыталась что-то сказать, но сквозь платок доносилось только мычание. Жанна немедленно притихла, как только почувствовала мужскую руку на коже своего живота. Сильные пальцы начали сначала потихоньку, потом всё глубже проминать самую мягкую и податливую часть тела. Сильнейший страх только обострял нарастающее возбуждение; Жанна ощутила влажность между бёдер.

И вот – удар! Сильный, неожиданный. Словно кузнечный молот упал Жанне прямо в середину живота. Толчок сотряс внутренности, тупая боль немедленно заполнила брюшину. Женщина застонала, заёрзала на кресле. Второй удар последовал почти сразу же за первым. Мощный, болезненный и такой... возбуждающий. Затем удары в живот посыпались один за другим. Мужчина избивал привязанную женщи-

ну ритмично, примерно с одинаковым усилием, и все удары принимал на себя живот. Похититель старался попасть чуть ниже пупка, либо вбить кулак в область пупка, но не выше, иногда чуть отклоняясь влево или вправо; эти удары несли всё новые оттенки боли, уже не такой тупой, а острой и рвущей. Слёзы хлынули из глаз Жанны, она теперь не стонала, а кричала в платок. Артём прекратил экзекуцию, глядя на трясущееся крупной дрожью тело женщины. Протянул руку, нежно провёл пальцами по коже живота. Затем пальцы скользнули ниже...

– Смотри-ка, да ты действительно эталон женственности, – тихо произнёс похититель. – Я восхищаюсь тобой. Таких, как ты, наверное, единицы во всём мире.

Жанна тяжело дышала, чувствуя, как успокаивается дыхание и притупляется боль в животе. Боже мой, что этот парень такое говорит?.. Это так странно... И страшно. И возбуждает... «Вот что значит виктимность, – с лёгкой досадой подумала Заварова. – Сейчас он меня изнасилует, а потом, чего доброго, и убьёт... И я ведь могла вполне предполагать это сегодня, но всё равно потащила в этот район, куда не всякий таксист вечером поедет... Поехала встречаться один на один с человеком, которого раньше никогда не видела... И никому не сообщив, куда и зачем иду...»

Кулак коснулся живота, нежно помассировал кожу. И отодвинулся. Снова вернулся, будто погладил. Опять отодвинулся. Не отдавая себе отчёта, Жанна прогнулась в талии, пытаясь подать живот вперёд и вверх. Её тело хотело продолжения, требовало проникновения и боли. На разум хозяйки ему было наплевать.

И оно его получило. Теперь Артём бил сильнее и чаще, Жанна кричала в платок, корчась на кресле. Ей казалось, что кишки рвутся на куски, в глазах потемнело. Мужчина остановился, он даже запыхался немного.

– Я уберу платок, – сказал он хрипло. – Только если ты обещаешь, что не будешь звать на помощь, хорошо? Кивни, если так. Здесь всё равно поблизости никого нет.

Жанна кивнула. Артём дёрнул узел на платке, вынул его изо рта женщины. Дышать сразу стало легче... Что он там делает?..

Как Заварова предполагала, так оно и произошло. Обрывки её трусиков и колготок были сорваны и отброшены. Твёрдый член проник в неё легко и на всю глубину, поскольку влагалище уже давно было затоплено скользкой влагой. Артём нажимал ей на избитый, наполненный болью живот, и Жанна кончила меньше, чем через минуту. Вскоре её сотрясли ещё два сильнейших оргазма, прежде чем Артём излился в неё. Невероятная гамма ощущений вызвала у Жанны громкие стоны. Слёзы текли ручьём.

– ...Такого со мной никогда не было, – прошептала женщина спустя несколько минут. – Если бы я знала, что меня ждёт...

– Ты бы всё равно приехала, – утвердительно произнёс Артём.

– Я бы приехала, – помолчав, произнесла Жанна. – Даже если бы не знала этого. Наверное, я чувствовала, что хочу этого... Нет, это даже не я сама чувствовала... Только ты не смейся, хорошо?.. Это мой живот почувствовал и повёл меня сюда.

– Я не буду смеяться, – сказал похититель. – Потому что так оно и было...

– Ты меня развяжешь? – спросила Заварова.

– А ты этого хочешь? Или, может быть, ещё один повтор?

Живот немедленно сладко заныл, затрепетал, добавив ещё влаги между ног.

– Может быть, – прошептала Жанна.

Артём подошёл, достал нож.

– Ты бы хотела этого? – спросил похититель.

Жанна промолчала. Сердце забило отчаянно, страх снова смешался с возбуждением.

– А живот твой этого хочет?

Женщина ощутила, как сталь царапнула её. Ещё раз, другой. Кожа нервно подрагивала, но мышцы бёдер и спины вдруг напряглись и подали живот вперёд и кверху, словно приглашая принять внутрь лезвие.

– Он хочет, – сказал Артём. – Я это сделаю. Ты готова?

Жанна закусила губу.

– Тебе будет больно, очень больно, – заговорил мужчина. – Ты даже не представляешь, насколько. Я не буду резать глубоко, чтобы не допустить сильного кровотечения. Но постараюсь распороть сразу несколько кишок, чтобы усилить твои страдания.

Жанна молчала. По идее, ей надо было сейчас изо всех сил начать вопить, звать на помощь, благо от кляпа похититель её избавил... Но женщина не проронила ни звука.

– Ты молчишь? Значит, ты готова обнажить всю свою женскую сущность до предела? Ты промучаешься несколько часов, но с осознанием того, что открылась полностью. Последний раз спрашиваю, ты готова?

Заварова открыла рот, чтобы начать кричать. Но её связки точно парализовало. Она смогла только выдохнуть, почти беззвучно.

– Ну, тогда... – пробормотал мужчина.

Артём взял платок, аккуратно запихнул часть его в рот Жанне. Та даже не попыталась стиснуть зубы. Остриё ножа ткнулось ниже пупка. Заварова закрыла глаза...

Но боли не было. Не было, несмотря на то, что её живот в очередной раз сам собой подался вперёд, намереваясь встретиться с лезвием... И тут Артём заговорил:

– Я это действительно сделаю, раз он так сильно этого хочет. Но не сейчас, хорошо? Знаешь, почему?.. Подумай, как славно было нам с тобой несколько минут назад. Если я сейчас тебя вспорю, мы больше не сможем это повторить. А если ты останешься сейчас в живых, мы с тобой ещё много, очень много раз сможем заниматься этой игрой... Может быть, придумаем что-то новое. Как ты думаешь, в этом есть смысл? А когда-нибудь, может быть, через несколько лет, мы с тобой отправимся в далёкое путешествие... В горы, на берег моря... Куда захочешь. И вот там, тогда, мы с тобой поставим точку в нашей игре. Только тогда. Не сейчас. Зачем это делать сегодня, когда мы с тобой только-только нашли друг друга?

Сказать, что у Жанны голова пошла кругом, это значило не сказать ничего... Но только когда платок вновь покинул её запёкшийся рот, а нож, вместо того чтобы резать её мягкий животик, обрезал ленты скотча, до женщины дошёл весь смысл сказанных Артёмом слов.

– А платье я тебе куплю завтра же, – сказал мужчина. – Любое, какое ты захочешь. А это можно будет выбросить...

Жанна с трудом встала, подошла к Артёму и, обняв его за шею, спрятала лицо у него на груди.

– Не смей его выбрасывать, – сказала она. – Мы его сохраним... До того, до нашего... путешествия.

* * *

– ...Танька не раскрыла тему, – громко шепнул Фомин, когда пунцовая от смущения Петрова отправилась на место с «четвёркой» за рассказ у доски об органах размножения человека. Макаров, его сосед, довольно хмыкнул. Жанна Викторовна то ли не услышала, то ли сделала вид, что не слышит. В преподавательнице ученики заметили много неожиданных перемен за последнее время. Заварова уже не делала так часто замечания по поводу и без повода. Она перестала засиживаться после смены в учительской и явно «для галочки», равнодушно, выступила недавно с лекцией о вредности и бездуховности западной культуры. Она перестала носить старое тёмно-синее платье, которое приводило некоторых девушек в лёгкий ужас своей подчёркнутой старомодностью. Наконец, сменила очки-консервы на контактные линзы. И вообще, как будто помолодела; лицо её, ранее обычно сумрачное, теперь словно бы светилось. Школьницы шептались, что уже не раз видели Жанну Викторовну в компании импозантного молодого человека – судя по одежде и машине, вполне преуспевающего. Так что нарушители дисциплины только радовались и надеялись, что это теперь всерьёз и надолго.

Всерьёз – да. А какой срок ей отмерен, Жанна Викторовна тоже знала.

СОДЕРЖАНИЕ

Индейский полдень.....	3
Подручными средствами.....	10
Онна-дэ. Год 1945-й.....	14
По рецепту хунты.....	24
Колумбийская рулетка.....	33
Белая курочка.....	39
После «Бури».....	51
Встреча в лесу.....	57
Стихийное бедствие.....	63
Ночное дежурство.....	76
Случай в магазине.....	86
Нечего терять.....	104
Два эпизода из жизни городской окраины.....	113
Наглядное пособие.....	123

+21